

Учреждение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО,
ЭТО БЫЛО ДАВНО...»

Под редакцией И. Орлика

Москва
2010

ISBN 978-5-9940-0223-0

ВБК 65.02

Э 92

«Это было недавно, это было давно...»: Воспоминания /Отв.ред. И.И. Орлик; сост. И.И. Орлик, Т.В. Соколова. М.: ИЭ РАН, 2010. 264 с.

Книга приурочена к 50-летию Филиала «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН.

Авторы очерков – люди старшего и среднего поколений научных сотрудников одного Института рассказывают о многих сторонах жизни своего научного центра, о сложных этапах его становления и не менее сложных периодах дальнейшего развития и деятельности большого творческого научного коллектива.

Научно-вспомогательную работу провела Л.Е. Перевезенцева.

©
Институт
экономики РАН,
2010

©
Коллектив
авторов,
2010

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
<i>Л. Зевин.</i> Первые годы	7
<i>О. Богомолов.</i> Наши исследования не были напрасными	29
<i>А. Некипелов.</i> Институт Богомолова	41
<i>Н. Шмелев.</i> ИЭМСС: полный круг	50
<i>Р. Гринберг.</i> До и после перестройки	55
<i>А. Бутенко.</i> Наука и политика	79
<i>Р. Евстигнеев.</i> На пути к экономической синергетике	101
<i>Л. Косикова.</i> Наш Шаститко	117
<i>А. Ципко.</i> ИЭМСС глазами «невыездного»	127
<i>М. Тригубенко.</i> Вьетнамская Сага	151
<i>Е. Богатова.</i> Воспоминания об ИЭМСС	166
<i>А. Саморукова.</i> Наука и дипломатия	170
<i>В. Дашичев.</i> Дела международные	174
<i>Л. Шевицова.</i> Как молоды мы были	193
<i>Д. Фельдман.</i> Было и это	200
<i>Л. Фокина.</i> О волейболе	212
<i>А. Поляков.</i> Институтская хунгарология	226
<i>П. Кавко.</i> А все-таки помнится	233
<i>И. Орлик.</i> 40 лет на Новочеремушкинской, 46.	238

От составителей

Эта книга приурочена к 50-летию Филиала «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН.

Авторы очерков – люди старшего и среднего поколений научных сотрудников одного Института рассказывают о многих сторонах жизни своего научного центра, о сложных этапах его становления и не менее сложных периодах дальнейшего развития и деятельности большого творческого научного коллектива.

В своих воспоминаниях руководители и рядовые сотрудники Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), затем преобразованного в Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ), раскрывают главные направления научных поисков, открытий и разочарований на сложном пути познания экономических, социальных, международно-политических проблем жизнедеятельности большой группы стран, входивших в «мировую социалистическую систему».

Как подтверждают материалы книги, результативность исследований, проводившихся в Институте, в значительной степени определялась уникальным составом научного коллектива. В Институте работали и работают экономисты, социологи, историки, политологи, географы, правовики, философы. Все

они высококвалифицированные специалисты, многие из них доктора и еще большее число кандидаты наук. Четыре академика и три члена-корреспондента РАН в разное время работали в Институте.

В книге приведены драматические эпизоды противостояния научных взглядов и администрирования государственной власти, устремления Института предотвратить пагубные последствия ошибочной внутренней и внешней политики в сложной международной ситуации второй половины XX века и в наше время.

Освещены широкие международные связи с восточноевропейскими и западными научными центрами, плодотворные контакты и совместные научные разработки в рамках международных исследовательских проектов.

В некоторых воспоминаниях показана жизнь большого коллектива, тогда еще довольно молодых людей, дружеские взаимоотношения, веселые и грустные события на протяжении долгих лет совместной жизни и работы.

Многие страницы очерков посвящены памяти талантливых ученых, характеристике их трудов. Раскрыты высокие человеческие черты, порядочность, нравственность и в то же время простота в общении с младшими коллегами и учениками многих ветеранов Института – Филиала «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН.

*И. Орлик
Т. Соколова*

Первые годы

Писать об Институте экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР (ИЭМСС АН СССР) через полвека после его создания трудно по многим причинам. К сожалению, продолжают работу из числа его основателей и первых двух волн пополнения (сектор стран народной демократии Института экономики АН СССР, группа окончивших ВУЗы преимущественно выпусков 1961–1962 гг. и специалистов, высвобождавшихся из различных учреждений в ходе бурно идущих в это время хрущевских реформ) лишь несколько человек, а документы первых лет не сохранились.

Автор этой статьи – один из представителей второй волны (высвобождение в связи с армейской реформой). Поэтому он начинает свои воспоминания с периода слияния двух кадровых волн, а именно с 28 февраля 1961 г. – первого дня рождения

ИЭМСС в полном формате. Решение же о создании Института было принято, насколько мне известно, Секретариатом ЦК КПСС летом 1960 г.¹

Институт к этому моменту временно размещался в нескольких помещениях второго этажа солидного здания старой застройки в Китайском проезде, соединяющем площадь Ногина с набережной Москвы-реки. Встречала впервые пришедших на работу ослепительно красивая молодая женщина – Галя Бахирева (Сиваковская), которая и провела меня на рабочее место в пока пустую комнату, где впоследствии разместился сектор экономических отношений с развивающимися странами.

Первое знакомство с руководством Института состоялось через несколько дней. Временно обязанности директора исполнял Алексей Дмитриевич Ступов, бывший ранее министром сельского хозяйства РСФСР и позже – руководителем сектора стран народной демократии в Институте экономики. Он производил впечатление спокойного, уравновешенного человека, в чем мне пришлось вскоре убедиться: сгоряча я написал «наверх» записку с критикой политики одной из братских стран по отношению к развивающимся странам. Алексей Дмитриевич прочитал ее, удовлетворенно хмыкнул (так мне показалось) и сказал «хорошо». Потом выяснилось, что она спокойно осталась лежать у него в «долгом ящике». Но урок был получен и принят, тем более, что я и сам осознал, что поторопился с выводами. До настоящего времени помню это и стараюсь несколько раз

---

1. Автор здесь и далее приносит извинения за возможные неточности, неправильную трактовку событий и оценку мотиваций и действий коллег по Институту и других лиц, упомянутых в его воспоминаниях. Что касается Сектора стран народной демократии, то о нем можно прочитать в интересной книге Р. Евстигнеева «Безмолвное знание (Воспоминания экономиста)». М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006. С. 106–109. Более подробные сведения о событиях первого десятилетия Института приведены в работе Бутенко А.П. Наука, политика и власть: воспоминания и раздумья. М., 2000. С. 127–156.

проверять и перепроверять свои работы. К сожалению, Алексей Дмитриевич вскоре умер, сидя за столом и готовя очередной материал для директивных органов. Это была первая потеря молодого Института. Более подробно об Алексее Дмитриевиче может рассказать первый секретарь директора Института Нина Юдина (Бобкова), очаровательная жизнерадостная женщина, которая работает в Институте до настоящего времени.

Вскоре Институт получил и первого директора. Им стал Геннадий Михайлович Сорокин – крупный специалист, возглавлявший в Госплане СССР отдел сводного планирования, четко выраженный государственный и сторонник планового регулирования народного хозяйства. Некоторые в Институте считали его «упрямым сталинистом», но мне кажется, что это не совсем верно. Скорее он был жестким сторонником курса, который позже в ГДР называли «орднунг» экономикой.

К лету 1961 г. Институт стал входить в нормальный рабочий ритм, сформировались первые сектора, в том числе и сектор экономических отношений с развивающимися странами, руководителем которого был назначен к.э.н. Григорий Михайлович Прохоров, до этого работавший в Государственном комитете по внешнеэкономическим связям при Совете Министров СССР.

Григорий Михайлович – бывший фронтовик, и мы с ним как-то легко нашли взаимопонимание и более трех десятилетий дружно работали даже в сложной ситуации смены заведующего, а также поддерживали теплые отношения после его ухода на пенсию. Уже в 1961 г. сектор сформировался. После окончания МГУ в него пришли Наталья Ушакова, затем Вадим Меникер и Маргарита Стрепетова.

Мне трудно сейчас вспомнить о работах, выполняемых другими подразделениями, но коридор Института явно оживился, приходило много людей, шли оживленные дискуссии, споры,

устанавливались связи с секторами расположенного в этом же здании ИМЭМО. Более отчетливо запомнился сектор информации, куда пришла группа молодежи, по двум причинам: во-первых, мы контактировали с ними в поисках скудно поступающей информации по нашей тематике, и, во-вторых, в связи с назначением заведующим опального Григория Борисовича Герцовича, которого в Институте считали крупнейшим специалистом по странам народной демократии.

Летом 1961 г. начался переезд Института на 2-ю Ярославскую улицу, где мы опять оказались вместе с ИМЭМО. Это лето оказалось для меня воистину судьбоносным. Институт опустел, большинство сотрудников или ушли в отпуск или, пользуясь неразберихой переезда, отсиживались дома и на дачах. Неожиданно сверху (откуда именно не помню) пришло срочное задание – рассчитать возможные последствия для ГДР полного разрыва экономических отношений с ФРГ².

Вызвать кого-либо из отпуска было сложно (организационный период), да и время не позволяло: надо было уложиться в жесткие сроки. Ситуация усугублялась идущим процессом переезда в новое здание: доступ даже к скромному информационному заделу оказался закрытым. Кто-то вспомнил, что я после окончания войны четыре года работал в советской военной администрации в Германии, знаю немецкий язык (впрочем, все равно выбора не было). Меня, Вадима Меникера и Наталью Ушакову посадили в пустующий директорский кабинет, отдали всю имеющуюся оргтехнику – громадный громыхающий

---

2. Видимо, в это время созревала идея возведения Берлинской стены. Когда эта часть воспоминаний была уже написана, данное предположение получило подтверждение. В одном из июньских номеров «Известий» за 2009 г. опубликована рассекреченная беседа Н.С. Хрущева с Генсеком ЕСПГ Вальтером Ульбрихтом, где они в деталях обсуждают ход подготовки к проведению молниеносной операции по изоляции восточных секторов Берлина.

арифмометр и вручили переданный из Госплана СССР последний статистический Ежегодник ГДР.

Более двух недель в кабинете стоял оглушительный грохот, арифмометр раскалялся, шли судорожные поиски каких-либо данных из доступных немецких газет и журналов. Пришлось привлечь свои воспоминания о восстановлении экономики ГДР. В результате выяснилось, на долю ФРГ приходилось всего 13% общего импорта. Однако продолжение исследования показало, что экспорт из Советского Союза и стран народной демократии по технически сложному ассортименту не способен его заместить. Потеря же западногерманского импорта могла бы снизить почти в два раза объем промышленного производства ГДР. В ходе работы выяснилось, что подобное задание получили и сотрудники ИМЭМО: они обратились к нам, и мы поделились имеющейся информацией. Это был первый опыт совместной работы, который использовали обе стороны на протяжении многих десятилетий.

Работа получила «наверху» хорошую оценку, о чем Институту сообщили в письменной форме, а дирекция выдала нам невиданную по тем временам премию в размере месячного оклада. С отъездом нашей группы из Китайского проезда закончился первый, во многом организационный, период формирования Института: он заметно вырос численно, появилось несколько высококвалифицированных специалистов из СЭВа, советских учреждений, группа аграриев – участников освоения целины.

Из первых лет пребывания в Институте мне запомнилась одна нагрузка за пределами тематики сектора: директор поручил мне проверку знания иностранных языков (английского и немецкого) у всех претендентов на работу в Институте. Времени это занимало немного, но позволило установить (в подавляю-

щем большинстве случаев!) хорошие отношения с большой группой сотрудников, что очень помогало в работе.

Другим средством адаптации к новой для меня «гражданке» стало избрание членом институтского партийного бюро. Хорошо помню первое партийное поручение: выяснить, как готовится к защите аспирант Николай Петрович Шмелев. Не помню всех деталей беседы, но закончилась она длинной дискуссией о положении недавно освободившихся стран в мировой торговле и международном разделении труда (его диссертация была в рамках этой тематики). Долгое время мы работали по «соседним» темам: он – экономические отношения с развитыми капиталистическими странами, я – со слаборазвитыми. Позже Николай Петрович возглавил общий отдел отношений с несоциалистическими странами. До настоящего времени, хотя и не часто, но, как мне кажется, с удовольствием встречаемся на различных институтских мероприятиях. Особенно интенсивно сотрудничали в международном проекте с участием стран СЭВ «Звезда».

Ярким воспоминанием первых лет стало участие в знаменательном для Института событии – подготовке и издании первой коллективной монографии «Строительство коммунизма в СССР и сотрудничество социалистических стран». Книга объемом в 21 печатный лист и тиражом 13360 экземпляров увидела свет в октябре 1962 г. в издательстве «Экономическая литература». Работа над книгой началась еще в 1961 г. и ее рукописный вариант был сдан в производство в апреле 1962 г., то есть вскоре после XXII-го съезда КПСС. Собственно, это была первая визитная карточка Института, отражающая его тематику, степень охвата проблем и видение перспективы. Коллектив авторов сосредоточился на экономике стран мировой социалистической системы, совершенствовании форм экономических отношений, необходимости объединения усилий всех социалистических стран «в интересах

строительства социализма и коммунизма». Книга вышла под общей редакцией чл.-корр. АН СССР Г.М. Сорокина. Редакторы: д.э.н. Олейник И.П., к.э.н. Попов К.И. и Зевин Л.З.

Представляется целесообразным привести название глав и авторов: это показывает, что Институту удалось за короткий период собрать квалифицированный коллектив исследователей и освоить довольно широкий круг проблем.

Гл. I. Строительство коммунизма в СССР и экономические проблемы развития мирового социализма (чл.-корр. АН СССР Г.М. Сорокин).

Гл. II. Становление и развитие единого экономического базиса мировой социалистической системы (д.э.н. И.П. Олейник).

Гл. III. Изменение структуры народного хозяйства социалистических стран (д.э.н. Т.В. Рябушкин).

Гл. IV. Международное социалистическое разделение труда и пути его дальнейшего развития (к.э.н. И.В. Дудинский).

Гл. V. Координация перспективных народнохозяйственных планов (к.э.н. Б.П. Мирошниченко).

Гл. VI. Внешняя торговля – важная форма экономического сотрудничества между социалистическими странами (к.э.н. В.П. Сергеев).

Гл. VII. Проблемы ценообразования в торговле между социалистическими странами (к.э.н. О.И. Тарновский).

Гл. VIII. Проблема межгосударственной специализации сельскохозяйственного производства мировой системы социализма (к.э.н. В.И. Сторожев).

Гл. IX. Подъем материального состояния и культурного уровня народов мировой системы социализма (к.э.н. Е.А. Коновалов).

Гл. X. На пути к решающей победе социализма в экономическом соревновании двух систем (к.э.н. Г.Б. Герцович).

Гл. XI. Экономическое сотрудничество социалистических стран со слаборазвитыми государствами (к.э.н. Г.М. Прохоров).

Отражая общую атмосферу в стране, монография несла в себе черты «экономического романтизма», но вместе с тем в ней было достаточно анализа, критического отношения к сложившейся практике, дельных предложений, которые, к сожалению, по большей части остались нереализованными.

В связи с книгой помню не очень приятный для меня эпизод. Именно в это время произошел очередной резкий разворот в наших отношениях с Югославией: был взят курс на возобновление нормальных связей, в том числе экономических. Я сообщил Геннадию Михайловичу, что у нас этот вопрос не отражен. Мне было сказано: «Найдите наиболее подходящее место и вставьте». Книгу сдавали в редакцию, когда директор был в отъезде. После долгих колебаний я понял, что единственным подходящим местом является первая теоретическая и обзорная глава, куда и внес безобидную фразу о пользе улучшения отношений с СФРЮ. По возвращении Геннадия Михайловича я доложил о сдаче рукописи и выполнении его поручения. «Куда вставили?» – последовал вопрос. «В Вашу главу, в другие никак не вписывается», – отметил я. Тут на высоких тонах получил страшный продолжительный разнос. Долго терпел, пока не заявил, что меня можно уволить, если не прав, но разговаривать в таком тоне нельзя, ибо буду вынужден покинуть кабинет. Постепенно страсти остыли, содержание «врезки» строго соответствовало официальным формулировкам. Инцидент был исчерпан. К чести Геннадия Михайловича надо сказать, что относиться ко мне он хуже не стал и в дальнейшем давал мне поручения, ни в коей мере не ограничивая инициативы, а в нескольких случаях даже поддерживал ее, отправляя предложения в Совет Министров СССР Н.А. Косыгину. Мне нравилось в директоре его ровное

отношение к сотрудникам, самостоятельность, критическое отношение к партийным верхним эшелонам власти, стиль руководства Институтом без формирования вокруг себя приближенного круга избранных.

Год 1962-й примечателен тем, что шел активный процесс укрепления организационных и общественных структур Института, прибывало кадровое пополнение. Активизировалась работа Ученого совета, партийной и профсоюзной организаций. В памяти остались несколько интересных эпизодов и людей. На одном из первых заседаний Ученого совета на защите кандидатской диссертации присутствовала одна из легенд советской экономики – академик Станислав Густавович Струмилин. Он молча просидел на защите и после ее окончания провожаемый ученым секретарем Совета ИЭМСС Юрием Николаевичем Беляевым покинул заседание. Больше на заседания Совета не приходил (ему уже тогда было более 85 лет), но за его работой внимательно следил. В этом убедился на собственном опыте, кстати для меня крайне волнительном.

В 1964 г. я готовился к защите кандидатской диссертации по проблемам экономического сотрудничества со слаборазвитыми странами (теперь их называют развивающимися). В теоретической части содержалась критика оценки эффективности внешней торговли, базирующейся на определяемых себестоимостью ценах. Кампанию за определение цены на основе учета не только текущих издержек, но и капитальных затрат начали советские экономисты Л. Воог и С. Захаров. Диссертация приняла подобный подход и развила его с учетом специфики сотрудничества со слаборазвитыми странами (помощь в виде кредитов, технического содействия и т.п.). Незадолго до защиты мне сообщают, что меня желает видеть Станислав Густавович, не согласный с подобной позицией. Я, естественно, сразу отправился по данно-

му мне адресу, был принят, и после довольно продолжительной дискуссии академик снял свои возражения применительно к данному сегменту внешнеэкономической деятельности, оставаясь на прежних позициях при определении методики внутренних цен и в торговле с социалистическими странами.

Из ценовой проблематики хорошо запомнился еще один эпизод. Добрая половина Института на заседаниях дирекции, Ученого совета и, особенно активно, в коридорах обсуждала вопрос о базе ценообразования в мировой системе социализма. Главными, непримиримыми участниками дискуссий были Олег Иванович Тарновский (собственная) и Константин Иванович Попов (общемировая). Споры затянулись на долгие годы, вспыхивая и затухая, фактически прекратившись только после исчезновения объекта исследования.

Центром теоретической дискуссии – является ли экономика мировой социалистической системы единым организмом или группой сотрудничающих экономик – был д.э.н. Иван Прокопьевич Олейник. Вопрос формулировался и по-другому: действуют ли экономические законы (процессы) в рамках отдельных стран или в рамках всей системы мирового социализма? Похоже, здесь дискуссия была вялой и шла в более узком составе. Оживление в нее вносила энергичная, остро реагирующая на все события Искра-Марина Александровна Усиевич. Постепенно она сосредоточилась на проблеме венгерских реформ, став решительным сторонником необходимости учета их опыта. Однако в середине десятилетия, вместе с приходом в Институт Анатолия Павловича Бутенко, развернулась между ним и Иваном Прокопьевичем Олейником бескомпромиссная дискуссия о возможности противоречий и их характере внутри отдельных социалистических стран и в мировой системе социализма. Постепенно в нее оказались в той или иной степени втя-

нуты не только наш Институт, но и другие научные учреждения и издательства. Поскольку я не был в числе активных участников этих научно-политических споров, то отсылаю читателя к цитируемой в начале очерка книге А.П. Бутенко, где он подробно описывает всю эту эпопею с ее часто весьма неприятными и болезненными последствиями для многих сотрудников и для всего коллектива.

Как бы немного в стороне стоял солидный и интересный по кадровому составу сектор аграрных проблем. Заведовал сектором Василий Иванович Сторожев. Петр Савватеевич Балезин долгое время был секретарем парторганизации Института, Сергей Александрович Мелин – секретарем профкома. С Петром Савватеевичем и Сергеем Александровичем у меня установились дружеские отношения: у первого я был заместителем по партийной линии, со вторым нас объединяла любовь к грибной охоте.

С партийной жизнью Института у меня связаны три события, которые в какой-то мере отражают перипетии сложной изменчивой ситуации второй половины прошлого века. В 1964 г. П.С. Балезин в течение полугода отсутствовал в Институте, и я исполнял обязанности секретаря партбюро. В этом качестве был приглашен на заседание районного партактива после отстранения Н.С. Хрущева с занимаемых постов. Активу разъяснили (во всяком случае, назвали) причины, приведшие к подобному решению, и поручили срочно собрать партактив Института (видимо, именно актив, поскольку совещание происходило в кабинете Г.М. Сорокина, где все члены и кандидаты партии Института не поместились бы). Должен признаться, это была тяжелая задача: вопросы сыпались, как из рога изобилия (точнее – из ящика Пандоры), а полученная на районном активе информация не позволяла дать сколь-либо удовлетворительного объяснения

многих проблем. Естественно, создалось впечатление, что я, возможно, не все понял, плохо записал и т.п. Во всяком случае к концу совещания я напоминал выжатый лимон.

Два других эпизода выходят за пределы описываемого в этой главе периода. Когда руководителем Института назначали О.Т. Богомолова, он рекомендовал меня на должность секретаря партбюро, но в высших инстанциях посчитали кандидатуру недостойной. Секретарь Дзержинского районного комитета партии должен был транзитом передать в ходе беседы это решение. Прибыл по вызову в райком, побеседовали о погоде и расстались. Один из образцов решения кадровых вопросов. Последний партийный эпизод относится уже к 1991 г., когда часть институтского партийного коллектива (меньшая, порядка 25 человек) считала, что в этот судьбоносный для страны период нужно бороться не с партией, а за руководство в партии, с тем, чтобы имеющийся в ней аппарат управления использовать для осуществления назревших реформ. И тогда я, не взирая на прошлый опыт, согласился с выбором моих единомышленников и стал секретарем Партбюро. С большинством из них я до сих пор поддерживаю самые лучшие отношения.

Одним из ярких воспоминаний – первая зарубежная командировка в 1965 г. Год назад защищена диссертация, и я на целый месяц отправлен в Чехословакию для изучения ее опыта сотрудничества с развивающимися государствами и координации действий в этой области с Советским Союзом и другими странами СЭВ. Сразу влюбился в эту уютную европейскую страну, подружился со многими экономистами.

Директором чехословацкого Института экономики был в то время Отто Шик – один из инициаторов так называемой Пражской весны. Похоже, коллектив Института его поддерживал, но сотрудники в первых беседах, присматриваясь, осторож-

ничали, возможно «прощупывали», но постепенно стали откровеннее; а аспирант Н. Ордунг, с которым мы подружились на базе тенниса и баскетбола, обрисовал ситуацию в деталях. Надо честно признаться, что довольно сильно растерялся. С одной стороны, привлекали многие элементы предлагаемых реформ, с другой – к этому моменту они не были еще четко сформулированы, «давила» советская позиция, хотя и дома уже пустились ростки идеи шестидесятников.

Чтобы не возвращаться еще раз к Чехословакии, расскажу еще об одном, связанном с ней событии, завершившем первый период развития ИЭМСС. В 1969 году в нем произошли крупные изменения. «Верхи» остались неудовлетворенными его работой, реакцией на «Пражскую весну», Г.М. Сорокин был освобожден от занимаемой должности. Мне кажется, несправедливо обвинять Геннадия Михайловича в том, что он просмотрел назревшие в этой стране события. Приведу лишь один эпизод, который позволит читателю самому дать ответ на этот деликатный вопрос. За довольно значительное время до отставки Г.М. Сорокин на собрании Института заявил (привожу дословно – Л.З.): «Мы не дадим Шику шиковать». Фраза сразу же врезалась в память, как теперь запоминаются афоризмы С. Черномырдина. Институт в своих работах обращал внимание партийного и советского руководства на «нестандартные» процессы в чехословацкой экономике.

Важную роль, как и сектору информации, в первые институтские годы принадлежала сектору статистики. Его возглавлял известный специалист в данной области д.э.н. Тимон Васильевич Рябушкин, избранный во время работы в ИЭМСС членом-корреспондентом АН СССР. Все сотрудники часто обращались в этот сектор как для получения выверенных данных, так и за разъяснениями методологии сопоставлений страновых и общих

по мировой социалистической системе параметров. Недостаток информации, ее несопоставимость ощущались очень болезненно, поэтому помощь статистиков, которую они, как правило, охотно оказывали, была весьма полезной.

К середине 60-х годов формирование структуры Института в основном завершилось: функционировали два страновых подразделения – европейских и азиатских социалистических стран. Первое возглавил Николай Дмитриевич Столпов, полковник в отставке, до прихода в ИЭМСС заведующий одной из кафедр в военной академии им. В.И. Ленина. Из состава восточного направления хорошо помню Евгения Александровича Коновалова – способного китаевода и Марину Евгеньевну Тригубенко – специалиста по Корее и Вьетнаму. Они оба пришли в Институт с первого дня его существования. Марина Евгеньевна возглавляет сейчас сектор Юго-Восточной Азии. Ее знания, трудолюбие и организаторские способности внесли огромный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов Вьетнама и некоторых других азиатских стран.

С приходом в 1964 г. Анатолия Павловича Бутенко началось формирование политической и идеологической составляющей исследовательского процесса Института. Через некоторое время сложился костяк Отдела политических и идеологических проблем, работы которого стали известными не только в Советском Союзе, но и в братских странах социализма и за их пределами.

Активными участниками мозгового центра ИЭМСС этого периода были Петр Мартынович Аламшиев, Илья Владимирович Дудинский и Иван Прокопьевич Олейник. Все они оставили о себе добрую память у коллег по совместной работе, несмотря на возникающие противоречия и жаркие споры.

Петр Мартынович был патриархом Института и по возрасту и по степени уважения. Несмотря на значительную разницу

в возрасте и не слишком близко совпадающие темы исследования, у нас установились хорошие отношения ученика и учителя, особенно когда выяснилось, что он знал моего отца во время своей длительной командировки в Среднюю Азию в 1930-е годы. Позже мы вместе много лет принимали экзамены у аспирантов, но со временем были мягко отстранены, предположительно, из-за излишней независимости в оценках. Объединяла нас и упорная настойчивость в борьбе за четкость формулировок решений Ученого совета по присуждению ученых степеней. Считаю себя его наследником в этой области. Петр Мартынович умер летом 1991 г., когда большинство сотрудников были в отпуске, а оставшиеся – оказались вовлеченными в бурные политические процессы, и, к огромному огорчению, мы не смогли проститься с ним.

Яркой личностью был и Илья Владимирович Дудинский, ставший, как и Т.В. Рябушкин, заместителем директора. Он не производил такого фундаментального впечатления, как П.М. Алампиев, но был очень подвижен, быстро схватывал новые веяния и тенденции, оперативно инкорпорировал их в свои исследования и публикации, любил и умел вести дискуссии.

Об Иване Прокопьевиче Олейнике уже упоминалось выше. Он сосредоточился, насколько помню, на политэкономии социализма, соотношении базиса и надстройки – проблемах, активно обсуждаемых в начале 60-х годов прошлого века, а также на интенсификации и повышении технического уровня производства (тогдашнего аналога современного термина «модернизация», однако с упором на количественные показатели). Он был первым оппонентом по моей кандидатской диссертации в 1964 г. Хорошо помню его выступление на защите не столько из-за содержания, сколько из-за упорной борьбы за правильное произнесение в связке имени, отчества и фамилии диссертанта. Уже

после его ухода из ИЭМСС в середине 1970-х годов пару дней был его гостем во время моей месячной командировки на Кубу, где он два года преподавал политэкономии.

Майя Алексеевна Лаптева – заведующая машинописным бюро, технический секретарь Ученого совета и вообще специалист «на все руки», готовый придти на помощь каждому сотруднику. Офисной техники было мало, поэтому работы писались с помощью традиционной ручки, шариковое чудо стало только появляться. Учитывая, что значительная часть внешнеэкономической деятельности была засекречена и могла печататься только в машбюро, его пропускная способность определяла в значительной мере объем печатной продукции всего коллектива Института. Но даже в этой сложной ситуации Майя Алексеевна и ее коллеги справлялись с задачей: об интенсивности работы свидетельствовал пулеметный стрекот, оглушающий и приводящий в трепет каждого сотрудника, просунувшего голову в окошко двери машбюро и самонадеянно обосновавшего приоритетность печатания именно его работы.

Исследования Института вызывали интерес в стране и за рубежом. В нем, хотя и не очень часто, стали появляться не только ученые, специалисты и преподаватели из Советского Союза и социалистического лагеря, но и из капиталистических и развивающихся стран. Начала ощущаться потребность в упорядочении этого нового процесса, переходе от эпизодических контактов к сотрудничеству на постоянной основе. Так возникла идея о создании филиалов ИЭМСС. Первый филиал возник на Украине, где к этому времени сформировалась группа преподавателей и специалистов, связанных по работе и/или интересующихся проблемами мировой социалистической системы.

Возглавил Украинское отделение ИЭМСС д.э.н., профессор Киевского Университета им. Т.Г. Шевченко Николай

Григорьевич Клишко. Крупный солидный человек, типичный украинец он много лет сотрудничал с Институтом, объединил в республике довольно значительную группу людей, которая внесла заметный вклад в изучение проблем мировой системы социализма. Николай Григорьевич привлек к работе в Отделении членов своей семьи, включая сына – Григория Николаевича. Институт и Отделение провели уже в 1960-е годы несколько совместных мероприятий, наиболее заметным из которых стало издание в 1968 г. научного труда – монографии «Проблемы развития экономики социалистических стран Европы». Книга была опубликована в Киеве издательством политической литературы Украины тиражом 5000 экземпляров.

Это был, пожалуй, самый крупный проект того времени: в нем участвовали свыше 25 авторов. Редколлекцию сформировали на паритетной основе: Институт представляли Б.П. Мирошниченко, Л.С. Николаева (Дегтярь) и Л.З. Зевин, а Отделение – Н.Г. Клишко, С.Н. Журба и В.И. Филиппова. Общую редакцию осуществлял Н.Г. Клишко, координатором назначили Л.З. Зевина. Книга состояла из двух разделов. Первый – «Планомерное развитие экономики социалистических стран Европы» и второй – «Укрепление социалистического разделения труда между социалистическими странами Европы».

В связи с этим проектом хорошо запомнились два эпизода. В книге принял участие в то время сотрудник Отдела ЦК КПСС Олег Тимофеевич Богомолов. Мне пришлось несколько раз связываться с ним по телефону и просить ускорить предоставление главы, не зная его в лицо. Летом во время отпуска в Крыму я, для сокращения пути, лазил через забор в соседний санаторий, где играл в теннис с двумя незнакомцами. После представления выяснилось, что мы уже заочно знакомы. Посмеялись! Второй эпизод был иного рода. В ходе подготовки книги я несколько раз

приезжал в Киев, где мы согласовывали позиции и редактировали главы по мере их поступления. Некоторые авторы при сравнении экономических показателей стран двух мировых систем позиционировали Украину не как часть единого государства, а в такой последовательности: СССР – УССР – США – другая страна, причем иногда просто «Украина». Пришлось долго спорить и убеждать, пока не был найден приемлемый компромисс, который, однако, не всегда до конца соблюдался.

Опыт украинского Отделения вызвал интерес, и по его примеру были созданы другие (помню участие в подобном проекте в Литве).

Во второй половине 1960-х Институт, в поисках новых форм работы и контактов с зарубежными партнерами за пределами мировой системы социализма (в развивающихся странах), выступил с инициативой выполнения исследований за рубежом по новой схеме: интеллектуальные услуги и рублевое финансирование представляла Академия Наук СССР, а расходы в валюте брал на себя заказчик, в данном случае Государственный комитет по внешнеэкономическим связям при Совете Министров СССР. Опыт оказался удачным, его использовали и некоторые другие академические институты.

Пилотный проект выполнили Н.А. Ушакова (Египет) и Л.З. Зевин (Индия). В течение трех месяцев обследовались объекты сотрудничества, определялась их эффективность и вместе с местными специалистами разрабатывались предложения по дальнейшему развитию взаимовыгодных экономических отношений, включая предоставление советской помощи на льготных условиях. Результаты были доложены на совещании руководства ГКЭС и направлены в Совет Министров СССР. Н.А. Косыгин наложил резолюцию о необходимости учета предложений в плане ГКЭС на 1971–1975 гг. Участие в данном проек-

те было очень важным для моей научной карьеры: полученные данные об эффективности подтвердили в «полевых условиях» разработанные ранее методики определения эффективности экономических связей с большой группой развивающихся стран и существенно подкрепили теоретическую часть докторской диссертации, которая была защищена в апреле 1971 г.

К концу первого десятилетия своего функционирования Институт собрал достаточно сплоченный коллектив научных работников и поддерживающего технического персонала для выполнения масштабных исследований. Потребность в них ощущалась со все большей силой. Кризис в Чехословакии, сложные отношения с Китаем, другие внешние и внутренние события вызвали необходимость более глубокого осмысления происходящих в мире социализма новых явлений и трендов. Насколько я помню, общее настроение было приподнятым, разрабатывались новые планы исследований, ожидали более интенсивных контактов с «верхами», поддержки наших предложений.

События, однако, пошли по другому сценарию. Стандартная схема реакции включила поиск «виновных». В данной ситуации выбор был весьма ограничен: или «верхи» или «низы» в мягком варианте, или и «верхи» и «низы» – в жестком. Поскольку к этому времени жесткость режима ослабевала, был принят «более мягкий» вариант (хотел написать «смена стрелочника», но здесь не подходит: в руках Института не было и этого скромного инструмента). Произошла в два этапа смена большей части руководящего состава. Новым директором назначили уже участвующего в некоторых проектах Института ответственного сотрудника Отдела ЦК КПСС Олега Тимофеевича Богомолова, доктора экономических наук, известного специалиста в области международного разделения труда и сотрудничества социалистических стран.

Большинство сотрудников встретили это решение с огорчением: Геннадия Михайловича Сорокина уважали за огромный опыт работы по подготовке и сведению пятилетних планов в сводный пятилетний план развития народного хозяйства СССР, умение четко формулировать задачу, подвести итоги дискуссии, семинара и конференции. К чести Института следует отнести и то, что сожаление по поводу расставания со старым директором не превратилось во враждебное отношение к новому. Конечно, царили настороженность, неуверенность, кое у кого боязнь потерять «место». Но, с другой стороны, многие из нас уже знали Олега Тимофеевича по его работам, участию в некоторых институтских проектах.

Мои воспоминания об этом периоде истории Института – одни из наиболее ярких. По воле случая оказался как бы связующим звеном «переходной эпохи». Примерно за полгода до ухода из Института Геннадия Михайловича его назначили председателем комиссии по проверке работы нашего соседа по зданию – Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Секретарствовать в комиссии поручили мне. Уход Г.М. Сорокина совпал по срокам с датой подведения итогов ее работы. Связаться с Геннадием Михайловичем не удалось. Пришлось мне составлять отчет, хотя был не в курсе ряда бесед председателя с руководством «объекта ревизии». В соответствии с известной поговоркой «где тонко, там рвется» в ИМЭМО сменился директор: вместо умершего Анушавана Агафоновича Арзуманяна из «Правды» пришел Николай Николаевич Иноземцев, который несколько лет до работы в «Правде» был заместителем директора ИМЭМО. Выводы недостаточно информированного секретаря комиссии столкнулись с неосведомленностью пришедшего всего несколькими днями раньше нового директора. В ходе длинной беседы удалось

достичь взаимоприемлемых формулировок. Отчет отослал в Президиум Академии и о его судьбе больше ничего не знаю (думаю, что он мирно пылился на полках, дожидаясь уничтожения по истечению срока давности).

Вторым элементом связки стала просьба-поручение Олега Тимофеевича исполнять некоторое время (которое растянулось на полтора года) обязанности Ученого секретаря. По мере бурного прогресса реформирования Института к этой нагрузке добавились, до прихода новых руководителей, еще несколько обязанностей. Полтора года не вылезал с утра до вечера из Института: было тяжело (заканчивал докторскую диссертацию), да и не хотелось рвать связи с родным сектором отношений с развивающимися странами. На Институт буквально накатила волна новых людей. Среди них было много известных специалистов с оригинальными взглядами и даже люди с «подмоченной» репутацией. Надо признаться, полтора года секретарствования оказались для меня весьма плодотворными. Причастность, пусть иногда и косвенная, к общеинститутским проектам существенно расширила мой научный кругозор. Остается надеяться, что и моя работа в сложный для Института период принесла какую-то пользу.

Мне кажется, что можно определить с достаточной степенью аргументированности и временной точности конец первого этапа развития ИЭМСС («Эпохи Г.М. Сорокина») и начало второго («Эпохи О.Т. Богомолова»). Если не изменяет память, произошло данное знаменательное событие осенью 1970 г. Президиум Академии Наук СССР слушал отчет нового директора о работе ИЭМСС. Ведущий состав Института лихорадочно (обычная практика) готовил «подпитку» – несколько таблиц и диаграмм, справок (открытых, для служебного пользования и закрытых). Вместе с О.Т. Богомоловым участвовали в заседа-

нии И.В. Дудинский и я, натруженный объемистой «подпиткой», которая отражала тенденцию роста роли мира социализма в системе внешнеэкономических связей Советского Союза. Все мы, конечно, сильно волновались.

Заседание Президиума вел Президент Академии Мстислав Всеволодович Келдыш. Буквально разбегались глаза: рядом Вице-президент Михаил Дмитриевич Миллионщиков, сбоку узнаю внимательно слушающего Петра Леонидовича Капицу, других известнейших советских ученых. Доклад, по-моему, приняли положительно, обсуждение прошло спокойно, пока Келдыш не задал риторический вопрос (привожу его по памяти, могу ошибиться в формулировке, но не в сути вопроса). Звучал он так: «Социалистические страны – наш главный партнер, а какова роль капиталистических стран, где мы будем покупать отсутствующую у нас современную технику?». Это было сказано в заключительном слове и повисло как бы в воздухе. Президиум принял спокойное решение (поэтому формулировки не запомнились). По дороге в Институт, в машине обменивались впечатлениями. В общем, остались довольны. Институт получил «добро» на предложенную программу действий. Начался новый этап его развития.

Наши исследования не были напрасными

Институт экономики мировой социалистической системы был образован в 1960 г. 50 лет назад этой системе прочили великое будущее — победу в соревновании с капитализмом. Соответственно на вновь созданный Институт возлагалось научное и идеологическое обоснование роста и укрепления социалистической системы.

Социалистические страны в то время демонстрировали бурный экономический подъем. Н.С. Хрущев предрекал, что не за горами время, когда мир социализма будет производить больше половины всей выпускаемой на планете промышленной продукции. Он же выступил с идеей общего для стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) хозяйственного плана. К этому же времени относятся разработка и принятие руководителями стран СЭВ «Основных принципов международного социалистического разделения труда» как антитезы капиталистической системе международных экономических

отношений. Словом, перед новым Институтом развевалась увлекательная перспектива работы, и от него ожидали научного подтверждения исторической миссии мирового социализма.

Безоглядный оптимизм, взгляд на страны народной или «новой» демократии сквозь призму советского опыта отличали работы Института в первые годы его существования. Действительность, однако, призывала к трезвости в анализе событий и процессов, которые отклонялись от идеологического сценария. Плановая экономика обнаруживала свои слабые стороны, не выдерживая соревнования с капитализмом в вопросах эффективности, технического прогресса, роста благосостояния. На примере ГДР и Чехословакии, все более уступавших в сравнении с ФРГ и Австрией, это было особенно заметно. Еретический с точки зрения ортодоксального марксизма вопрос о сочетании плановых и рыночных инструментов экономического управления начал находить все больше сторонников.

Изъяны тоталитарной политической системы обнажили венгерское народное восстание и расстрел бастующих рабочих в Познани (Польша) в 1956 г. Становилось очевидным, что от политических кризисов не застрахованы и другие социалистические страны. «Пражская весна» 1968 г. это подтвердила. Несмотря на то, что попытка обновить социализм в Чехословакии была прервана военной интервенцией стран Варшавского договора, неминуемость реформ и перемен ощущалась и в странах, называвших себя братскими, и в Советском Союзе. В записках Института для руководящих инстанций говорилось о необходимости реформ.

События 1968 г. изменили политический климат в лагере социализма. Для нас, Советского Союза, началась пора идеологических ужесточений, а в странах Центральной и Восточной Европы, пожалуй, за исключением ГДР и Румынии, «Пражская

весна» пробудила свободомыслие в интеллектуальной среде, потребовала гибкости от руководителей. В деятельности Института наступила новая полоса. У руководства КПСС появилось желание более внимательно отслеживать то, что происходит и в идеологии, и в экономике, и в политике «братских» стран. Именно поэтому возникла мысль реорганизовать Институт. Нужно было сделать все, считали верхи, чтобы дальнейшего раскола в лагере социализма не произошло. Именно с этим и была связана реформа Института, который должен был предупреждать о зарождении ереси в социалистическом стане.

Возглавив в этот период Институт экономики мировой социалистической системы, я, однако, имел свои планы. В условиях ужесточения идеологического контроля единственной возможностью сказать о чем-то новом, о тех переменах, которые могут произойти и в СССР, было изучение и разъяснение опыта других стран, уже начавших искать новые пути. Понятно, что такое направление исследований было достаточно рискованным.

И скоро, в начале 70-х годов, мы почувствовали, что наша активность в защиту югославского рыночного социализма и экономической реформы, начавшейся после 1968 г. в Венгрии, не находит понимания у тех, кому мы направляли свои аналитические записки и доклады. Более того, в них усматривался ревизионизм. Секретарь ЦК КПСС прямо потребовал пересмотреть нашу позицию. Тем не менее Институт не мог погрешить против истины и отказывался от предложений «вскрыть порочность» предпринимаемых реформ.

Нажим из Москвы заставил Я. Кадара освободить от работы в ЦК ВСРП архитектора венгерских реформ Реже Ньерша и перевести его на должность директора академического Института экономики. Вскоре Р. Ньерш получил от нашего Института приглашение посетить Москву в рамках научного сотрудничества.

Думаю, что Институт, несмотря на все сложности, сумел использовать возможности объективных исследований, которые нам давало то время. Мы информировали и «инстанции», и широкую научную общественность о поучительном опыте соседних стран, выступали в поддержку возникающих научных концепций и политических инициатив по демократическому обновлению социалистического устройства. Может быть, этого было недостаточно. И сегодня находятся критики, которые упрекают нас в умеренности, в том, что мы не заняли позицию резкого отрицания и неприятия наших собственных порядков. Но ведь максимализм, открытое несогласие с существующей политикой влекли за собой разгром. Да и теперь «несогласным» несладко живется.

Наша задача — задача исследовательского коллектива — состояла в том, чтобы объективно анализировать происходящие события, а не объяснять их, руководствуясь идеологическими догмами. Мы стремились в комплексе и взаимосвязи рассматривать политическое, идеологическое и экономическое развитие. Обычно такому синтезу выводов различных отраслей знаний мешала специализация и организационная разобщенность экономических и политических исследований. Между тем развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, т. е. зависит от целей, поставленных правящей элитой. Не менее важно и обратное влияние экономики, ее важнейших агентов на политику. В процессе наших исследований мы неоднократно убеждались, что политические интересы, идеология власть имущих надолго деформируют экономические законы. Это рано или поздно приводит к взрыву, если вовремя не вскрывать и не исправлять деформации, не корректировать политику.

Сотрудники Института, увлеченные реформаторскими идеями, обращали внимание в своих работах на неотложность

существенных коррективов нашей внутренней и внешней политики. В одном из докладов говорилось об ошибочности развертывания ракет средней дальности, нацеленных на Западную Европу, что, как известно, нам дорого обошлось. Мы считали бесперспективной, противоречившей государственным интересам политику идеологического, политического и военного присутствия в целом ряде африканских государств, которые относились к странам так называемой социалистической ориентации. Институт указал на губительные последствия афганской авантюры, направив сразу же после вторжения в Афганистан доклад в ЦК КПСС с рекомендацией отозвать войска. В его работах содержались предложения, способствующие развитию интеграции и обеспечению равноправного и взаимовыгодного характера нашего экономического сотрудничества как в рамках СЭВ, так и с Китаем, Индией, странами Запада. Мы считали, что в политике КПСС и советского государства по отношению к социалистическим странам не следует ориентироваться только на лидеров этих стран, а необходимо поддерживать связи и с общественными организациями и движениями, представлявшими зарождающуюся оппозицию властям.

В докладах наших сотрудников раскрывалась истинная картина и социальная подоплека событий в Польше в 1970 и 1980 гг. Ученые Института предвидели неизбежность революционных перемен в странах социализма, но не смогли предсказать их форму и глубину. Наши исследователи исходили из того, что коренные реформы и в политике, и в экономике, внедрение рыночных механизмов при сохранении социальной ориентации, демократизация внутренних и международных отношений — отказ от «опеки» со стороны Советского Союза — способны стабилизировать ситуацию в изучаемых нами странах, придать позитивный импульс их развитию, упрочить сотрудничество с

нашей страной. Такого рода выводы и предложения содержались не только в трудах Института (докладах, записках, статьях, книгах), но и в научных проектах, разрабатываемых совместно с учеными других социалистических стран. В серии международных докладов по проекту «Звезда», предназначенных для руководства этих стран, предлагались меры по преодолению международной конфронтации и «холодной войны». В этих работах нашли отражение взгляды сотрудников Института. Мы считали, что пора покончить с политикой гегемонизма и мессианства, перестать руководствоваться в международных отношениях классово-идеологическим подходом, свернуть разорительную гонку вооружений и устранить раскол Европы. Участники проектов подчеркивали, что следует сосредоточиться на решении внутренних проблем — укреплении экономики и реформировании ее управления, консолидации общества на демократической основе, а также на совершенствовании форм и методов взаимного политического и экономического сотрудничества, внося в него новые принципы и подходы.

Научные позиции Института так или иначе обеспечили ему признание среди научной общественности не только стран Центральной и Восточной Европы, Китая и Вьетнама, но и стран Запада.

Горбачевская перестройка явилась отдушиной для творческой научной мысли. Она шаг за шагом раскрепощала наши исследования от идеологических табу, позволяла вторгаться в неприкасаемые области общественной науки. Но каждая неортодоксальная трактовка прошлых и настоящих событий делала наших ученых объектом нападков со стороны консерваторов. Так было с постановкой вопроса о наличии антагонистических противоречий при социализме, переосмыслением его сталинской модели. Так было с попыткой дать современную оценку XX

съезду КПСС, индустриализации и коллективизации в СССР. Ту же реакцию неприятия вызвало предложение похоронить брежневскую доктрину ограниченного суверенитета и осудить военное вторжение в Чехословакию и т. д. И тем не менее берусь утверждать, что Институт своими разработками способствовал проникновению идей реформирования в общественное сознание и головы руководителей, помог приступить к перестройке в Советском Союзе. А наша перестройка, в свою очередь, дала мощный импульс процессу демократизации и обновления в странах Центральной и Восточной Европы.

Многие утверждают, что в принципе невозможно реформировать «социалистические» общества, что их крушение было неизбежным. Но ведь существует китайский опыт, который не согласуется с такой трактовкой. Внедрение рыночных инструментов в Китае не сопровождается разрушением без разбора всего того, что было до начала реформ. Переход к рынку совершается там не грабительскими и дикими методами, а с учетом социальной ориентации общества и важной роли государства. Опыт многих стран последнего десятилетия говорит скорее в пользу целесообразности сохранения известной преемственности с социалистическим прошлым, чем наоборот. И в тех странах, где с этим считались, удалось в ходе коренных преобразований избежать тяжелых просчетов. До сих пор нет ни практических, ни теоретических доказательств нереальности существования смешанного общества, в котором рыночная экономика имеет четко выраженную социальную ориентацию, формируемое демократическим путем государство выступает гарантом социальной справедливости и представителем интересов широких слоев населения, а не узкой группы промышленно-финансовых магнатов.

Лицо любого исследовательского института определяет, конечно, не название, а ученые, которые в нем работают. По

моему глубокому убеждению, институт рождается не в тот момент, когда ему выделены финансовые средства и определены его название и профиль исследований, а когда появляется группа ученых, способных генерировать идеи, организовать работу, увлечь и вдохновить своих коллег. Может быть, стоило бы создавать институты не под проблемы, а под талантливых, творческих личностей, от которых решающим образом зависит успех дела.

В нашем Институте возникло такое творческое ядро, которое и сделало ему имя. Его составляли получившие известность ученые: Амбарцумов Е.А., Бутенко А.П., Быков А.Н., Гринберг Р.С., Глинкина С.П., Дапичев В.И., Дудинский И.В., Евстигнеев Р.М., Клямкин И.М., Кормнов Ю.Ф., Лацис О.Р., Лисичкин Г.С., Микульский К.И., Некипелов А.Д., Орлик И.И., Павлова-Сильванская М.П., Рябушкин Т.В., Сорокин Г.М., Тригубенко М.Е., Ципко А.С., Шаститко В.М., Шевцова Л.Ф., Ширяев Ю.С., Шмелев Н.П., Шмелев Г.И., Шмелев Б.А., Шмераль Я.Б., Ягодовский Л.С. Нет возможности перечислить всех, кого я отношу к «золотому» фонду Института. Некоторые из наших ученых проявили себя и как политические деятели, яркие публицисты, способные дипломаты. Из числа работающих и работавших в Институте ученых трое стали действительными членами и пятеро — членами-корреспондентами Российской академии наук. Институт предоставлял кров и защиту тем, кто из-за своих смелых взглядов или жизненных обстоятельств попадал в число отверженных и находился на особом «учете» в отделе науки ЦК КПСС. Коллектив пополнялся и обновлялся, кто-то уходил на другую работу, кого-то мы теряли навечно, но вырастала молодежь, и «критическая масса» одаренных исследователей, необходимая для продолжения нормальной деятельности, сохранялась и сохраняется до сих пор.

Бурные и драматические годы перестройки, распада Советского Союза, радикальных рыночных реформ, расстрела из пушек российского парламента, конституционной реформы, беспрецедентного падения производства и жизненного уровня в России, нищеты государственной казны, моральной деградации общества не могли не отразиться на судьбе Института. Он утратил часть своего кадрового фонда, перестроил с учетом изменившейся обстановки свою структуру и направления исследований. Но и в эти нелегкие годы удалось устоять от соблазна неоправданных реорганизаций, сохранить творческий потенциал и благоприятную для совместной работы атмосферу, сконцентрировать силы на действительно кардинальных проблемах международного развития. Изучение и обобщение опыта демократических и рыночных преобразований в большой группе стран, включая и государства, возникшие после распада Советского Союза, важно для России, находящейся в кризисной, мучительной стадии перехода к новому и не вполне ясному общественному устройству. Знание международного опыта, истории социализма как интернационального явления способно облегчить и ускорить процесс нашего возрождения. Причем анализ исторических преобразований Институт осуществляет в контексте глобализации, которая стала знаменем нового века, что делает наши научные заключения более достоверными.

Наш коллектив в числе первых приступил к использованию современных информационных технологий, подключил свои научные центры к Интернету, пошел на немалые затраты для получения доступа к одной из лучших баз данных. Продолжается достаточно активное международное сотрудничество. Мы участвуем в качестве экспертов и консультантов в подготовке ответственных правительственных и парламентских документов,

в деятельности крупных компаний. Если судить по объему и качеству нашей научной продукции, докладов и публикаций, то интенсивность нашей работы ничуть не ослабла, а, напротив, возросла. Уверен, что и в новом веке наш творческий коллектив сумеет оправдать свое предназначение и приумножить научные достижения.

С годами начинаешь задумываться о том, что раньше не казалось столь важным. Теперь волнует вопрос не о смысле жизни — это нас занимало в молодости. Ныне пытаешься определить, что удалось за свои годы сделать, были ли твои знания востребованы.

Итогом деятельности ученого-экономиста является не количество написанных им книг и статей, выступлений и докладов на конференциях и семинарах и даже не то, насколько он был прав в своем анализе и рекомендациях, хотя это и много значит, а то, как его знания, деятельность повлияли на улучшение окружающей жизни. Лично меня волнует именно этот вопрос, и ответ на него далеко не прост.

Многие ученые-обществоведы не ощущали в прошлом и не ощущают до сих пор востребованности своей работы, своих исследований. Не было, да и сейчас порой нет «социального заказа» со стороны властей или общества на их знания и опыт. Более того, критический анализ действительности и проводимой политики обычно вызывает отторжение со стороны властей и контролируемых ими СМИ. Повышенным спросом пользуется сервильная наука.

Тем не менее связь между объективной научной истиной, формулируемой добросовестными учеными, и эволюцией общества к лучшему существует, хотя она и не столь непосредственна и очевидна, и проявляется порой спустя много лет. К такому заключению привел меня мой жизненный опыт.

Ошибочные взгляды и теории могут долгое время торжествовать и владеть умами, направлять политику и формировать экономику, определять общественное устройство. Оппонентам затыкают рот, и им не удается отстоять свою правоту. Джордж Сорос очень верно указал в одной из своих книг на различие между естественными и общественными науками. Познание законов природы помогает человеку воздействовать на нее, но не может даже на время отменить эти законы. Объект исследования находится вне нашего сознания, существует и развивается независимо от него. В обществе дело обстоит иначе. Законы общественного развития, формулируемые учеными, даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайней мере, на какое-то время. Объект исследования оказывается в зависимости от господствующей идеологии и теоретических воззрений. Этим общественные науки отличаются от естественных, и поэтому их иногда называют в шутку «противоестественными».

История знает немало общественных деформаций. Думаю, что мы являемся свидетелями очередной из них. Но рано или поздно ошибочность господствующего общественного мышления и поведения обнаруживает себя, нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, оставшаяся непризнанной, берет верх в сознании политической элиты и общественности. Поэтому я не прихожу в уныние оттого, что многое из высказанного мною в книгах и статьях как по вопросам международного экономического сотрудничества, так и нашей реформы общественно-экономического устройства не воплотилось в практику. Она, стало быть, пока не могла подтвердить правоту или ошибочность моих взглядов, но, думаю, и

не опровергла их. А опыт других стран и обществ говорит о том, что многие из моих рассуждений не были уж столь абсурдны.

Институт Богомолова

В далекие 70-е – 80-е годы прошлого века при встрече с учеными любого советского региона и даже в близком или дальнем зарубежье, если скажешь, что работаешь в Институте экономики мировой социалистической системы, то неизменно услышишь: «А, из Института Богомолова!»

Имя Олега Тимофеевича Богомолова вполне заслуженно заменяет официальное название Института. И не потому, что почти тридцать лет он был его директором, а сейчас продолжает свою активную творческую деятельность после объединения с Институтом экономики. Научные идеи, сформулированные О.Т. Богомоловым, определили в свое время (и в значительной степени определяют и сейчас) главные направления исследований большого коллектива ученых. Вот почему наш Институт ассоциируется с именем О.Т. Богомолова.

Мне посчастливилось работать с Олегом Тимофеевичем начиная с 1973 г. Всегда поражало свойственное ему редкое со-

четание глубины анализа и широты научных интересов: один из мэтров российской экономической науки давно и в совершенстве владеет инструментарием исследования не только хозяйственных, но и социально-политических процессов. Чрезвычайно интересны и важны его взгляды на соотношение политики и экономики, в особенности в поворотные моменты общественного развития, на международные политические отношения, на ход радикальных социально-экономических преобразований в странах Центрально-Восточной Европы и в России. Проблемы как будто бы разные, но после ознакомления с трудами академика остается удивительное впечатление о цельности авторского мировоззрения.

Все это, конечно, отражалось и в научных направлениях деятельности нашего Института на протяжении многих лет. Вышедшие в последние годы работы Олега Тимофеевича в значительной степени посвящены событиям прошлого: отдельным аспектам формирования, развития и заката мировой социалистической системы. Однако жанр этих работ весьма далек от бесстрастного исторического повествования. Конечно, в них нет и следа эмоциональной экзальтированности, которая, как правило, заменяет разум и уж во всяком случае совершенно не соответствует характеру самого автора. Но читая их, не можешь не ощущать огромного интеллектуального напряжения, буквально вырывающегося из-под спокойных, взвешенных формулировок.

Отчасти это является результатом того, что Олег Тимофеевич, многие годы возглавляя наш Институт (и, еще раз скажу, делавший это очень достойно), просто не может не возвращаться к оценке тех или иных событий, процессов, взглядов из нашей недавней истории: ведь он не был только лишь их пассивным созерцателем. Но убежден, главное не в этом. О.Т. Богомолова,

несомненно, куда больше интересует вопрос о том, какие практические уроки должны быть извлечены из прошлого? Что в этом прошлом было такого, что не должно быть отброшено в ходе формирования новой политической и социально-экономической системы в России? Не случайно, он с разных сторон возвращается к проблемам и исторической судьбе социализма, и либеральной рыночной экономики, и формирования экономики смешанного типа.

Более двадцати лет тому назад многие сотрудники нашего Института, вместе с его директором, были не только исследователями, но и активными участниками зарождавшихся реформаторских движений. Под этим углом зрения несомненный интерес представляет оценка, данная академиком перестроечным процессам в СССР, а также личные впечатления, касающиеся некоторых обстоятельств перехода нашей страны на рельсы так называемых «радикальных реформ».

Знакомство с проведенным Олегом Тимофеевичем анализом экономических преобразований в новой России дает представление еще об одной особенности академика Богомолова — органическом неприятии схоластического теоретизирования. Он с незапамятных времен взял за правило проверять самые красивые теоретические построения на соответствие брэнной действительности, чему он учил и нас — его коллег и учеников. Не скрою, это его качество я оценил по достоинству не сразу. Мне, воспитаннику цаголовской школы политической экономики, после прихода в Институт Богомолова понадобилось немало времени, чтобы понять, что в основе этого «прагматизма» лежит не недооценка теоретического знания, а высокий уровень требовательности к его качеству.

В самом деле, какие претензии логического плана могут быть к модели непосредственно общественного коммунистического

(социалистического) производства? Да никаких! Она столь же изящна и внутренне непротиворечива, как и концепция совершенной конкуренции. Одна беда — попытка воплотить в жизнь модель рыночного хозяйствования во всех пытавшихся это сделать странах приводила совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали классики марксизма и их последователи. Сам по себе этот факт на определенном этапе стало просто невозможно отрицать. Но вот выводы из него делались разные. Большинство ученых-экономистов в СССР, в том числе и некоторые в нашем Институте, долгое время придерживались той точки зрения, что виной всему — ошибки организационного и субъективного плана вроде выбора не тех плановых показателей. Позиция академика Богомолова, и об этом я могу судить не понаслышке, была принципиально иной. Он исходил из того, что речь в данном случае должна была идти о несоответствии общего замысла имеющимся объективным условиям; следовательно, задача состоит не в том, чтобы заниматься ухищрениями организационно-технического порядка, а в том, чтобы внести коррективы в саму экономическую систему, сделать ее отвечающей современным условиям общественной жизни. Не случайно он очень внимательно следил в 70-е – 80-е годы прошлого века за рыночно ориентированными реформами в других социалистических странах, откровенно симпатизировал им и всячески использовал возможности Института для их поддержки и продвижения соответствующих принципов в советскую практику.

Эти взгляды он прививал всем нам – сотрудникам его Института и соответственно направлял наши научные поиски.

Нет ничего удивительного и в том, что Олег Тимофеевич с самого начала резко выступил против проведения реформ методами «шоковой терапии» в новой России. И дело не в том, что он не отдавал себе отчета в абстрактной стройности модели совер-

шенной рыночной экономики и методов Вашингтонского консенсуса, направленных на ее форсированное создание. Он всегда считал формирование рыночного хозяйства средством, а не самоцелью. Поэтому с самого начала призывал вести поиск методов социально-экономической трансформации на основе тщательного сопоставления выигрыша и ущерба. А огромные масштабы ущерба в случае «кавалерийских» действий были для него очевидны в силу целого ряда факторов (естественное отсутствие многих рыночных институтов на начальном этапе преобразований, несоответствие сложившейся в советский период аллокации ресурсов требованиям рыночного хозяйства и т. п.), на которые он не устал обращать внимание властей и общественности.

Одной из центральных научных и практических проблем О.Т. Богомоллов считает исследование роли государства в ходе системных преобразований. Он неоднократно возвращается к мысли о том, что государство должно выступить в качестве «социального инженера», поскольку в исторически короткий срок предстоит имплантировать в общество институты (точнее — систему институтов), которые естественным путем формировались в течение столетий. Отсюда — огромная ответственность, лежащая на власти в переходный период: ведь от качества реализуемой ею стратегии зависит не только текущий баланс выигрышей и потерь, но и долгосрочная траектория общественного развития. Не приглушая остроты вопроса о качестве современного российского государственного аппарата, Богомоллов категорически отказывается (и на мой взгляд, совершенно справедливо) делать на этом основании вывод о необходимости отлучения государства от регулирования трансформационного процесса.

Может возникнуть вопрос: а сопоставимы ли в принципе выигрыши и потери, с которыми общество сталкивается в ходе

радикальных преобразований социально-экономического характера, существуют ли инструменты для сравнительной оценки достижений и ущерба? Как, к примеру, определить, в какой степени резкое снижение жизненного уровня населения компенсируется избавлением общества от тягот дефицитов и очередей? Оправданы ли сегодняшние трудности возможным процветанием в будущем?

На этот и подобные ему вопросы у современной экономической теории есть только один ответ: все зависит от господствующей в обществе системы предпочтений. Сведение же многообразных индивидуальных и групповых потребностей и оценок к системе общественных предпочтений — это функция политического процесса. Отсюда следует, что качество последнего имеет существеннейшее значение для формирования рациональной социально-экономической стратегии и тактики. Суть их, в конечном счете, состоит в том, чтобы создать условия для использования имеющихся в распоряжении общества ресурсов для максимизации степени удовлетворения его потребностей.

Вот почему, как мне кажется, академик О.Т. Богомолов столь серьезное внимание в последние годы уделяет вопросам устройства и функционирования российской политической системы и ориентирует на разработку этих проблем ученых нашего Института. Основной вывод из исследования проблемы соотношения политики и экономики чрезмерного оптимизма не внушает. Долгое время политический процесс, являясь по форме демократическим, на деле был приспособлен больше для различных ухищрений политтехнологов, нацеленных на сохранение власти теми или иными силами, а не для выявления реальных общественных предпочтений.

Говоря о перспективах рационализации политической системы в России, О.Т. Богомолов считает, что «судьба российской

демократии зависит от формирования новой просвещенной политической элиты. Интеллектуальный и моральный уровень нынешней правящей элиты внушает мало надежд», – утверждает он. Кто-то полностью согласится с таким выводом, кто-то вспомнит о знаменитой максиме вождя: «Других писателей у меня нет!». Но вряд ли найдется много таких российских граждан, которые будут не согласны с тем, что проблема низкого качества «человеческого материала», представленного в политической элите, более чем актуальна.

Серьезное внимание уделяет академик О.Т. Богомоллов внешним условиям развития России. Рассматривая новые международные реалии, он анализирует серьезнейшие изменения в международной политической конфигурации, происшедшие после заката мировой социалистической системы и распада Советского Союза; подробно исследует опасности, связанные с попытками построить однополярный мир, обращает внимание партнеров России на близорукость политики, нацеленной на получение односторонних преимуществ в условиях переживаемого нашей страной кризиса.

В течение последних лет Олег Тимофеевич отдает много сил изучению процесса глобализации, возглавляя экономическое направление в рамках масштабного международного проекта Горбачев-Фонда, а также исследования в родном Институте. Результаты его деятельности в этой области нашли отражение в ряде публикаций. Весьма убедительно представлена позиция ученого по находящимся в центре широкой международной дискуссии вопросам – о специфике, движущих силах, выгодах и издержках рассматриваемого процесса. Внимание привлекает конструктивный характер анализа, в ходе которого академик О.Т. Богомоллов формулирует два вида предложений. Первые затрагивают формирование на общемировом уровне системы

институтов, призванных обеспечить гармонизацию интересов многочисленных участников процесса глобализации. Вторые касаются системы мер, позволяющих отдельным государствам (прежде всего России) оптимальным образом адаптироваться к сегодняшней реальности.

Обращает на себя внимание еще одна константа научно-го мировоззрения академика – убежденность в том, что эффективные экономические и политические решения не могут вступать в противоречие с нравственными устоями общества. В частности, он подчеркивает: «И еще одна причина экономических неудач, которая обычно выпадает из анализа, — это игнорирование духовной и нравственной стороны жизни общества. Потому что духовная и нравственная составляющая в рыночных преобразованиях и в самом экономическом развитии не менее важна, чем все остальные элементы — конкуренция, банки, менеджмент и т. д.». В основе этой позиции — отнюдь не склонность к морализаторству, а выношенное убеждение в том, что сложившаяся система ценностных установок как отдельных людей, так и их групп не может не определять их поведения, в том числе в хозяйственной сфере. Попытка игнорировать это обстоятельство, руководствуясь так называемыми «чисто экономическими» соображениями, ведет к тяжелым последствиям. За примерами далеко ходить не надо — достаточно вспомнить о российской приватизации.

И, наконец, последнее. Знакомясь с работами академика О.Т. Богомолова, нередко ловишь себя на мысли: как многое из того, что прогнозировал и о чем давно предупреждал автор, впоследствии подтвердилось реальным развитием событий. Казалось бы, чем не повод для горьких восклицаний типа: «Нет пророка в своем отечестве!». И тем неожиданней представляется следующее высказывание маститого ученого: «Но я никогда

не брал на себя смелость сказать: «Вот делайте так!». Знаете, как Галич пел: «Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы, не бойтесь мора и глада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: «Я знаю, как надо». Жизнь настолько сложна, что главное — это все-таки дать возможность в свободном сопоставлении мнений сделать выбор. Причем опираться действительно на основательные, серьезные знания, а не на случайных людей и сервильную науку».

И в этом нет никакой рисовки. Нам, сотрудникам Института, который возглавлял Олег Тимофеевич, хорошо известно, сколько сил прилагал он для того, чтобы в научном коллективе царил атмосфера подлинного уважения не только к «собственному правильному мнению», но и к взглядам коллег. Это — очень мудрая позиция, поскольку, с одной стороны, в науке никогда не может быть достигнуто единообразия точек зрения (в особенности по вопросам ценностного характера), а с другой — бремя принятия решений всегда будет лежать на людях, облеченных властью. Принципиально важно, однако, чтобы они знали обо всем многообразии возможностей и их последствиях, ибо только тогда смогут делать выбор «с открытыми глазами».

Мне кажется, что в последнее время в этом отношении наблюдается определенный прогресс. И если я прав, то нет сомнений в том, что немалую роль в таком движении сыграли умные, взвешенные, по-научному корректные исследования академика О.Т. Богомолова. И тогда, когда он возглавлял Институт экономики мировой социалистической системы (затем Институт международных экономических и политических исследований), и сейчас в составе Института экономки РАН. Но и здесь традиции Института Богомолова не только сохраняются, но и получают развитие в трудах учеников и последователей О.Т. Богомолова.

Н. Шмелев

ИЭМСС: полный круг

Во всяком деле, как известно – лиха беда начало. Если удастся сдвинуть камень с горы, дальше он медленно или быстро, но покатится сам собой.

Когда советское руководство приняло решение подвести исследовательскую базу под наши взаимоотношения со странами социализма, наличные силы специалистов можно было пересчитать по пальцам. Институт был создан в 1960 г. на основе маленького сектора Института экономики АН СССР, а возглавил вновь образовавшийся научный коллектив Г.М.Сорокин – известный в экономических кругах учёный, бывший работник Госплана, выходец из блестящей когорты плановиков, собранной в своё время трагически погибшим Н.А.Вознесенским. Новое дело начинали И.В. Дудинский, Р.Н. Евстигнеев, К.И. Микульский, М.А. Усиевич, Г.М. Прохоров, О.И. Тарновский, М.Е. Тригубенко, Н.А. Зотова, Л.В. Тягуненко, П.М. Алампиев и др. Был среди них и я. Годы через два-три

после своего создания Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) охватывал уже весь так называемый мир социализма: от Северной Кореи, Китая и Вьетнама до Восточной Европы и далее – до Кубы. И надо особо подчеркнуть: наряду со своими теоретиками, ИЭМСС имел по каждой стране крепкие группы высококвалифицированных специалистов-страноведов. Даже сегодня (или, вернее, особенно сегодня) я лично не знаю в России ни одного административного или исследовательского учреждения, где бы имелись специалисты-страноведы такого класса, которых имел в своё время ИЭМСС.

Негромко, без лишнего шума, но ИЭМСС всегда был занят разработкой самых актуальных, самых животрепещущих проблем. Мы не были ни «белыми», ни «красными» – мы старались всегда быть просто объективными, стоять на почве реальности, а не каких-то завиральных умозрительных идей, тем более, если они имели ощутимый привкус пропагандистской трескотни, столь широко распространённой тогда.

Скажем, в своих закрытых и открытых работах ИЭМСС всегда выступал против принятой тогда в СЭВ формулы ценообразования во взаимном товарообороте: по этой формуле советская продукция поступала в страны-партнёры по 1/3 соответствующей мировой цены, а они нам поставляли свою продукцию с учётом качества по 200% мировой цены. Мы пытались донести до нашего руководства простую мысль: никто и никогда нам не скажет спасибо за эту благотворительность. Так оно, к сожалению, и произошло после 1989 г.

Острейшим вопросом в те годы была необходимость установления и расширения прямых кооперационных связей между промышленными предприятиями социалистических стран. Над этой проблемой много думали и могли многое что сказать та-

кие специалисты Института, как Ю.С.Ширяев, В.М.Шаститко, М.С.Любский, Р.С.Гринберг и др. Но эта идея, хотя она вроде бы и на словах принималась начальством, всегда находилась у него под подозрением: это, значит, что мы рыночную экономику собираемся развивать? Свободу предприятий на рынке? Ревизионизм, подрыв основ, отступление от линии партии!

Весьма сдержанно, если не сказать отрицательно, Институт отнёсся к вводу войск в Чехословакию в 1968 г. По мнению многих наших специалистов, даже с имперской точки зрения, негативные последствия этого шага перевешивали весьма сомнительные краткосрочные выгоды. К сожалению, всё так и вышло в конечном счёте. Но особенно резкую отрицательную реакцию Института вызвал ввод наших войск в Афганистан в декабре 1979 г. Наши институтские специалисты расценили этот глубоко ошибочный шаг как начало конца Советского Союза. И в этом тоже, как ни грустно это признавать, они оказались правы.

Гибкую и в целом весьма конструктивную позицию Институт занимал по проблемам наших отношений с Западом и развивающимся миром. Мы не были сторонниками безудержной гонки вооружений (включая так называемый «паритет») и всегда выступали за расширение любых возможностей мирного сосуществования и сотрудничества. В частности, по моему мнению, Институт может претендовать на пионерную роль в наметившемся тогда и получившем потом такое развитие процессе признания и улучшения отношений с Европейским Экономическим Сообществом. До сих пор, например, помню яростные внутриинститутские споры о том, что такое есть ЕЭС – агрессивное политическое образование или новая, в целом весьма положительная реальность. Ещё более активно развивались и пользовались постоянным внешним спросом наши исследования перспектив сотрудничества с «третьим миром»: имена

Л.З. Зевина, М.П. Стрепетовой, Н.А. Ушаковой, А.Б. Куприянова и др. хорошо известны и теоретикам, и практикам, занятым в этой сфере.

Во многих отношениях лицо Института заметно изменилось с приходом к руководству О.Т. Богомолова. Коллектив всё в большей мере сосредоточивал свои исследования на разработке самых общих, самых принципиальных вопросов «реального социализма». По-своему Институт предпринимал настойчивые усилия к тому, чтобы приостановить процесс эрозии социализма и дать простор реформам, которые могли бы сохранить его лучшие и бесспорные завоевания, да и вообще спасти его от исчезновения с лица земли. О.Т. Богомолову удалось собрать в Институте такие выдающиеся в масштабах всей страны имена, как И.И. Орлик, В.И. Дашичев, О.Р. Лацис, Г.С. Лисичкин, Е.А. Амбарцумов, А.П. Бутенко, Б.А. Шмелёв, А.С. Ципко, А.М. Мигранян, Л.Ф. Шевцова, И.М. Клямкин, С.П. Глинкина и другие. Кого-то из них уже нет, кто-то до сих пор активен и востребован в других местах, но их имена уже никак не выкинешь из истории нашей страны.

За 50 лет своей истории Институт совершил полный круг. Выйдя в своё время из недр Института экономики АН СССР, он в конце концов туда же и вернулся на правах филиала. Характерно, что возглавляет сегодня это весьма сложное образование Р.С. Гринберг – выходец из того самого ИЭМСС, юбилей которого мы отмечаем. Насколько я имею право на собственное мнение, перед Институтом экономики РАН стоит сегодня (не знаю, формулировалась ли она кем-нибудь официально) задача разработать долгосрочную альтернативу нынешнему инерционному курсу развития экономики, включая избавление от засилья монополий, укрепление экономической роли государства, спасение жизнеспособной части экономического потенциала,

доставшегося нам в наследие от прежних времён, простор для малого и среднего бизнеса, гармоничное сочетание экономических стимулов и социальной солидарности общества и т.д. Думается, знания международной проблематики, накопленные в филиале Института, будут только полезны для выработки общих контуров развития нашей страны. И в этом деле я желаю всем своим коллегам, решающим эти задачи, твёрдости духа и успехов во всех их начинаниях.

Р. Гринберг

До и после перестройки

Когда заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) Владимир Михайлович Шаститко пригласил меня перейти на работу в его Институт, то одним из «завлекающих» доводов было заверение, что в Институте много умных, порядочных людей и соответственно – очень дружная, открытая, откровенная в общении атмосфера.

Во всем этом я убедился довольно скоро. Действительно в Институте обсуждались подчас весьма острые проблемы, подвергались критике и деятельность органов СЭВа, и наша политика в отношении других социалистических стран. Не обходилось и без обсуждения и осуждения (правда, в известных пределах) некоторых внутренних, главным образом экономических, проблем.

По мере обострения общей ситуации у нас в стране, да и во всей «мировой социалистической системе», становились более напряженными и частыми наши дискуссии и в Институте, и за его пределами. Неслучайно поэтому в памяти особенно четко от-

ложились события первой половины 80-х годов прошлого века, то есть кануна перестройки...

В те дни каждый советский житель, казалось, твердо знал: все в стране надо менять. Многие говорили о необходимости свержения отжившего свое и доказавшего повседневно свою неэффективность хозяйственного механизма. «Гласность» – новое слово в обороте публицистов стало ключевым в развернувшейся дискуссии о политических и хозяйственных реформах: народ теперь слушал не столько держателей высоких постов, сколько людей науки, искусства, образования, мысливших свежо, нестандартно, неожиданно. До миллионов взметнулись тиражи «Нового мира», «Литературной газеты», «Труда», других изданий. На их полосах чаще других выступали мои коллеги по Институту Николай Шмелев, Отто Лацис, Олег Богомолов, Игорь Клямкин, Геннадий Лисичкин, Андраник Мигранян, Лилия Шевцова, Александр Ципко и др. Все они более чем убедительно доказывали: старое не годится, Запад отрывается вперед все дальше и дальше...

Эйфория свободного слова захлестнула и публицистов, и читателей. Казалось, раз наступила ясность и стали понятны причины бедствий при советской власти, исправить положение дел будет уже более или менее «делом техники».

Я хорошо помню, как в атмосфере коллективного прозрения дружно отвергались предостерегающие или протестующие голоса, да и звучали они редко, слабо, не всегда внятно и казались либо выражением непонимания происходящего, либо злобной клеветой на грядущее светлое завтра рыночной демократии.

Мы верили «прорабам перестройки» безоглядно, как и прорабы-глашатаи твердо надеялись на читателей и слушателей, на их верность захватившей всех идее радикального переустройства жизни. Создавалось впечатление, что никто в России не знал

того, чему мир не раз бывал свидетелем: плодами переворотов, подготовленных вдохновенными романтиками, пользуются практики – может быть, серые и невыразительные, но хваткие и умелые в постановке и выполнении практических задач. Трудно было тогда представить, что *стихия романтических посылов и пожеланий прекрасного и разумного так легко уйдет в русло сепаратистских настроений, жажды личного обогащения, безмерного властолюбия и нахрапистости, освобожденных от всяких признаков морали...*

Как и почему возвышенная проповедь гуманистических идеалов, благородные порывы обернулись беспримерной жестокостью суровой постсоветской реальности?

Отвечая на этот непростой вопрос, мне хочется вспомнить некоторые мысли и суждения о ходе перестройки и ее последствиях моих друзей и коллег по ИЭМСС (правда, некоторые из них ушли в другие «сферы»). Конечно, не все наши взгляды совпадали и совпадают сейчас. Но в этом разнообразии возможно отыскать те главные уроки перестройки, которые важны не только для понимания причин ее незавершенности, но и для определения некоторых перспективных направлений нашего развития в новом веке.

Я умышленно не систематизирую отдельные положения и взгляды моих коллег, так как это дает возможность почувствовать и разнообразие подходов, и, в конечном счете, непрочность и даже кардинальное изменение их взглядов, если судить по их сегодняшним суждениям. О.Т. Богомолов правильно отмечал, что уроки перестройки и затем российских преобразований при Б. Ельцине и В. Путине нуждаются в осмыслении, чтобы оценить перспективу дальнейшего развития.

С 1987 г. стало вполне очевидно наступление серьезных перемен, и понятие «перестройка» прочно вошло в обиход. До

этого лишь накапливались предпосылки изменения сознания и политики. Сдвинуть с места, а тем более повернуть в иную сторону такую глыбу, как советская система, было делом почти неподъемным, требовавшим искусства и политического мужества. Обновление приходило медленно, обнадеживающая оттепель временами сменялась заморозками.

Шло размежевание между консерваторами разной степени заскорузлости взглядов и готовности к переменам и реформаторами многих оттенков – от крайних радикалов до умеренных демократов. Сопротивление партийного и государственного аппарата, инерция административной системы ощущались весьма сильно. Для обозначения противодействующих перестройке сил использовался тогда эвфемизм – «механизм торможения». И этот механизм судорожно работал.

По мнению О.Т. Богомолова, сегодня еще нет определенно-го ответа на вопрос, почему перестройка захлебнулась, оказалась насильственно прерванной. Роковую роль сыграло несколько политических просчетов.

Во-первых, имела место недооценка важности и запоздалая подготовка демократической реформы федерального устройства Советского Союза.

Во-вторых, не удалось обеспечить управляемость процессом преобразований, проведя своевременное реформирование коммунистической партии, сплотив реформаторскую ее часть.

В-третьих, не была должным образом учтена инерция общественного сознания, склонность части общества к радикальным и революционным переменам, тогда как требовались осторожность и постепенность.

В-четвертых, игнорирование собственного исторического опыта реформ, в частности НЭПа, денежной реформы 20-х годов, а также возможности длительного сосуществования рыноч-

ного и нерыночного, планово-административного управления секторов экономики.

Все это правильно. С этим нельзя не согласиться. Говоря о будущем, О.Т. Богомолов подчеркивает необходимость сохранения известной преемственности социалистического прошлого, в котором не все подлежит коренной переделке. И в тех странах, где с этим посчитались, как в Китае, удалось при коренных преобразованиях избежать тяжелых просчетов. До сих пор нет ни практических, ни теоретических оснований отрицать смешанное общество, в котором рыночная экономика имеет четко выраженную социальную ориентацию, формируемое демократическим путем государство выступает гарантом социальной справедливости и представителем интересов широких слоев населения, а не узкой группы промышленно-финансовых магнатов.

Наш институтский философ А. Ципко помню часто говорил о значении нравственности в развитии общества. Мы не сможем стать нормальной, цивилизованной страной, говорил он, мы не сможем создать нормальную рыночную экономику до тех пор, пока в стране не восстановится система нравственных приоритетов. Право не работает в стране, где поколеблено значение моральных авторитетов и этических норм.

В стране, где люди, вернее, элита не в состоянии стать на позиции морали, не в состоянии объективно и честно оценить собственную историю, невозможно построить гражданское общество, невозможно создать полноценную демократию.

В этом смысле и проблема субъекта реформ, и проблема подлинных мотивов реформ, и проблема объективной оценки политических и духовных результатов реформ имеет огромное значение. А. Ципко соглашался с О.Т. Богомоловым, что существует качественная разница между этапом перестройки и так называемым этапом рыночных реформ. Речь шла на самом

деле о разных субъектах демократических преобразований и о различных мотивах перемен. Никто не сможет оспорить того очевидного факта, что в конце 80-х годов было куда больше романтики, чем осенью 1993 г., когда «во имя продолжения дела реформ» пришлось расстреливать легитимный, демократически избранный парламент. «Номенклатура» не решилась в августе 1991 г. стрелять из танков по парламенту, а демократы-победители легко пошли на кровь, на отключение сортиров и на другие «демократические мерзости».

Лидеры перестройки, как и подавляющее большинство людей, вошедших в мировую историю, руководствовались прежде всего идейными, моральными мотивами. Речь в первую очередь шла о том, чтобы довести до конца дело, начатое Н. Хрущевым, дело полной и окончательной десталинизации. М. Горбачевым лично двигал миф о возможности создания социализма с человеческим лицом. Ни он, ни другие не видели, не могли согласиться с тем, что марксистско-ленинский социализм и демократию в принципе нельзя соединить, – считает А. Ципко.

Помню, как на одном из наших «круглых» столов А. Ципко патетически восклицал:

«Не надо мифологизировать перестройку, собственную историю.

Не надо во имя либеральной конъюнктуры упрощать историю.

Очень важно выяснить историческую правду и о субъекте, и о мотивах перестройки».

По поводу хода перестройки запомнилась, как всегда, оригинальная позиция Н. Шмелева, что нужна была твердая рука. Конечно, с социал-демократическим уклоном, но все же твердая. Рано развалили государственную систему. Нужно было действовать осторожнее, дозированно, постепенно. За два-три горбачев-

ских года чего только не успели сделать! Минимальный набор свобод был уже обеспечен. Но власть все же выпустили из рук, да еще не смогли договориться о федеративном устройстве. С самого начала многие говорили, региональные князья уже назад не уйдут, ну, так дайте им серьезный кусок бюджета не в 5% (столько они получали, остальное все в Москву отдавали), а побольше. Какой-то баланс в межбюджетных отношениях надо было выстраивать с самого начала, но он так и не выстроился. Все экономические аргументы были отброшены, а люди делили только власть. Абсолютно правильна, думаю, английская поговорка: All great men are bad men (все великие люди – плохие люди).

«Русский капитализм. Болезнь роста или дорога в никуда?» – спрашивал Н. Шмелев. И отвечал: «Думаю, все, что плохое могло произойти, уже произошло: и грабеж населения, и грабеж собственности, и развал промышленности, все, что обречено было умирать, уже фактически умерло. И на какое-то движение вверх из ямы можно, думаю, уже рассчитывать».

Ну, и наконец, грустный эпилог размышлений Н. Шмелева: «Терпеть не могу два слова – капитализм и социализм. Оба они придуманные, ничего не обозначают. Какое у нас будет общество? Конечно, какое-то смешанное, государственная рука на несколько поколений вперед явно будет ощущаться, как на Западе, где она и сегодня покрепче будет, чем у нас. И авторитарность, наверное, для нас тоже неизбежна, пока не решим множества демократических задач, которые только начали решать. Вообще Россия затеяла дело, которое требует не лет, и даже не десятилетий, а нескольких поколений».

Другой наш институтский философ А. Мигранян, говоря о перестройке, считал, то, что произошло, было поражением советского политического класса. Советский политический класс в полном составе оказался абсолютно неадекватным собствен-

ной стране, он совершенно не понимал природу собственного режима и не понимал тем более, как этот режим можно трансформировать. Итог перестройки, вылившийся в распад СССР, стал катастрофическим поражением шестидесятников, детей XX съезда, людей, которые, может быть, были очень благородными, имели замечательные идеи и пожелания, но были абсолютно непригодны для той работы и для той ноши, которую они на свои плечи взвалили.

Тот путь, который избрало в период перестройки реформаторское руководство страны, не мог привести ни к чему другому, только к катастрофе, потому что невозможно трансформировать режим, не понимая его природу и не зная, каковы конечные цели этой трансформации. При правильной выработке стратегии и определении последовательности действий по ее реализации страну можно было бы сохранить. При этом советский транзит мог бы быть особым транзитом, который можно было бы внести в мировую политологическую литературу как уникальный случай, учитывая особый характер нашего режима даже среди других тоталитарных и посттоталитарных режимов, существовавших на тот момент в мире.

Весьма оригинален взгляд на перестройку И. Клямкина. Он утверждает: «Все, что происходило в стране в годы перестройки и после нее, можно рассматривать как единый цикл преобразований, до сих пор незавершенный. Внутри этого цикла правомерно выделять разные этапы: ельцинский период, разумеется, отличается от горбачевского, а путинский – от ельцинского. При М. Горбачеве происходил демонтаж коммунистического режима, осуществлялись его либерализация и демократизация; при Б. Ельцине – демонтаж коммунистической экономической системы (приватизация и переход к рыночным отношениям); при В. Путине имеют место попытки государственного упоряд-

дочивания политической и экономической жизни после того, как многие старые механизмы были разрушены, а новые не возникли. Но как бы эти периоды между собой ни отличались, и как бы мы их ни оценивали в отдельности, все происходившие и происходящие преобразования не затрагивали главного – фундаментальных основ отечественной государственной системы».

Административная реформа, по словам И. Клямкина, принесет плоды лишь в том случае, если подрубит корни бюрократического капитализма. В противном случае дело ограничится административной перестройкой. Реформа же предполагает, что государство будет поставлено в положение, когда оно и его служащие юридически и материально отвечают за нанесенный ими гражданам (в том числе и предпринимателям) ущерб. Но такое преобразование, которое было бы для России беспрецедентным, при нашей политической системе провести невозможно. Как бы ни был силен режим президентской власти, как бы ни был высок рейтинг главы государства, опираться он может только на бюрократию. Между тем оказаться в положении, когда ей придется отвечать за свои действия перед гражданами, она меньше всего заинтересована.

Поэтому другого выхода из создавшейся ситуации, кроме реформы политической системы, предполагающей углубление разделения властей и соответственно повышение политической ответственности властных институтов (прежде всего правительства и парламента) перед обществом, нет. Это, разумеется, не панацея и результаты такой реформы тоже, возможно, скажутся не сразу. Но на этом пути, по крайней мере, просматривается выход из системного тупика, а на других, кроме перспективы бесконечного бега по кругу, не просматривается ничего.

Российская государственная система поражена недугом институциональной безответственности.

Характеризуя период до перестройки, А. Некипелов не раз говорил, что к середине 80-х годов очень многие в стране в большей или меньшей степени осознавали, что «так больше жить нельзя». Отнюдь не случайно, уже в начале перестройки фильм с таким названием вызвал в СССР огромный отклик. Очень многие недостатки советского общества стали к тому времени очевидными для людей, им явно все более и более претила необходимость следовать принципам «двойного мышления». И очень многим тогда казалось, что коль скоро мы, наконец, оказались в состоянии взглянуть на мир открытыми глазами, его рациональное преобразование является, так сказать, «делом техники».

Человек, видимо, так устроен, что труднее всего ему признавать серьезную эволюцию своих взглядов. Каждому из нас кажется, что уж он-то всегда стоял на одной – правильной, разумеется, - позиции, а «ничем не объяснимое» нежелание соотечественников прислушаться к его советам и привело страну к катастрофе. Но, как бы ни было сложно, мы должны научиться подвергать честному, беспощадному анализу собственные взгляды и поступки. Только в этом случае мы сможем, действительно, что-то понять в происходивших и происходящих событиях.

Возьмем, к примеру, говорил А. Некипелов, ситуацию в экономической науке накануне и в начале перестройки. Заезженным штампом стало утверждение, что научное противоборство в этой сфере шло между «догматиками-цаголовцами» и «прогрессивными» экономистами, выступавшими за развитие рыночных (или, как тогда принято было говорить, товарно-денежных) отношений.

Между тем с позиций сегодняшнего дня невозможно не признать совершенно очевидное: «последовательные сторонники хозрасчета» не только по-настоящему не представляли, что такое реальная рыночная экономика, но и не придавали особого

значения тому, каким образом предлагавшиеся ими отрывочные, частичные решения вроде замены одного планового показателя на другой, слегка расширяющий права предприятий, создания промышленных объединений и т.п. скажутся на функционировании экономики в целом.

На этапе перестройки взгляды представителей этого направления радикализировались, но не вышли за рамки требований демонтажа системы командного управления экономикой.

Существенно знать, какая именно модель рыночной экономики, а в более широком смысле – общественного устройства – для нас наиболее приемлема. В отличие от других постсоциалистических государств Россия практически не смогла серьезно продвинуться в направлении нормальной демократической политической системы. Это очень серьезный провал, поскольку только такая система может, пусть и не идеально, в ходе цивилизованной партийной борьбы выявлять преобладающие общественные предпочтения, а следовательно, и способствовать выработке такого политического и экономического курса, который им в большей или меньшей мере соответствует.

И далее А. Некипелов критикует сторонников праволиберального лагеря, которые считают, что демократия и либерализм – это якобы синонимы. Но это откровенная неправда, о чем не могут не знать те, кто ее распространяет.

Либерализм – это идеологическое течение, во главу угла ставящее свободу человека. В свою очередь, социал-демократическая идеология придает большое значение воплощению в жизнь принципов человеческой солидарности, государственно-патриотическая – отдает предпочтение интересам соответствующего народа перед интересами отдельной личности и т.д. и т.п.

Демократия же – это способ принятия решений, обеспечивающий участие в этом процессе всего народа (прямо или через

избранных им представителей). Если либерал игнорирует соответствующие нормы (что, как мы видели, «имело место быть» в России), то демократом его называть никак нельзя. Точно так же, как нельзя «отлучать от демократии» тех, кто не испытывает священного пиетета перед либеральными ценностями.

Интересными данными оперировал Р. Евстигнеев, ссылаясь на разработки ученых, в том числе и нашего Института. В экономическом отношении старт перестройке в СССР был дан задолго до М. Горбачева. Когда в 1961-1970 гг. среднегодовые темпы роста национального дохода впервые снизились до 7,0% (по сравнению с 10,3% в предыдущем десятилетии), начались первые эксперименты по повышению эффективности хозяйствования. Наиболее крупным из них стал сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. Но в следующем десятилетии падение продолжилось, достигнув 4,9%. В 1981-1985 гг. (т.е. в преддверии перестройки) темпы составили уже 3,6%, а в 1986-1989 гг. опустились до 2,7% (судорожные усилия восстановить их, не выходя за рамки социализма, не могли спасти положение). С 1990 г., когда к известным системным порокам добавился трансформационный спад, и вплоть до 1998 г. страна жила с отрицательными приростами национального дохода.

В чем состояла главная причина неуклонного более чем 30-летнего спада? Статистика бесстрастно констатирует: в перенакоплении, которое не сопровождалось адекватным ростом производства, особенно потребительских товаров и услуг. Страна подошла к критическому порогу, за которым было неизбежное падение в пропасть. Социалистическая система хозяйства, противоречащая по своей природе интенсивному типу расширенного воспроизводства, перестала обеспечивать повышение фондоотдачи, начиная уже с середины 70-х годов. А ресурсы экстенсивного роста, в отличие от Китая (где, кстати, успешные ре-

формы еще продолжают в рамках «рыночного социализма»), были уже исчерпаны.

Л. Шевцова, оценивая постперестроечный период, утверждает, что Горбачевская Перестройка является процессом, который разрушил механизм упорядочивания общества в России и одновременно механизм упорядочивания геополитического пространства, возникший после Второй мировой войны. И до сих пор ни в России, ни в мировом политическом пространстве не сформировались новые формы и механизмы упорядочивания, и потому не будет преувеличением сказать, что до сих пор мы живем в постперестроечном мире.

Россия и ее политический класс оказались не готовыми создать систему противовесов и независимых институтов, и при Б. Ельцине страна вернулась к персонифицированной власти, но уже власти, легитимированной демократическим способом. Стоит подчеркнуть, что вряд ли наше общество возвратится к иной легитимации этой власти – силовой, царистской, партийной. Так что, по крайней мере, удалось закрепить этот прорыв за пределы старой традиции. И этому прорыву мы обязаны перестройке.

Определить сущность, влияние и последствия перестройки невозможно без учета внешнего фактора – международной ситуации – и его воздействия на внутреннюю обстановку в Советском Союзе в последней четверти минувшего века, отмечает И. Орлик.

Без анализа тесного переплетения взаимозависимости внутреннего и внешнего факторов нельзя понять причин начавшихся в нашей стране преобразований, их непоследовательности и, в конечном счете, почти полной нереализуемости замыслов перестройки.

Перестройка началась при существенном ухудшении международно-политических условий для СССР, что потребовало

изменения его внешнеполитической стратегии. В то же время перестройка уже с самого начала повлияла на международную геополитическую ситуацию, прежде всего в Европе.

Незавершенность перестройки и внутри страны, и в сфере ее внешней политики, помимо чисто субъективных просчетов советских лидеров, предопределили и многие глобальные ситуации в Европе и в мире.

Авторы перестройки не смогли предвидеть (хотя и должны были!) драматических событий в своей стране, приведших к ее распаду. Поэтому они не смогли ощутить и хотя бы ослабить надвигавшиеся угрозы человечеству, симптомы которых уже ощущались в последние десятилетия уходящего века. А сейчас, в начале XXI в., еще больше проявляются тенденции, с одной стороны, глобализации и взаимозависимости, с другой – национализма и сепаратизма. Именно сейчас, в начале XXI в., ощущается взлет и человеческой свободы, и беспрецедентное нарушение прав человека; увеличение численности населения в ранее невиданных размерах и в то же время – уничтожение многих миллионов людей.

В идеях перестройки основной была общечеловеческая мораль (в ее российской трактовке; отсюда, возможно, и утопизм этих идей).

Великий американец XX в., патриарх науки о международных отношениях Дж. Кеннан, размышляя о соотношении морали и внешней политики, подчеркивал, что «истинно моральное поведение» не должно быть подчинено «реальной силе». И применительно к внешней политике Соединенных Штатов Дж. Кеннан говорил, что «поступать так было бы глупо, ненужно и привело бы к самоуничтожению». Думаю, что это имеет отношение и к судьбе российской перестройки: внутренним причинам ее падения и внешним факторам, парализовавшим ее международные замыслы.

В ходе дискуссий в нашем Институте отмечалось, например А. Быковым, что перестройка в стране аукнулась у соседей по Восточному блоку «бархатными революциями», развалом его и СЭВ, что оставило страну практически без союзников – один на один с Западом, воспринявшим все происходящее как легкую победу в «холодной войне» и умело содействующим ее необратимости.

Крах перестройки во многом был обусловлен сопротивлением сил в стране, противостоящих ей как слева, так и справа, действующих в противоположных направлениях и равно обрекавших ее на неудачу, подрывая политическое и экономическое единство страны, стимулируя сепаратизм и местничество.

По мнению Л. Зевина, в России либеральные реформаторы начали реформы после распада страны с разрушения политической и государственной системы, представленной фактически в едином лице – КПСС. Возник тройной вакуум: распад страны, политической и государственной системы. Ошибка реформаторов заключалась в том, что они боролись не за завоевание доминирующих позиций внутри партии, с тем чтобы использовать ее возможности для осуществления своих целей, а против нее. Здесь они добились успеха, но это одновременно стало, пожалуй, одной из главных причин неоправданно тяжелого и хаотического хода преобразований. Вывод: нельзя допускать одновременного разрушения политической и экономической структур при осуществлении кардинальных реформ. Естественно, добиться контроля над партией было намного трудней, чем, опираясь на массовое недовольство народа, бороться с партией и государством.

Вспоминая о ходе дискуссий в нашем Институте, которые велись до, во время и после незавершенной перестройки, я, конечно, не могу утверждать, что был согласен со всеми моими коллегами. Это относится и к тем их оценкам перестройки, ко-

торые мне запомнились и некоторые из которых я здесь воспроизвел.

Что же касается моих взглядов на перестройку и на постперестроечное время, то я хочу их кратко изложить, хотя понимаю, что мое восприятие перестройки в середине 80-х годов прошлого века, конечно, отличается от моих сегодняшних оценок, спустя более четверти века.

Странным, например, мне кажется утверждение, что М. Горбачев начал перестройку из-за прогрессирующего отставания советского блока от стран НАТО в военной области. В частности, говорят о страхе тогдашнего руководства СССР перед Стратегической оборонной инициативой (СОИ) США, которая будто бы заставила начать столь грандиозный проект. Если это было бы так, то естественно было бы ожидать наращивания мобилизационных усилий страны при ее прежней системе, а вовсе не радикальных шагов в сторону ее демократического обновления.

Другой глубоко укоренившийся миф в так называемом народном сознании, да и в широких кругах постсоветской интеллигенции гласит, что именно перестройка и ее лидер М. Горбачев развалили Советский Союз. На самом деле, реформируя бывшее, по сути, унитарное государство, он лишь стремился превратить его в подлинную федерацию, органически сочетающую сильный центр с широкой самостоятельностью союзных республик. В этом легко убедиться, посмотрев договор о Союзе суверенных государств, который должны были подписать их руководители в августе 1991 г.

Явно противоречит исторической действительности утверждение о том, что рыночные преобразования в стране начались лишь с приходом к власти Б. Ельцина и его команды «младореформаторов». На самом деле механизмы саморегули-

рования экономики были включены уже в соответствии с задачами перестройки, одной из которых было высвобождение и легализация предпринимательской инициативы. Лучшее тому доказательство – мощное кооперативное движение, из которого выросло целое поколение молодых предпринимателей. Кстати, тогда не говорилось о непомерных государственных расходах, но налог на прибыль кооперативных предприятий составлял лишь 3%. Это ли не мечта радикальных либералов? А разве развитие оптовой торговли, самостоятельный выход хозяйствующих субъектов на внешний рынок, расширение сегмента договорных цен, возникновение многочисленных совместных предприятий не свидетельствуют о становлении рыночной экономики? Правда, экономическая стратегия перестройки с самого начала предполагала «мягкое» вхождение в рынок, что, как теперь становится все более очевидным даже для бывших адептов неолиберализма, было бы весьма разумно.

Словом, инициировав перестройку, М. Горбачев, по сути, начал движение к конвергенции, пытаясь породнить относительную социальную справедливость с плюралистической демократией и свободной экономикой. Главное заключается в том, что он стремился гуманизировать советское общество, раскрыть, как он выражается, его демократический потенциал. Он лично как политик проиграл в силу собственных просчетов, но главным образом, я уверен, из-за массовых общественных заблуждений, приведших его к концу 1991 г. практически к полному политическому одиночеству. Что ж, как говорят немцы, «неблагодарность – награда мира»...

Однако это все о прошлом. А что же нас ждет в будущем?

И здесь, вспоминая о прошлом, я хотел бы отметить, что еще до перестройки и во время попыток ее реализации в нашем Институте шли дискуссии о перспективах страны. В наших до-

кладах и ряде публикаций высказывались не только настороженность, но и предчувствие угрожающей нашему государству ситуации. Мнения часто расходились. Но помню, что мои взгляды часто совпадали с суждениями моих коллег А. Некипелова, Л. Зевина, А. Быкова, И. Орлика и некоторых других.

Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И, судя по всему, окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. Причем это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее данные перестройкой шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству – при всех задержках и даже откатах – сохраняются. Главное – уметь извлекать уроки из недавнего прошлого и не делать новых ошибок. Ведь такая опасность есть...

Прежде чем о ней говорить, попытаюсь охарактеризовать промежуточные итоги «русской» трансформации и показать, как она может протекать в обозримой перспективе.

Справедливости ради надо признать целый ряд состоявшихся положительных итогов реформ. Ее очевидное достижение в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчезли униженные дефициты товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право бывших советских людей на «уют».

Особенно отрадны, что раскрепощена ранее скованная личная инициатива людей. Происходит становление предпринимательского класса, призванного формировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает приобретенные в условиях реального социализма иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне быстро усвои-

ли «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнивательность в личных доходах и виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги. Наконец, нельзя не отметить, что после 70 лет принципиально иной экономической системы в стране достаточно быстро были созданы и, худо ли бедно, начали функционировать формальные институты рыночной экономики, т.е. коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и так далее. Тем не менее результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. Пока Россия явно отдалилась от желаемых социально-экономических стандартов евро-атлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны «третьего» мира с громадной поляризацией личных доходов. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуются не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет еще более суровую борьбу за существование, чем в советские времена. Чрезвычайно высо-

кая социальная цена реформ стала главной причиной того, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы оказались в значительной мере дискредитированными. Об ошибках «действующих лиц и исполнителей» российских реформ, казалось бы, уже так много сказано и написано, что трудно добавить что-то новое. И все же имеет смысл вновь обратить внимание на мировоззренческую природу просчетов и упущений в политике реформ, как впрочем, и в экономической политике в целом, поскольку актуальность вопроса несколько не уменьшилась. Я имею в виду ярко выраженную склонность как вчерашних, так и сегодняшних реформаторов к «магическому мышлению», представляющему собой смесь неоправданных надежд (иллюзий) и распространенных заблуждений (мифов). Среди иллюзий я отметил бы, прежде всего, принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада в целях достижения его экономических и социальных стандартов, а также абсолютизацию универсальных экономических закономерностей без учета специфики места и времени. Сюда же следует отнести убежденность в необходимости максимально высокой скорости перемен как решающего фактора их необратимости, что реформаторы имели обыкновение объяснять опасениями коммунистического реванша. Кроме того, в разряд иллюзий уместно включить благостное отношение к взаимодействию стран в современном мировом хозяйстве без учета различий в их экономических потенциалах. С самого начала радикальных реформ было принято считать, что быстрая открытость экономики России благодетельна, постепенная и дозированная – вредна. Теперь о мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до минимума свести государственное участие в экономике. Речь идет об антиэтатистском синдроме, пропозы-

вающем «основное русло» современной экономической мысли, но имеющем мало общего с реальной действительностью. Во-вторых, сюда же следует отнести возведение в ранг объективной закономерности тезиса об органической слабости государства в «транзитных» странах и особенно в России. Из этого тезиса вытекал вывод, что здесь вмешательство государства в экономику должно быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках. Именно потому, что с самого начала ельцинского периода реформ их инициаторы в силу магического мышления сделали ставку на всеислие ложно понятой «экономической свободы», страна не в состоянии вырваться из оков примитивного производства и массовой бедности на траекторию устойчивого хозяйственного развития на базе освоения и тиражирования и экспорта научно-технических новшеств. Судя по всему, и президент, и правительство отдают себе в этом отчет, понимая, что фактически Россия стоит перед дилеммой: останется ли она и впредь экспортером преимущественно топлива и сырья или все же сможет занять достойное место в постиндустриальной глобальной экономике. С высоких трибун постоянно говорится, что в последние годы зависимость страны от экспорта энергоносителей и сырья достигла критического уровня, а это уже представляет собой угрозу для ее национальной безопасности. Утверждается также, что, не снижая объемов поставок сырья, необходимо целенаправленно, год за годом изменять структуру российского промышленного производства и экспорта в пользу готовых изделий, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Но какие же средства предполагается задействовать для достижения данной цели? В кругу лиц, ответственных за экономический блок в правительстве, по-прежнему принято считать, что модернизация российской экономики наступит сама по себе, в результате активизации рыночных сил саморегулирования. А

чтобы эти силы «работали» без помех, правительство сосредоточит свое внимание на завершении формирования законодательства, адекватного цивилизованной рыночной экономике, и позаботится о пресечении так называемых неформальных, неправовых экономических отношений и соответственно о создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. Справедливо говорят в этой связи о повышении эффективности антимонопольного регулирования, соблюдении прав собственности и контрактного права, а также о существенном ограничении сформировавшейся в 90-е годы «экономики льгот и привилегий». Наконец, предусматривается сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесторов в сочетании с курсом на последовательную индивидуализацию и приватизацию социальной сферы (так называемые структурные реформы).

Если конкретная политика будет ограничиваться только этими задачами, вряд ли удастся радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране. Тенденция примитивизации российского хозяйства при таких условиях становится необратимой независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энерго-сырьевые отрасли промышленности, обладающие экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит всякие перспективы для развития.

Желаемую альтернативу неолиберальному курсу российского правящего дома я вижу в активизации имеющегося научно-производственного потенциала в целях достижения и поддержания приемлемого международного уровня конкурентоспособности избранных отраслей и секторов российской экономи-

ки. Но такая альтернатива не может реализоваться спонтанно, без рационального поведения государства. А это предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Кстати, только тогда появляется шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, большей его части. И только тогда здесь начнут формироваться и развиваться собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

Наступившее сегодня разочарование в идеалах рынка и демократии (будем надеяться, временное) совсем не обязательно означает, что в обществе есть тоска по реваншу или коллективная готовность включиться в строительство чего-либо грандиозного. Скорее, надо согласиться с теми социологами, которые утверждают, что усвоение россиянами индивидуалистических ценностей состоялось. Правда, связано это не с развитием сознания в духе протестантской этики, а, так сказать, с атомизацией социума, проще сказать, с разобщением людей, в своем подавляющем большинстве занятых чистым выживанием.

В заключение выскажу свою оценку качества и перспектив российского государства как института в целом. Выясняется, что в стране существует весьма широкий консенсус по поводу того, что сегодня оно слабо и неэффективно. Исследователи и действующие политики практически едины в том, что современное государство игнорирует народные нужды, сильно зависит от частно-групповых интересов, не помогает отечественным предприятиям в международной конкурентной борьбе, не оказывает содействия малому и среднему бизнесу, в высшей степени бюрократизировано и коррумпировано, вмешивается в экономику там, где не нужно, а если там, где нужно, то, как правило, слиш-

ком поздно и т.п. Но самое грустное в этой истории – вывод, который все более напористо навязывается обществу: раз государство слабое, давайте передадим максимум его традиционных функций частной инициативе.

Однако истинная альтернатива слабому государству – не сильные компании и не так называемая социальная ответственность крупного бизнеса, а сильное государство. И современная теория, и практика так называемых цивилизованных стран – их теперешняя антиэтатистская риторика не должна вводить в заблуждение – неопровержимо свидетельствуют: государственная активность и частная инициатива взаимодополняемы, а не взаимозаменяемы! Связывает их институциональная среда, часть которой также формируется соответствующими действиями государства. Практическое заключение из сказанного для России очевидно: укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями. Звучит почти как банальность. Но, как точно заметил Фридрих Ницше, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями».

Возможно, в изложении своих взглядов на перестройку и постперестроечное время я несколько увлекся и даже отошел от принятого мемуарного жанра. Но, с другой стороны, мои размышления – это в сжатом, концентрированном виде выражение сущности проблем, исследованием которых занимался Институт на протяжении почти четверти века. Более того, эти обобщения и выводы, мои и моих коллег, не могли бы появиться без глубокого знания, следовательно и глубокого исследования экономических, социальных, международно-политических проблем, чем мы занимались на протяжении нескольких десятилетий.

Кто знает? Может они помогут молодой смене продолжить наши поиски и более четко определить, а еще лучше – содействовать будущему развитию нашей страны. В добрый час!

А. Бутенко

Наука и политика³

Я хорошо помню свой первый приезд (на «Москвиче») на новую работу – в Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС АН СССР). Дружески встретивший меня Илья Владимирович Дудинский тут же повел меня к директору – члену-корреспонденту АН СССР Геннадию Михайловичу Сорокину. Он сразу понравился мне своей интеллигентностью и доброжелательностью – никакой начальственной «набыченности»! Оформив свои дела в кадрах, я, стараясь не привлекать к себе внимания, обошел институтские «этажи», придирчиво осмотрел отводимые нашему отделу две комнаты (одна была совсем маленькой – из бывшей ванной, в ней и стоял мой стол).

Хотя первый раз я в институте пробыл совсем недолго, успел убедиться в том, что И.В.Дудинский прав, говоря о хорошей

---

3. Страницы из книги: Бутенко А.П. Наука, политика и власть: Воспоминания и раздумья. М., 2000.

институтской обстановке. Правда, я не сразу понял, но потом убеждался в этом десятки раз, что хорошее настроение «впервые приходящему» создает не величественность здания, не убранство и стиль офисов (хотя это тоже важно!), а встречающие вас люди.

Здание Института на Ярославской улице являлось одним из серийных зданий построенных здесь гостиничных корпусов, рабочие комнаты были оклеены светлыми обоями и скучено заставлены письменными столами – все это не представляло собой ничего особенного. А вот «первые встречающие» – помощницы-секретари директора и его заместителей, как я сразу отметил для себя – играют свою, никем не заменимую роль: их внешность, приветливость и внимание сразу создают соответствующий настрой. Тогда секретарем Г.М.Сорокина была молодая симпатичная женщина Нина Гавриловна Бобкова, готовившаяся стать матерью. Вскоре она перешла в наш отдел в качестве секретаря отдела и виртуоза-машинистки, с легкой руки которой были отпечатаны, а потом успешно защищены десятки диссертаций. Вместе с пришедшими позже Ирой Васильченко и Таней Рычковой они не только отпечатали и подготовили к публикации все работы нашего отдела, но и составили в отделе «непокладающую рук» цементирующую наш коллектив основу доброжелательства и женского обаяния. В правильности своего вывода о роли секретарей-помощниц я убеждался не раз.

И в тот день и много позже я восхищался демократизмом общепринятых в институте межличностных взаимоотношений. Именно этот демократизм и делал всех сотрудников нашего института дружным коллективом, а сам институт не унылым местом нелегкой работы, а учреждением, на работу в которое идешь пусть и не как на праздник, но все же без принуждения, не говоря уже об отвращении.

Я сразу же отметил для себя эту особенно дружественную атмосферу отношений в институте и дал себе зарок, что появление в рамках институтского коллектива новых сотрудников нашего отдела ни в коем случае не должно ухудшить эти отношения, что требует от меня безжалостно пресекать любые попытки противопоставления политики экономике и нас политиков и социологов большинству экономистов института. Соответственно и в личном плане наши сотрудники должны по меньшей мере не отличаться в худшую сторону от уже существующего коллектива как его мужской, так и женской половины. Должен признаться, что позже мне не раз приходилось довольно бесцеремонно, а иногда и резко «ставить на место» моих коллег, пытавшихся «выпендриваться», отстаивать свое мнимое политическое первородство. Оглядываясь, могу констатировать, что никаких выяснений кто важнее и т.п. в дальнейшей истории не было.

Но прежде, чем все это могло произойти, нужно было создать отдел, найти нужных специалистов, взять их на работу по нашей проблематике.

* * *

В 1969 г. директором Института вместо Г.М. Сорокина был назначен доктор экономических наук Олег Тимофеевич Богомолов.

Эта замена была неожиданной для многих сотрудников, уважавших своего директора – интеллигентного и всегда внимательного к нуждам института и его сотрудников. Вновь же назначенный директор – партийный функционер – многим был не известен. То, что назначение нового директора было неодинаково встречено в научном коллективе, вполне понятно: ведь у каждого директора – и прежнего и нового – были свои задумки, свои любимые кадры и свои научные пристрастия, что, естест-

венно, не могло не сказаться на положении разных направлений, отделов и секторов (и их сотрудников). Для меня, лучше других знавшего Олега Тимофеевича Богомолова, его приход в институт выглядел как начало больших позитивных перемен в институте, как шаг вперед в развитии института, усилении его научного потенциала, активизации его теоретических и практических исследований.

И перемены к лучшему действительно начались: институт получил в свое распоряжение новое пятиэтажное (бывшее школьное) здание по адресу: Новочеремушкинская, 46, куда мы и переехали в конце 1969 г. Была реализована задуманная О.Богомоловым структурная перестройка, в институт пришел большой массив новых, творческих сотрудников и среди них такие яркие личности, как Владимир Михайлович Шаститко – талантливый ученый, остроумнейший человек, ставший любимцем всего институтского коллектива, а потом и зам. директором; у нас стал работать доктор экономических наук Юрий Семенович Ширяев, который позже стал директором экономического института при СЭВе; заместителями директора были Микульский Константин Иванович – умница и трудоголик, а также известный историк-международник Орлик Игорь Иванович (этого крупного ученого, замечательного человека я знал еще со студенческих лет по стромыньскому общежитию МГУ), толковые сотрудники обнаружались всюду (А. Барковский, О. Лабецкий, М. Стрепетова, А. Коновалова, В. Портяков, Н. Ушакова, А. Иванов, Л. Лучкина, Э. Шейнин).

Изменились приоритеты в научной работе: новый директор считал, учитывая критику своего предшественника, что главное – подготовка научных записок (оценок и рекомендаций) в директивные органы, а уже потом широкие научные публикации. Чтобы правильнее учитывать труд сотрудников, поощрять

лучших, по поручению дирекции, один из широко думающих сотрудников Леон Залманович Зевин разработал систему сравнительных оценок разных видов нашей продукции: его единица, названная в институте «леоном», оценивала докладную записку в высшие инстанции, как в 3 раза более ценную, чем такого же объема книга или научная статья. Эта система способствовала существенному повышению научной активности сотрудников, более адекватному их стимулированию дирекцией. Все это позволяло каждому научному сотруднику лучше почувствовать свою востребованность, нужность науки для власти, представители которой встречались с ведущими работниками института и выслушивали взаимные претензии.

Однако было бы неверно идеализировать отношения науки и власти в эти застойные годы: наши перемены диктовала не власть, а неординарность нашего директора, стремившегося в своем институте реализовать то, как он, недавний представитель партийной власти, понимал смысл и значение научных исследований. Что я не ошибся в своих подозрениях, стало все отчетливее обнаруживаться по мере того, как «острые» оценки и предложения нашей науки все неприветливее воспринимались разными эшелонами власти, порой превращаясь для них в нечто вроде горячих каштанов: и держать неудобно (надо же что-то делать!) и выбросить неприлично (вдруг спросят, что сделано!).

Забегая вперед, хочу проиллюстрировать сказанное нашими взаимоотношениями с властью в связи с событиями в Афганистане. Большинство ведущих сотрудников института рассматривало «введение ограниченного контингента» в Афганистан как серьезную политическую ошибку. Поскольку это был политически-идеологический вопрос, мы размышляли, как наш отдел, специально занимающийся этими вопросами, должен реагировать, «соединяя теорию с практикой». В это вре-

мя заведующим внешнеполитическим сектором в нашем отделе был доктор исторических наук Дашичев Вячеслав Иванович. Им была подготовлена аргументированная политическая записка, показывающая всю пагубность случившегося, доказывавшая необходимость вывода войск. Директору записка понравилась, но его смущало то, что Афганистан – не страна социализма, скажут: «Не ваше дело!» После наших с В. Дашичевым размышлений было решено: во введении сослаться на печальный опыт введения американский войск в «социалистический» Вьетнам. Переданная записка была в соответствующих инстанциях воспринята, мягко говоря, без энтузиазма – как известно, ничего предпринято не было! Этот случай предельно ясно показал, что власть ждет от науки вовсе не самостоятельных суждений, тем более критических, а лишь «одобрямс» ее действий и рекомендаций по более эффективному осуществлению политики, выбираемой властью, не считаясь с наукой.

Увеличивавшиеся трудности с научными записками в директивные органы, естественно, усиливали желание менять общественное мнение посредством научных публикаций: книг, брошюр, лекций и статей.

А в это время обещанная нами солидная монография «Социализм и международные отношения» безнадежно застряла в «Науке». Лично я придавал выходу этой монографии особое значение по трем причинам: во-первых, монография была действительно коллективным произведением всего отдела: в ней было «задействовано» 19 сотрудников нашего отдела, т.е. почти все (в это время их было 22). Мы с энтузиазмом работали, помогая друг другу, чувствуя, что в отделе - дружный коллектив. Во-вторых, в отличие от уже вышедшей монографии по критике антикоммунизма, здесь мы держали экзамен на позитивную разработку именно «нашей» проблематики. В-третьих,

книга была посвящена новым и достаточно острым вопросам. «В книге, – говорилось в аннотации, – освещены наиболее существенные изменения в сфере международных отношений, вызванные утверждением социализма на исторической арене и превращением его в мировую систему». Здесь впервые ставились вопросы: противоречий в мировой системе (глава А.Е. Бовина), структуры мировой социалистической системы (глава Ю.С. Новопашина), четко разграничивались закономерности социализма как общественного строя и как мировой системы, принципы взаимоотношений стран социализма и разнопланового влияния мировой системы на весь мир, на все международные отношения.

После долгих и мучительных коллизий книга вышла в свет.

Когда послехрущевский общественно-политический и социально-экономический спад в развитии советского общества еще не перерос в ощутимый для всех застой и упадок, когда в связи с решением ЦК КПСС наш Институт получил не только здание на Новочеремушкинской улице, молодого директора, но и целый ряд новых возможностей, наш дружный институтский коллектив вступил в полосу глубокой перестройки и обновления. Думаю, что 70-е годы были лучшими годами в жизни нашего академического Института как с точки зрения его научно-общественной отдачи, так и в плане востребованности науки и личного самочувствия научных и технических сотрудников.

Наш Институт получил право иметь в посольствах и торгпредствах всех «братских стран» своих представителей – политиков и экономистов, которые на протяжении 2-3 лет работы (потом их заменяли другие наши сотрудники) снабжали Институт не только бесценными данными об экономическом и политическом положении в изучаемых нами странах, но и, приезжая на общие отчеты в наш Институт, делились и личными

впечатлениями и соображениями, получали от нас, заведующих отделами, от дирекции заявки для будущих информационных. Думаю, что это был уникальный опыт связи теории и практики, сотрудничества науки и политики, а в какой-то мере и власти.

Оглядываясь на эти 70-е годы, хочу отметить, что наш Институт был средневеликим – около 300 сотрудников. В нем была, в общем и целом (пусть не в каждом случае и не в любом отделе), несклочная, творческая атмосфера здорового научного коллектива. Сохранению этого состояния и дальнейшему сплочению коллектива во многом способствовали два обстоятельства: кадровая политика директора и институтские традиции. Если говорить о первом, то, как это было всем очевидно, директор, подбирая кадры, старался брать в Институт умных, пишущих и культурных профессионалов, способных не заимствовать, а самостоятельно рожать идеи, создавать концепции, писать докладные записки и научные работы, которые, создавая авторитет автору и Институту, способствовали росту авторитета и его думающего директора, умевшего правильно подать себя не только в институтском коллективе, но и за его пределами.

Усилиями директора, дирекции и руководителей отделов в 70-е годы в Институте были сконцентрированы квалифицированные и достаточно смелые в научном отношении кадры. К ним вполне можно отнести доктора экономических наук Г.С. Лисичкина, умного и смелого «рыночника», долго преследовавшегося аппаратными ретроgrадами, защитившего докторскую диссертацию уже в нашем совете, нами «выращенного» доктора экономических наук Н.П. Шмелева, основательных и вдумчивых докторов К.И. Микульского, Ю.С. Ширяева, Ю.Ф. Кормнова, В.М. Шаститко, В.Ф.Терехова, таких известных и толковых докторов исторических наук, как И.И. Орлик, Л.С. Ягодковский, В.И. Дашичев. Вокруг этого ареопага руководящих

кадров Института группировалась главная думающая сила научного коллектива – его заведующие секторами и старшие научные сотрудники, такие «золотые» кадры Института, как Л.З. Зевин, А.Н. Быков, Р.Н. Евстигнеев, М.А. Усиевич, П.И. Кулигин, Л.И. Цедилин, М.С. Любский, Н.И. Бухарин, В.И. Шабунина, Л.И. Молодцова, Л.В. Тягуненко, М.Е. Тригубенко, Ю.К. Князев и другие. Особо хочу сказать об А.Д. Некипелове – талантливом экономисте, ставшим академиком, еще не достигнув 50 лет, и в конце 90-х годов сменившим на посту директора Института академика О.Т. Богомолова. Я назвал только небольшую часть наших творческих сотрудников; но я всем коллегам благодарен не только за сотрудничество и поддержку в трудное время, но главное – за интересные мысли, за науку, которой каждый из нас честно служил, стремясь внести собственный вклад в решение тех сложных проблем, которыми мы занимались.

К хорошим традициям нашего академического Института я отношу то, что, будучи по самому своему существу международным, он отличался тем, что его часто посещали зарубежные гости, да и значительная часть наших сотрудников уже в 70-х годах работала за рубежом. Поэтому Институт часто организовывал международные конференции и симпозиумы, становился центром интересных дискуссий. Это способствовало не только повышению профессионализма, но сказывалось и на облике: не только наши женщины, но и не в меньшей степени мужчины старались быть на соответствующем уровне, начиная от знания иностранных языков, своей общей культуры и кончая внешней культурой: современной одеждой, формой общения, привычками.

Хорошей традицией Института были тогда «капустники», готовившиеся нашими поэтами и режиссерами (такие таланты тоже нашлись!), певцами и танцорами. Помню, как несмотря на опасения дирекции и парткома, был организован темати-

ческий капуста под крамольной вывеской «не соцсистема (имелась в виду изучаемая нами мировая социалистическая система), а соссистема». Капустник прошел интересно и в общем благополучно, обнаружив не только наш профессионализм и юмор, но и то, что наш замечательный китаевед Людмила Ивановна Молодцова – прекрасный поэт и хорошо поющая милая женщина, а известный специалист по финансовым вопросам М.С.Любский оказался обладателем прекрасного баритона (хоть в Большой театр!). Здесь мы еще раз убедились в том, что в Институте много красивых женщин – В.Петрова, Н. Лопухова, Л. Валентинович, Г. Рябова, Н. Смирнова (позже появилась Ж. Бурлаченко), как хороши наши Милы, Любы и Наташи (разве можно было не любоваться, видя Милу Фокину, Любу Венкину, Наташу Багрянскую? С особыми чувствами вспоминаю своих товарищей и коллег по совместной работе в нашем отделе, причем воспоминания о каждом – свои, индивидуализированные. Первыми «корифеями» нашего отдела были Р.И. Косолапов – философ, В.Г. Смолянский – экономист, Э.Я. Баталов – политолог, китаевед. Во время становления отдела мы вместе стремились выполнить роль «коллективного мозгового центра», советуясь и обсуждая в спорах стоявшие перед нами задачи. Всегда это были товарищеские споры, никогда не отчуждавшие друг от друга спорящих. Первыми сотрудниками отдела были Н.Г. Бобкова, Л.Н. Абаева, Т.И. Снегирева, стажеры Б. Поляков, В. Ктиторов, кандидаты наук К.Н. Орлова, В.Б. Подкуйченко, позже В.Г. Зарецкий.

По мере развития Института внутри отдела были созданы четыре сектора – общих теоретических проблем социализма, руководство которым взял я, сектор внутриполитических проблем социалистических стран, его возглавил умный Я.Б. Шмераль – сын известного чешского революционера, он при-

вел в Институт аспирантку Л.Ф. Шевцову, скоро ставшую у нас кандидатом наук, а потом при поддержке отдела первым доктором политических наук и одно время заместителем директора. После перехода Я.Б. Шмеряля на работу в ЦК заведовать этим сектором стал Е.А. Амбарцумов, умный и блестящий журналист, ставший потом послом в Мексике. Сектор внешнеполитических проблем возглавил доктор исторических наук В.И. Дашичев, с которым мы сразу сдружились и которому я многим обязан; в его сектор пришел вдумчивый и принципиальный доктор исторических наук В.М. Кулиш, мы сами взрастили здесь своего толкового доктора – А.А. Мурадяна. Общей теорией мирового социализма стал заниматься еще один сектор, руководимый Ю.С. Новопашиним, ставшим у нас доктором философских наук; у него активно трудились Д.И. Фельдман и П.Е. Кандель, ставший у нас доктором любимец отдела Б.М. Пугачев.

Прекрасно понимая, что умные руководители секторов – это важное, но не более, чем половина дела, я добивался того, чтобы в каждом секторе были толково подобранные заведующими секторами, самостоятельно думающие старшие научные сотрудники – кандидаты и доктора. Кроме В.М. Кулиша, А.А. Мурадяна, Л.Ф. Шевцовой, вскоре к нам пришли доктора наук А.А. Язькова, И.М. Клямкин, творчески мыслящие кандидаты – А.В. Вахрамеев, Н.Л. Лушина и М.П. Павлова-Сильванская. Одними из главных «прорабов науки» того времени у нас были кандидаты философских наук А.С. Ципко и В.П. Киселев, дружески соревновавшиеся перед всем отделом за пальму первенства в новизне мыслей и их аргументированности: чаще побеждал глубокий и убедительный В.П. Киселев, что всегда по-хорошему подстегивало эмоционального и блестящего как фейерверк А.С. Ципко. Я искренне радовался успехам наших сотрудниц: думающих и знающих – историков Т.И. Снегиревой, Л.Н. Абаевой,

М.П. Павловой-Сильванской, экономиста Н.Л. Лушиной, в прошлом студентки экономического факультета МГУ, где в свое время я преподавал, а также наших международниц – Э.В. Глушковой и Л.Б. Постоловской, А. Дикуновой и О. Бибиковой. Не скрою, я с удовлетворением констатировал, что на общеинститутских конференциях и симпозиумах, капустниках и вечерах сотрудники отдела выглядели порой активнее других, здесь мне всегда помогала моя неутомимая помощница-секретарь Нина Бобкова, а также Ира Васильченко и Татьяна Рычкова. Я по-человечески радовался тому, что мужчины нашего отдела пользуются вниманием и авторитетом в институте, а наши симпатичные и умные женщины – Клара Орлова, Нина Лушина, Марина Павлова-Сильванская, Элла Глушкова, Лена Коркия ничуть не уступают другим женщинам Института. Конечно, наша жизнь была далеко не безоблачной: попадали и к нам наговорщики и сплетницы, но мы быстро от них освобождались по принципу: в нашем отделе работают только порядочные сотрудники, для которых главное – наука, дело.

Мы много трудились, готовя в директивные органы многочисленные информационные и докладные записки-рекомендации, писали и обсуждали научные доклады, читали лекции, издавали монографии, книги, учебные пособия, публиковали статьи. Но все явственнее выступавшие стагнация и застой в развитии советского общества беспокоили всех, требовали от всех российских обществоведов чего-то значительно большего.

Как же реагировала на все это академическая наука, обществоведение? Ощущалось ли приближение беды?

Политическая власть в Советском Союзе в 1965–1985 гг. не хотела признавать своего провала, своей неспособности остановить падение показателей народного хозяйства, проигрыша соревнования в научно-техническом прогрессе на мировой аре-

не и ухудшения материального положения граждан внутри страны. Почему же после устранения Н.Хрущева не продолжилось успешное экономическое развитие («хрущевско-косыгинская» пятилетка была самой успешной)? Дело в том, что перемены «хрущевской оттепели», разрушив сталинскую тоталитарную форму господства партийно-государственной бюрократии, но оставив господство самой этой бюрократии, создали слишком малый простор для развертывания инициативы, более свободного развития. Созданные переменами возможности были быстро исчерпаны, в то время как само господство номенклатуры, сохранившись, стремилось вернуться к более привычным для него прежним формам.

Нет ничего удивительного в том, что в условиях общественно-экономического застоя официальный интерес к нелицеприятной, научно-объективной оценке всех сложных явлений общественной жизни резко снизился. Это и понятно: каждая наша научная записка (скажем, о противоречивости событий в Венгрии 1956 г., о реакции компартий на введение войск в Чехословакию, о способах объединения Севера и Юга Вьетнама, о советско-китайских пограничных конфликтах или о введении ограниченного контингента в Афганистан и т.д.) встречалась цэковским начальством вовсе не с благодарностью, а с явной неприязнью, что обесценивало исследовательские усилия ученых, загоняло в тупик наше институтское начальство, ставя его перед проблемой: если работать, то над чем и с какой целью, рассчитывая на чей интерес?

Нужно отдать должное нашему директору. Он прекрасно понимал суть сложившейся ситуации, пагубность для науки такого к ней отношения власти. Поэтому он стал более лояльно относиться к монографическим работам сотрудников: может быть, через изменение общественного мнения посредством подобных

работ, удастся изменить и интерес власти, ее спрос на наши докладные записки и рекомендации. Понимая, что никакой научный коллектив не может нормально существовать и развиваться без споров и научных дискуссий, он способствовал тому, что как раз в эту «глухую пору листопада», в годы застоя, т.е. в 70–80-е годы в институте стали практиковаться «директорские чаепития», где за закрытыми дверями директорского кабинета заслушивались и «без оглядки» обсуждались самые острые вопросы нашей проблематики.

По моему предложению нашему политическому и идеологическому отделу (его четырем секторам и тридцати семи сотрудникам) было поручено подготовить доклад об общественном строе в Китае (советско-китайская полемика позволяла более спокойно подойти к этой проблеме), а чуть позже сделать научный доклад о политических кризисах и конфликтах в социалистическом мире: вначале речь шла об отношении «еврокоммунизма» – в первую очередь итальянских и испанских коммунистов – к событиям в Польше, к введению Ярузельским чрезвычайного положения в стране, но позже задача была расширена – нужно было разобраться вообще в сущности политических и экономических кризисов в странах социализма, в случившихся здесь политических конфликтах и столкновениях.

Воспользовавшись этим, безусловно, прогрессивным нововведением в нашем институте, позволявшим и дальше оценивать работу сотрудников по их действительному научному вкладу, что оживляло, стимулировало творческие исследования, мы в нашем политическом и идеологическом отделе тоже стремились сформулировать ряд острых теоретических вопросов и сосредоточить свое внимание на их исследовании и решении. Оглядываясь сегодня на застойные годы, я хочу отметить, что созданная академиком О.Т. Богомоловым творческая обста-

новка в институте хорошо стимулировала наши исследования в это время: нас меньше дергали на «срочные» и, как оказывалось, никому ненужные работы, мы старательно выполняли собственный, нами составленный план исследований (а кто лучше специалистов знает, что в их отрасли науки важнее, острее и актуальнее?), занимались темами, которые не только стимулировались благожелательным отношением институтского начальства, но и отвечали нашим собственным научным интересам.

Что же было сделано? Прежде всего, сотрудники отдела и я, как его заведующий, направили свое внимание на уточнение основного категориального аппарата наших исследований: мы решили собрать все позиции (и даже оттенки мнений), чтобы высказать свое суждение о таких понятиях, как «реальный социализм», «лагерь социализма и демократии», «мировая система социализма» и «содружество социалистических стран» (здесь удалось показать сходство и различия этих понятий); продвинули в обиход понятия «две тенденции в развитии мировой системы социализма», «неравномерность экономического и политического развития стран социализма», «выравнивание уровней их развития» и «процесс сближения социалистических стран» (разработкой этих проблем окончательно «разводились» закономерности развития социализма как общественного строя).

Хочу сказать несколько добрых слов в адрес тех, кто в силу своих убеждений и своей человеческой природы поддерживал наши усилия, направленные на то, чтобы разобраться, в каком обществе мы живем и как сделать так, чтобы объем счастья в нашем обществе неуклонно возрастал. Желая сказать о сотрудничестве нашего института и нашего отдела с учеными других научных учреждений, не могу не вспомнить о наших самых тесных связях с МИЭПом (Международный институт экономических проблем МСС), где одно время директором был умный и ин-

теллигентный Сенин, а затем его сменил наш Юрий Семенович Ширяев («наш» потому, что до этого он был заместителем директора нашего института и оставил о себе очень хорошую память как думающий и отзывчивый администратор и творческий научный сотрудник). Став директором МИЭПа, он не только не порвал связей с нашим институтом, но и делал многое для того, чтобы отношения двух институтов развивались по восходящей линии, чтобы была даже определенная ротация кадров.

Естественно, что наш отдел, занимавшийся по преимуществу общетеоретическими, политическими и идеологическими проблемами, стремился найти себе партнеров именно в этих областях. Это были в первую очередь МГУ, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт философии. Однако не стоит думать, будто все наши идеи, тем более так называемые крамольные, без сучка без задоринки проходили хотя бы в своем институте. Нет! Здесь у нас всегда шли острые споры, находились оппоненты и весьма придирчивые. Это – нормально, такое взаимодействие поддерживалось дирекцией, ибо так оттачивались позиции, усиливалась аргументация.

Лично я часто бывал (меня приглашали для выступлений, оппонирования и дискуссий) в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где ректором был сначала П. Францев, а потом член-корреспондент М. Иовчук, а проректором Григорий Ефимович Глезерман, которого я высоко ценил и часто приглашал на наши институтские обсуждения.

* * *

В связи с ситуацией в Восточной Европе в конце 80-х годов нетнадобности доказывать, что происходившее здесь представляло собой исключительный интерес для науки: ведь еще ничего подобного и нигде не происходило. Поэтому не трудно меня

понять в том, что я поставил перед собой теоретическую задачу – разобраться в происходящем, определить природу происходящих здесь перемен. В 1989-1990 гг. я скрупулезно собирал материал по переменам в странах Восточной Европы и продумывал его, пытаясь, обобщив его, предложить связную теоретическую концепцию происходящего.

В результате этих усилий уже в первой половине 1991 г. я представил ученому совету нашего института, теперь называвшемуся – Институт международных экономических и политических исследований АН СССР, научный доклад: «Что происходит в странах Центральной и Юго-Восточной Европы? (о характере «бархатных» и «небархатных» революций конца 80-х гг.)», объемом более двух печатных листов. В предисловии к докладу говорилось о том, что для советских людей случившееся в братских странах стало своеобразной «шоковой» терапией, заставившей по-иному взглянуть не только на чужую, но и на свою жизнь. Возник вопрос: не о нашем ли завтрашнем дне говорят сегодняшние события в этих зарубежных странах? С самого начала я противопоставил два разных подхода к рассматриваемым событиям: во-первых, подход обыденного сознания, руководствующегося распространенными мнениями и укоренившимися мифами и, во-вторых, подход теоретического научного сознания, опирающегося на факты.

Стремясь исходить из реальных фактов, а не из представлений о реальности, следует разделять объективное и субъективное в происшедших революционных переменам. Реальный смысл необходимых, назревших здесь перемен заключается в следующем. Общества, о которых идет речь, будучи обществами казарменно-бюрократического псевдосоциализма, зашедшего в тупик, все больше становились устройствами, во многом гораздо более неприемлемыми для граждан, чем цивилизованный капи-

тализм в экономическом, а также в политическом, идеологическом и нравственном плане. Но эти устройства вовсе не ожидали одной из известных революций, когда в той или иной стране возникают препятствия поступательному развитию производительных сил в виде системы отживших производственных отношений, тормозящих это развитие, препятствующих ему. Нет, эти страны не были беременными такого рода революциями, а были больными, потому что в силу осуществленных здесь преобразований уже утратили или утрачивали способность к развитию, к естественно историческому прогрессу, в связи с чем возникшие здесь события являлись общественной реакцией на начавшийся процесс застоя и разложения.

Другими словами, мы в отделе считали, что это были революции, неизвестные обществоведению, в том числе и марксизму, революции, не укладывавшиеся в прокрустово ложе марксистских схем, ибо были направлены против еще не встречавшегося в истории устройства. Ведь те революции, которыми до сих пор занимались марксисты, происходили на тех или иных ступенях общеисторического восхождения человечества, его прогресса. Здесь же речь шла о революциях в странах, оказавшихся вне этого общего восхождения человечества, на обочине истории, в социально-экономическом застое и тупике, о революциях в целях разрыва с этой тупиковой линией эволюции и возвращения в лоно развивающейся цивилизации.

Конечно же, столь необычный характер назревших перемен мог быть реализован по-разному – при адекватном понимании происходящего или при отсутствии такого понимания. Отличительной чертой революционных преобразований конца 80-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы было именно отсутствие адекватного понимания происходящего. Причем дело заключалось не только в сложности и необыч-

ности происходившего и даже не только в господстве мифов, в распространенности мифологизированного сознания.

Осознание прошлого исторического пути «реального социализма» как тупикового, раньше или позже приводящего эти страны к застою и деградации, никогда не было присуще мировоззрению «марксистско-ленинских партий».

* * *

Вместе с сотрудниками моего отдела я пытался предвидеть развитие ситуации в Советском Союзе.

Уже к началу 90-х годов стало очевидно, что задуманная М.С. Горбачевым перестройка как «революция сверху», призванная «обновить социализм», не получается ни экономически, ни политически. Да она и не могла получиться, прежде всего, потому, что «обновлять» было нечего; Советский Союз еще во времена И. Сталина утратил социалистический выбор народа, сошел с социалистического пути, стал страной «преданной революции». М. Горбачев, только придя к руководству страной, осознал, что у нас «социализм дышит на ладан». Однако из такой, на мой взгляд, суровой и достаточно обоснованной оценки не был сделан главный вывод: каков тот путь, каковы те средства и общественно-политические силы, с помощью которых можно реанимировать социализм, воскресить социалистическое развитие? А ведь положение действительно было серьезным: изначальные завоевания социализма здесь прогнили и выступали теперь как уже забюрократизированная общегосударственная и заадминистрированная кооперативная собственность на средства производства, их подпирала определенная сумма социальных завоеваний трудящихся: отсутствие частнособственнической эксплуатации и безработицы, бесплатное медицинское обслуживание, сред-

нее и высшее образование, социальное страхование и оплаченный отдых и т.д.

Думать, что можно было исправить случившееся с помощью «революции сверху» (а это означало только одно – через посредство правящей партийно-государственной бюрократии), было наивно и утопично потому, что правящая элита в СССР (номенклатура) уже давно перестала быть силой, страхующей трудящихся от реставрации, она давно сама стала угнетающей и эксплуатирующей силой, главным препятствием прогресса, надеявшейся с помощью М. Горбачева и его перестройки «выпустить пар недовольства» трудящихся и сохранить свое господство в стране, где она узурпировала политическую власть и распоряжение не только средствами производства, но и результатами труда граждан.

Ухудшающееся год от года экономическое положение усложнилось беспрерывными колебаниями М.С. Горбачева. А затем последовал трагический развал Советского Союза.

Не обошли эти бурные процессы и наш институт. Новое время выдвинуло к руководству новые кадры, хотя у нас это был естественный процесс: заместителями директора стали быстро растущий, глубоко мыслящий доктор экономических наук Александр Дмитриевич Некипелов, широко известный специалист по экономическому реформированию доктор экономических наук Рубен Николаевич Евстигнеев, хороший организатор и вдумчивый ученый доктор экономических наук Руслан Семенович Гринберг; способная и самостоятельно мыслящая доктор экономических наук С.П.Глинкина. На короткое время заместителем директора становились и А.С. Ципко и Л.Ф. Шевцова, но их «увели» с этой должности иные, чем-то более для них привлекательные посты. Нужно отдать должное новому, точнее обновленному руководству Института – оно делало

многое, чтобы сохранить Институт и его научный коллектив. Это удалось. Как раз в это время (1988 г.) я уходил с административной работы, что – неожиданно даже для меня – обошлось без особых переживаний: ведь я оставался со своими коллегами, но получил гораздо больше времени для непосредственного занятия наукой.

Вскоре в Институте произошла реорганизация: отделы и сектора были заменены научными центрами. Нашим центром сравнительных политических исследований стал руководить знающий, культурный и симпатичный молодой доктор исторических наук Борис Александрович Шмелев. Не только в нашем центре, но и в Институте появились новые руководители и сотрудники-профессионалы: В.А. Миронов, И.Г. Ушкалов, С.В. Колчин, Л.С. Косикова, Н.В. Куликова, Л.Б. Вардомский, Э.Я. Шейнин, В.И. Волошин и другие, чьи голоса слышны были и раньше, но теперь обретали новое звучание.

Хотя Институт выстоял и обрел новое дыхание, все яснее становилось то, что установившаяся в 1991 г. российская власть, пользуясь часто советами зарубежных «капитализаторов» и отечественных недалеких выскочек, оставляла академическую общественную науку почти совершенно невостребованной, что удручающе воздействовало на все научные коллективы, не желавшие по дешевке распродавать внутренним и внешним охотникам за идеями свои мозги.

Вместе с научной жизнью хирели и все другие формы жизнедеятельности нашего коллектива. Начались длительные перерывы в работе Института, принудительные отпуска сотрудников, перебои с выплатой заработной платы и т.д. Дирекция всячески пыталась поддерживать творческий дух в коллективе, устраивала широкие обсуждения, острые дискуссии. Хотя политические позиции у сотрудников Института соответствовали

их опыту, знаниям и убеждениям, а потому были весьма не одинаковыми – но не было озлобленного экстремизма. Левые, как я думаю, не были членами КПРФ, их вера в социальную справедливость и социализм находилась, пожалуй, в границах идей РУСО – объединение Российских Ученых Социалистической Ориентации; правые же не простирали свой экстремизм дальше поклонения Б.Н. Ельцину, хотя было заметно, что такое им дается все труднее. Администрация Института, казалось, оставалась толерантной к разным течениям общественной мысли: правда, в начале 90-х годов она приглашала на международные встречи, дискуссии и споры в стенах Института, как правило, одних либералов, что вызывало в коллективе разные толки и насмешки: опять прежняя псевдодемократия, боязнь инакомыслия и «холоуж» перед властью! Однако имевшиеся в коллективе политические расхождения не приводили к открытым столкновениям в недружелюбной форме: образование, культура споров и традиционный институтский коллективизм все же брали верх, хотя дискуссии бывали достаточно острыми.

По пути к экономической синергетике

Мне кажется, что воспоминания должны являть собой, по возможности, не разновидность делового отчета или научного исследования (это очень уважаемые жанры, но совсем другие), а как можно полнее отражать все многообразие жизни. Тогда, кстати, и деловая их часть станет понятней. Иногда мемуаристы просто стесняются так писать. А зря. Воспоминания – это особый литературный жанр.

В не столь отдаленные советские времена ко всяким там «кочкам зрения» отношение было уничижительным. Им угрожающе противопоставлялась единственно «правильная» партийная точка зрения. Это относилось и к мемуарам. Хочется верить, что такое отношение навсегда ушло в прошлое, и теперь каждый имеет право на *свои* воспоминания. Свои-то свои, но тоже смещающиеся во времени. Ведь пока они пишутся, сдвигается твое понимание и вчерашнего, и сегодняшнего.

Каким должен быть стиль мемуаров? Да таким, каков сам автор. Ведь не только приводимые факты и то, как они интер-

претируются, но и язык повествования может многое сказать о пишущем. И об эпохе, в которую он жил и писал. Собственно, все это вместе взятое и составляет сюжетную канву воспоминаний.

Начну с преобразования нашего института после прихода в него О.Т. Богомолова. С Олегом Тимофеевичем судьба свела меня еще в 1957 г., когда он заведовал сектором в НИЭИ Госплана. Я сделал по его просьбе пару переводов из чехословацких журналов. Ему тогда было 30, мне – 25. Я сразу обратил внимание на его ясный аналитический ум и деловитость и почувствовал к нему симпатию. Руководил их институтом А.Н. Ефимов, который сумел сплотить вокруг себя молодых талантливых экономистов (Стаса Шаталина, Сашу Анчишкина, Эмиля Ершова и других), занимавшихся тогда в основном новым для нас делом – межотраслевым балансом, за который они потом получили Сталинскую премию. Сама та среда стимулировала новаторство.

В 1964 г., когда Ю.В. Андропов создал Отдел ЦК КПСС по изучению социалистических стран, Олег Тимофеевич перешел туда в группу консультантов. Ими были А.Е. Бовин, Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров, Ю.А. Пекшев, М.В. Сенин, Л.П. Делюсин и некоторые другие продвинутые молодые люди.

Замечу, кстати, что за несколько лет до этого в ЦК был образован руководимый Б.П.Мирошниченко небольшой отдел по связям с социалистическими странами (вскоре он распался), куда пригласили и меня. Но я туда не пошел, хотя отказываться от таких предложений и считалось неприличным. Немного позже отказался также возглавить отдел совершенствования методов хозяйствования в Госплане СССР (вот Саша Анчишкин, например, взялся руководить там отделом прогнозирования, но вскоре не выдержал, сбежал). А в годы перестройки, несмотря на

все уговоры («Рубен Николаевич, может быть, это наш последний шанс что-то сделать, спасти отечество»), я отверг предложение Л. И. Абалкина, бывшего в то время заместителем председателя Совета Министров Н.И. Рыжкова, стать секретарем его Комиссии по хозяйственной реформе. Вошел в нее в качестве рядового члена. Никаких за всем этим принципиальных соображений не стояло: просто я органически не выношу государственной службы с ее жесткой иерархией и невыносимой для меня ритуальностью.

Наши контакты с Олег Тимофеевичем Богомоловым после перехода его в ЦК продолжились, даже оживились. Я со своими институтскими коллегами помогал ему готовить разные материалы, часто навещался в их Отдел. И невольно так сложилось, что примкнул к группе консультантов, оппозиционно настроенной по отношению к консерваторам, в том числе Г.М. Сорокину, моему директору, к которому чисто по-человечески относился очень хорошо. Эта «предательская» позиция тяготила меня, хотя по убеждениям я всей душой был на стороне О.Т. Богомолова и его товарищей.

Летом 1966 г. О.Т. Богомолов защитил в МГИМО докторскую диссертацию о международном разделении труда, получив тем самым веские основания претендовать на директорство в нашем институте. Наверное, невозможно отделить честолюбивые помыслы молодого доктора наук от замыслов ЦК. Во всяком случае прекрасным поводом для реализации задуманного послужили события августа 1968 г. В наказание за то, что Г.М. Сорокин «проморгал» Чехословакию, вовремя не предупредив ЦК (а сами куда глядели?), он был смещен со своей должности и на его место поставлен Олег Тимофеевич. Ирония судьбы: в 60-е годы, когда страны пытались как-то реформироваться, институт возглавлял антирыночник Сорокин, а в годы застоя у руля инс-

титута встал рыночник Богомолов. Но, может быть, в этом была своя логика.

С приходом О.Т. Богомолова в институте повеяло свежестью, как после грозы. Стало намного интересней работать.

Исчезли запретные темы. Куда-то вдруг испарились и мастодонты от науки, которые неплохо чувствовали себя при Сорокине. Новый директор привел с собой нескольких молодых талантливых людей, открыл перед ними перспективы роста. Пожалуй, самый яркий пример головокружительной карьеры продемонстрировал в последние годы при поддержке О.Т. Богомолова Саша Некипелов, когда-то начинавший работу в моем отделе, в секторе теоретических проблем у С.И. Нижней. Тогда он был еще «цаголовцем». После защиты докторской был избран – по моему, кстати, совету – заместителем директора (некоторое время мы с ним работали в этом качестве рука об руку), потом директором, затем, по молодежной квоте, сразу академиком, а вскоре, тоже без промежуточных ступеней, вице-президентом РАН.

О.Т. Богомолов не боялся принимать в институт опальных специалистов, среди которых был, в частности, Отто Лацис, изгнанный из «Проблем мира и социализма» – главного журнала международного рабочего движения, расположенного в Праге. В здание этого журнала была перевезена из Бухареста, где размещалась редакция газеты «За прочный мир, за народную демократию», богатая библиотека Коминтерна, включая полный комплект журнала «Коммунистический интернационал», работы Бухарина, Каменева, Зиновьева и других видных деятелей 20-х годов. Любопытный Отто все это внимательно изучил. На основе уникальных материалов он подготовил рукопись книги, которую переслал в Москву своему другу Лену Карпинскому для ознакомления. Машинистка передала подозрительный текст

в органы. Карпинского, секретаря ЦК ВЛКСМ, исключили из партии, выгнали отовсюду, он стал подрабатывать шофером. О. Лациса не взяли назад в «Известия», он получил строгий выговор с занесением в учетную карточку (от исключения спас А.Пельше, председатель Комиссии партийного контроля ЦК, побоявшийся широкой огласки этого дела). Так Отто оказался у нас в институте, постепенно продвинувшись от старшего научного сотрудника до заведующего отделом. Выпустил две интересные монографии под моей научной редакцией, защитил докторскую диссертацию.

Он подарил мне свои воспоминания «Тщательно спланированное самоубийство», где подробнейшим образом описал всю эту давнюю историю. Мне тоже пришлось в ней немного поучаствовать в связи с процедурой снятия с Отто выговора. Валентин Николаевич Кашин – белая ворона в Отделе науки ЦК, перешедший затем на работу в Отделение экономики Академии наук – в мае 1977 г. пригласил меня, бывшего тогда секретарем партбюро, на Старую площадь, чтобы попросить составить справку о том, как Лацис проявил себя за время работы в нашем институте. Он показал мне при этом формулировку выговора двухгодичной давности, переданную ему неким Р.Е. Мельниковым из КПК: «за антипартийные взгляды, выраженные в рукописи «До тридцать седьмого», и передачу ее другому лицу». Я, разумеется, дал Отто отличную характеристику, и вскоре выговор был снят.

О.Т. Богомолов добился, чтобы в каждой социалистической стране в ранге секретаря посольства и экономиста торгпредства работали наши сотрудники. Это заметно усилило приток первичной информации в институт, давало возможность сотруднику за два-три года лучше узнать страну и отшлифовать иностранный язык, и, что тоже было немаловажным, немного попра-

вить свое материальное положение. Эти ребята бывали неоценимыми нашими помощниками, когда мы попадали в их страны. В институте при их активном участии регулярно проводились ситуационные анализы по странам.

Еще одним нововведением О.Т. Богомолова была надбавка за знание иностранного языка (немного больше – за знание двух), периодически закреплявшаяся за сотрудником после сдачи соответствующего экзамена. Неплохой был стимул.

Но ни с чем нельзя было сравнить ту творческую атмосферу, которая воцарилась в институте. Свободные (практически не скованные никакими цензурными ограничениями) дискуссии на Ученых советах стали нормой. О них заговорили за пределами института, они привлекали к нам свободомыслящих ученых не только из Москвы и других наших городов, но и из-за границы. Все это не могло не вызывать яростной реакции консерваторов, особенно из Отдела науки ЦК. Осторожный дипломат, О.Т. Богомолов умело использовал свои связи в ЦК и других высоких инстанциях, чтобы институт не утратил эти, такие необычные в те годы, завоевания. И ни разу не допустил прокола. Только однажды, воспользовавшись процедурой его развода с Инной Боголеповой, недруги из высоких инстанций сладострастно вклеили ему выговор.

О.Т. Богомолов не только создавал условия для эффективной работы коллектива, но и сам умел и любил много работать, всегда жадно стремился быть в курсе всего происходившего. Помню, например, как он каждый день приходил в институт за час до работы, чтобы заниматься с Ю. Сдобниковым, классным переводчиком, английским (в дополнение к немецкому и французскому языкам, которыми уже неплохо владел). Понимал, что без английского в наше время далеко не уедешь – и добился впечатляющих результатов. Отблагодарил своего преподавате-

ля, предложив ему интересную тему диссертации – сравнение интеграционных процессов в СЭВ и ЕЭС – и создав благоприятные условия для ее защиты и публикации.

Не буду здесь расписывать все заслуги директора – до меня это уже неплохо сделали другие. Отмечу только главное – настойчивое стремление О.Т. Богомолова вписать СЭВ, входящие в него страны, прежде всего Советский Союз, в мировое сообщество. Это всегда вызывало глубокое уважение западных коллег, которое косвенно распространялось и на нас.

В общем, наш институт преобразился. И как-то незаметно все стали говорить не об Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, а просто об Институте Богомолова. Наверное, заслуги Олега Тимофеевича не могли быть признаны более убедительно. В конце перестройки институт был переименован, потом менялись его директора, но краткое и выразительное название – Институт Богомолова за ним так и закрепилось.

О.Т. Богомолов, безусловно, герой нашего времени, яркий организатор науки. Он продолжил прогрессивный курс шестидесятников (оставшись, правда, шестидесятником и после слома социалистической системы).

С самого начала реформ наш сектор хозяйственного механизма стал посылать записки правительству и в президентскую администрацию. Особенно много мы работали с Госкомимуществом, подготовив для него в течение года несколько договорных докладов, в том числе о западном опыте становления инвестиционных фондов, акционерных обществ, рынка ценных бумаг. Начавшаяся приватизация опередила выход в свет нашей книги. Да выйди она и раньше, все равно не смогла бы ничего изменить в логике намеченных преобразований. Свои ваучеры через год мы вручили моей аспирантке,

которая перешла работать в ЧИФ «Потенциал». Там они и растворились навсегда, оставив нам на память бесполезные сертификаты.

Мы не очень этому огорчились и продолжали поддерживать реформы, хотя и с оговорками. Достаточно только взглянуть на названия некоторых моих тогдашних статей: «Наберемся терпения и не будем мешать нынешнему правительству» (Известия. 1993. 21 авг.); «Послеоктябрьская экономика: что дальше?» и «Не пора ли сместить акценты?» (Российская газета. 1993. 11 окт.; 1993. 8 дек.). Разумеется, наш сектор при этом предостерегал от смещения акцентов в сторону возвращения к прежним методам хозяйствования. Мы даже опубликовали в «Известиях» (1994. 25 марта) статью под характерным названием: «Российскому обществу грозит скорее китайское «чудо», чем польский «шок»». Хотя вполне ясного представления о том, куда же все-таки смещать акценты, мы тогда не имели.

Пытались разобраться в этом. В частности, в нашей с моей женой Людой статье «Меж двух стульев. Проблемы рыночной трансформации в России», напечатанной в «Деловом мире» от 9–15 января 1995 г. Там мы впервые публично высказали предложение о создании специального Банка капитала, эмитирующего деньги, обеспеченные акциями приватизируемых крупных предприятий. Но кому дело до научного поиска при обострении политических баталий?

И тут я не могу пройти мимо дискомфорта для меня периода, начавшегося в середине 1993 г. Мои дружеские отношения с реформаторами, публикации в печати и другие выступления вызвали неудовольствие моего директора Олега Тимофеевича Богомолова. Он фактически отстранил меня от руководства институтом (не приглашая на заседания дирекции и не давая никаких поручений), от встреч с иностранными коллегами (в годы

перестройки ко мне на встречу приходили десятки зарубежных экономистов, а теперь не подпускали никого). Ни к одной моей зарубежной командировке дирекция не имела ни малейшего отношения. Правда, О.Т. Богомоллов продолжал терпеть меня в должности своего заместителя. Только всю работу выполнял теперь за двоих другой его заместитель – Саша Некипелов. Я, со своей стороны, тоже не поддавался, пожертвовав при этом реальной возможностью стать членом-корреспондентом РАН. (Ефрем Майминас, занявший в Институте прогнозирования примерно ту же нишу, рассказал мне про шутку его директора Юры Яременко: «Ты для института – как красивая ваза на камине: не греешь, но украшаешь»).

Что мне оставалось делать в такой ситуации? Уходить из института, в котором работал со дня его основания? Мне этого не хотелось. И я стал собирать вокруг себя единомышленников внутри и вне института. В одиночку мне было бы невозможно проводить свою линию. Но, слава Богу, и тогда, и потом меня бескомпромиссно поддерживали все сотрудники сектора. Прежде всего Марина Дерябина, работающая в секторе со дня его основания, и Андрей Нестеренко, перешедший к нам в 1991 г. из Института цен и сразу же взявший мощный старт, защитив у нас в декабре 1993 г. – весьма неблагоприятный для него момент – докторскую диссертацию.

Подумав, мы разработали амбициозный план создания Международной ассоциации транзитологов (МАТ). И весьма преуспели в этом деле. Провели 5 ноября 1993 г. учредительную конференцию, затем пресс-конференцию. Я был избран президентом, Андрей Нестеренко – заместителем. В состав совета согласились войти (по алфавиту) О. Ананьин, К. Боровой, М. Домбровский, Е. Гайдар, С. Малле, А. Ослунд, Л. Пияшева, П. Филиппов, Е. Ясин. Из сотрудников нашего института –

Л. Дегтярь, М. Дерябина, С. Колчин, Л. Кондрашова, Л. Шевцова.
И наша ассоциация начала действовать.

Заседания проходили в основном в Рабочем центре реформ при Правительстве РФ. Возглавлял РЦР в то время П. Филиппов. Мы проводили, с приглашением широкого круга заинтересованных экономистов, диспуты, на одном из которых с интересным докладом выступил известный эстонский экономист М.Л. Бронштейн. В том же РЦР стали издавать свой бюллетень, печатать от имени МАТ статьи в периодической печати. Параллельно пытались зарегистрироваться в Минюсте, но тщетно: нас не регистрировали как международную ассоциацию, потому что еще не были оформлены национальные ассоциации, а национальные ассоциации не регистрировали в странах, потому что не был зарегистрирован наш МАТ. Получился замкнутый круг: обоюдного желания сторон оказалось недостаточным, чтобы пробить бюрократические препоны. (К концу 1994 г. пытались зарегистрировать новую – Российскую – ассоциацию транзитологов (РАТ). Потом опять МАТ (только уже Московскую). Но к 1995 г. хорошая в принципе идея незаметно увяла.

Тогда Андрей Нестеренко загорелся желанием сделать политическую карьеру. Но для этого нужно было примкнуть к какой-нибудь партии, чтобы выдвинуться в депутаты. Еще в конце 1992 г. мы с ним побывали на учредительном съезде Партии экономической свободы Константина Борового в Доме политпросвещения. Не понравилось. Тогда я познакомил его с Борисом Федоровым, создавшим партию «Вперед, Россия!». Там ему удалось продвинуться, даже стать руководителем ее московского отделения. 29 мая 1999 г. Андрей затащил меня в Колонный зал на Съезд Правого Дела. Была предпринята очередная попытка объединения правых сил, включая и партию Бориса Федорова. Народу со всей страны набилось столько, что не только си-

деть, но и стоять было негде. Вокруг мелькали знакомые лица. Ажиотаж был невероятный. Руководители всех правых партий уже сидели в президиуме. Ждали только Сергея Кириенко, он запаздывал. Наконец, во время произнесения кем-то одной из пламенных речей, он вдруг появился и взбежал на сцену, встреченный, к моему удивлению, шквалом аплодисментов. Впрочем, из этой инициативы, как и из всех последующих, ничего так и не вышло. И Андрей махнул рукой на политику.

В 1994 г. мы с Людой полгода провели в Швеции в качестве *visiting fellows* Института А. Ослунда. Там я прочитал в газете, что при Президенте РФ создан Экспертно-аналитический совет во главе с С.А. Филатовым (его заместителем стал С.Н. Красавченко). И в списке членов совета вдруг увидел себя. Конечно, ужасно возгордился, особенно увидев рядом со своей фамилией такие имена, как Д.Н. Волкогонов, Ю.Ф. Карякин, О.Р. Лацис, Ю.А. Левада, А.Я. Лившиц, А.Н. Яковлев и другие. Вернувшись в Москву, успел как раз к первому заседанию, которое состоялось 1 октября. ЭАС собирался очень часто в малом зале на Ильинке (Старая площадь, 1). Но темы на нем обсуждались в основном политические: Послание Президента Федеральному Собранию, проблема общественного согласия, угроза фашизма и политического экстремизма в России, Чечня, подготовка к выборам.

Наш институт тоже проводил в те годы разные конференции. Я имел отношение к немногим из них. Еще в самом начале реформ, в марте 1993 г., наш сектор организовал и провел в «Президент-отеле» российско-итальянскую конференцию «Монетарные ресурсы в развитии национальных экономик». За год до этого в институте появился нотариус из Падуи некий Л. Рицци, который во что бы то ни стало хотел установить контакты с российскими денежными кругами и считал,

что лучшим импульсом для этого должна стать конференция. И мы совместно с Институтом полиграфии и Государственным монетным двором Италии созвали ее. Получили приветствие от вице-президента РФ А. Руцкого. Сергей Красавченко огласил приветствие от возглавляемого им Комитета по вопросам экономической реформы и собственности. На конференции выступил заместитель председателя Центробанка А. Войлуков, еще какие-то важные персоны. Было много гостей из союзных республик. Рейн Отсасон сделал доклад на тему «Опыт перехода к национальной валюте в Эстонии» (он был автором введения эстонской кроны). Закатали неплохой банкет. Но бедному Рицци так и не удалось осуществить свою идею.

Другая конференция с моим участием состоялась только 11 ноября 2000 г. и была посвящена 40-летию ИМЭПИ. Наш новый директор Саша Некипелов попросил меня стать председателем комиссии по организации этой конференции, названной по подсказке Олега Тимофеевича «Глобализация и постсоциалистические страны». Я выступил с одним из докладов, которые потом были изданы отдельной книгой. Съехалось много гостей, в том числе из зарубежных стран. Преобладали выступления левого толка, что, впрочем, не было удивительным, учитывая многочисленные трудности на неизведанном пути реформ.

Подобные по характеру конференции и семинары продолжали собираться у нас и дальше. Например, в 2003 г. по странам Центральной и Восточной Европы и СНГ. По социальной политике. По аграрной политике. Я по мере сил в них участвовал. В апреле 2004 г. был проведен «круглый стол», посвященный 20-летию «перестройки». И я вспомнил другой «круглый стол», посвященный 10-летию этой даты. Его проводил сам М.С. Горбачев в своем Фонде. Я на нем тоже выступил. Сравнивая эти два выступления, могу с удовлетворением отметить, что уже

в марте 1994 г. придерживался в принципе той же точки зрения на реформы, что и сегодня — отличной не только от социал-демократической, но и либерал-демократической. Конечно, с помощью Люды мое представление намного обогатилось за счет привлечения к анализу синергетических методов. Увлеченность ими заставила ее в июне 2004 г., меньше чем через два месяца после инсульта, отправиться на конференцию по синергетике в Российскую академию государственной службы, чтобы послушать доклад основоположника этой науки Германа Хакена, выступившего, к нашему удивлению, на неплохом русском языке.

Но вот первоначальные задачи выполнены, а ситуация не улучшается. Что делать дальше? Опять, следуя правилу маятника, реанимировать авторитаризм и все связанное с ним? Или продолжать отстаивать демократические институты? Я уверен, что второе необходимо. Вопрос только в том, поможет ли это нам теперь *вне связи* с продолжением движения к либерализму. Я имею в виду не тот классический либерализм, который зародился в XVI–XVII вв. в ходе религиозных войн (когда требования религиозной терпимости переросли в требования морального равенства всех индивидов) и вызревания капитализма в недрах феодальной системы (когда высвободилась предпринимательская инициатива и появился рынок свободной конкуренции). И не нынешний неолиберализм, слитый с понятием демократии (наши правые все чаще говорят о демократии как таковой, забывая о либерализме).

Я имею в виду либерализм новый, названный нами с Людмилой синергетическим, при котором демократия необходима, но отодвинута по сравнению с ним на второй план. Не ей в перспективе определять траекторию развития — и российского, и мирового. Наша аргументация этого вывода и характеристика синергетического либерализма содержится в нашей

фундаментальной, объемом больше 30 печатных листов, монографии. Здесь не место ее разворачивать. Но сказать несколько слов хотелось бы.

В своей статье «Либерализм против тоталитаризма» («Сегодня». 1995. 21 янв.) мы с Л. Евстигнеевой впервые дали его общую характеристику, еще не назвав синергетическим. При этом отметили, что «продолжающееся по законам классического либерализма функционирование экономики не содержит в себе способов выхода из кризиса». Развернутое исследование дано нами в монографии «Экономический рост: либеральная альтернатива», выпущенной издательством «Наука» осенью 2005 г.

Примечательно, что еще до выхода в свет этой книги, только по предшествовавшим ей многочисленным публикациям в журналах, наши идеи сумел по-настоящему понять и оценить, насколько мы знаем, только один человек — белорус Анатолий Александрович Минченко. В своей книге «Великая постсоветская депрессия» (М., 2002) он целиком опирается на наши разработки о макро- и микроэкономике, о Банке капиталов (это предложение, по его мнению, «по-прежнему сохраняет актуальность, в том числе и в отношении к Республике Беларусь», с. 176).

В конце прошлого века в развитии мира, в том числе и России, стали нарастать элементы неопределенности. Дело не в том — хотя и в этом тоже — что многого мы не понимаем, потому что происходящие перемены еще не удалились от нас настолько, чтобы судить о них с достаточной беспристрастностью. Так бывало всегда в истории. Все дело в том, что уходят в прошлое те времена, те столетия истории человечества, когда события развивались линейно и общество мыслило тоже линейно. Мы вступаем в полосу нелинейного развития и нелинейного мышления. В полосу финансовой экономики, характеризующейся базовыми функциями финансового капитала, а не реального, как это было

в эпоху классического капитализма. И соответственно постепенным преодолением факторного подхода к экономическому росту и заменой его подходом, основанном на *взаимодействии* всех участвующих в этом процессе действующих лиц-индивидов, хозяйствующих субъектов, государства, глобальных структур.

Взаимодействие, а не игра на свободном рынке – вот сердцевина синергетического либерализма. В этих условиях либеральный потенциал индивида раскрывается во всех его ипостасях – этнической, социальной, духовной. Человек становится одновременно производителем, потребителем, инвестором и эмитентом. Производительный потенциал такого общества значительно сложнее факторного производительного потенциала, является по своей природе институционально-структурным. Глобализация неотвратимо меняет облик мира.

На Россию легла чудовищная нагрузка – не просто выйти из социализма и превратиться в современную рыночную экономику, но и вместе с другими, намного лучше нас подготовленными странами шагнуть в этот новый загадочный мир рыночной макроэкономики, синергетической по своему содержанию и механизмам, неустанно адаптируясь к нему. Если буквальное копирование зарубежного опыта вызывало сомнения уже в годы «перестройки» и последовавших за ней радикальных реформ, то здесь и подавно нет места чьим-то готовым рецептам и аналогиям с чьим-то опытом.

По моим наблюдениям, ни либерал-демократы, ни тем более социал-демократы к этому пока не готовы. В стане демократов – тех и других – царит растерянность. На этом фоне мы с Людой выйдем в известном смысле изгоями, далекими от социал-демократов, но так и не согласившимися полностью принять идеологию правых. С теми и другими у нас, как правило, нормальные личные отношения, но научных разногласий они,

увы, не сглаживают. «Главное – доходчиво донести до людей наши идеи» – говорил лидер СПС Никита Белых. Какие идеи? В этом весь вопрос. А нет ясной идеи – нет и воодушевления, пассионарности у населения. Думаю, что нам удалось достаточно ясно изложить свои идеи в недавней монографии «Экономика как синергетическая система» (М., 2010).

Л. Косикова

Наш Шаститко

Владимир Михайлович Шастико – по-настоящему прекрасный Человек, в самом возвышенном, чеховском понимании этого слова. Одаренный от природы яркой внешностью, высокий и стройный, с правильными чертами лица, всегда элегантно одетый, он обладал замечательной, щедрой душой. Будучи человеком глубоко порядочным и справедливым, многогранным и талантливым, артистичным и остроумным, он, как магнит, притягивал к себе самых разных людей, а общение с ним всегда обогащало и доставляло истинное удовольствие. Прекрасно разбираясь в людях, он, тем не менее, был снисходителен к их слабостям, всегда относился с большим сочувствием к чужой беде, старался понять и помочь. Поэтому его так высоко ценили как руководителя и так необычайно любили и любят его ученики и подчиненные.

Владимир Михайлович был настоящим Ученым – высоко профессиональным экспертом в своей области знаний, глубоким,

пытливым и сомневающимся исследователем. Ему абсолютно был чужд догматизм в науке, он постоянно находился в творческом поиске. В работе для него главным было – как следует разобраться в исследуемом предмете, докопаться до сути, выявить тенденции и закономерности изучаемых процессов, а уж только потом изложить свои взгляды на бумаге. Делал он это блестяще – логично, ясно, всегда чувствовалось, что за краткими формулировками стоят глубокие размышления. Получить собственный результат, хоть немного приближающий исследователя к познанию истины, разработать оригинальную методику, сделать обоснованный прогноз – вот что ему было интересно как ученому, а не любованию своими трудами, стоящими на книжной полке.

Сам он редко оставался по-настоящему доволен тем, что сделал и не слишком часто публиковал свои труды⁴. Он относился к типу аналитиков, которые не гонятся за количеством публикаций и не стремятся выдать на-гора конъюнктурное «сырье». Владимир Михайлович откровенно презирал компиляторов в академической науке, тех, кто умудряется быстренько «сляпать» свою монографию из чужих цитат, не особенно утруждая себя муками творчества. В работах по мировой экономике этим тогда особенно грешили и грешат многие. Ведь достаточно перевести на русский язык пару неизвестных зарубежных книг или статей, а потом умело их скомпоновать – и вот уже готов собственный «Трактат». Такой метод работы Владимир Михайлович метко окрестил «РЕ-КЛЕ», т.е. «резать – клеить»⁵. С присущим ему чувством юмора, он частенько подтрунивал над «творцами»

---

4. Это было связано также и с «закрытостью» многих исследовательских тем и научно-практических разработок, выполненных под руководством Шаститко В.М.

5. Оцените этот термин «докомпьютерной эпохи» молодые пользователи Word , ведь у вас в текстовом редакторе уже заложено «копировать»- «вырезать» - «вставить» !

таких произведений, цитируя популярный в 1970-е годы *монолог Аркадия Райкина: «Книжечки, книжulenьки....Все жулики!»*. Просматривая по должности годовые научные отчеты своих сотрудников и аспирантов и видя в них длинные списки публикаций, он нередко шутовливо спрашивал: «Ну, и когда Вы только успеваете *и чужое написать, и свое прочитать?»*».

Главной сферой профессиональных интересов В.М. Шаститко в течение многих лет было изучение закономерностей международного разделения труда, прежде всего, мировой торговли и расчетов, валютно-финансовых и кредитных отношений. После прихода на работу в Институт экономики мировой социалистической системы в 1969 г. В.М. Шаститко углубленно занимался исследованием этих аспектов международных экономических отношений на примере взаимных связей Советского Союза с социалистическими странами.

Первоначально В.М. Шаститко заведовал в Институте небольшим структурным подразделением – сектором товарно-денежного механизма сотрудничества. Коллектив сектора занимался анализом развития внешней торговли СССР со странами-членами Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) – региональной организации социалистических государств по экономическому сотрудничеству. Наряду с проблемами торговли сотрудники сектора изучали специфические проблемы ценообразования в рамках СЭВ и, как тогда выражались, «на мировом социалистическом рынке», хотя, конечно, никакого рынка в плановой экономике не было. Много внимания уделялось вопросам эффективности торгово-экономических связей социалистических стран, системе взаимных расчетов, кредитно-валютным проблемам.

Чтобы сегодня стало понятным, насколько непростой была исследовательская работа по данному направлению, следует в

первую очередь отметить, что все данные о внешней торговле СССР в те годы были строго засекречены. Результаты кропотливой работы коллектива под руководством В.М. Шаститко были известны лишь узкому кругу экспертов в этой области. Они почти не публиковались в открытой печати, а чаще всего выходили из Института в форме докладов и записок с научно-практическими рекомендациями для «директивных органов». Кроме того, необходимо напомнить, что в Советском Союзе до конца 1980-х годов существовала монополия государства на все виды внешней торговли. А в целом в области внешнеэкономических связей действовала твердая идеологическая установка ЦК КПСС на приоритетное развитие экономического сотрудничества с «братскими социалистическими странами». В этих жестких рамках неуспешного идеологического и государственного контроля со стороны «партии и правительства» сотрудничество СССР со странами СЭВ развивалось на практике отнюдь не в логике эффективности международной торговли, а в соответствии с существовавшими в Кремле представлениями о политической целесообразности. Внешние связи СССР с социалистическими странами с экономической точки зрения неоправданно доминировали в ущерб другим направлениям международных экономических отношений. Этот «внешнеэкономический флюс» образовался на почве военно-стратегического партнерства стран Варшавского Договора в условиях «холодной» войны и биполярного мира.

Но даже и в таких условиях чрезмерной идеологизации и политизации проблем внешнеэкономических связей СССР со странами СЭВ В.М. Шаститко всегда стремился к тому, чтобы исследования в этой области максимально объективно отражали картину сотрудничества, а результаты научных изысканий имели практическое применение и помогали принимать адекватные управленческие решения там, «наверху». На это он нацеливал

и научно-исследовательские коллективы, которыми руководил, будь то сектор внешней торговли или расширенный отдел производственной интеграции в составе ИЭМСС, временные рабочие коллективы по подготовке крупных междисциплинарных докладов. Сколько разного рода научно-практических материалов подготовил он сам и его подчиненные для Отдела ЦК КПСС (так именовался отдел, курировавший связи с соцстранами), соответствующих подразделений Госплана СССР, Постоянного Представительства СССР в СЭВ, союзных министерств и ведомств!

Как правило, это была не слишком благодарная работа: незаметная для коллег-ученых, работавших в чисто «академическом» стиле, нервная, напряженная и далеко не всегда с пониманием воспринимавшаяся «высокими» заказчиками. Но Владимир Михайлович честно относился к своим обязанностям, не старался «отписаться», во все вкладывал свой интеллект и душу. Ему принадлежат многие оригинальные идеи и разработки по проблемам экономического сотрудничества СССР с зарубежными странами.

Знания, опыт и высочайшая квалификация В.М. Шаститко оказались особенно востребованными в последние годы его жизни, когда он вместе со всем коллективом ИЭМСС на волне горбачевской «перестройки» активно включился в работу по подготовке и проведению экономических преобразований в стране, начавшихся с конца 1980-х годов. Владимир Михайлович был одним из активных разработчиков Постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР по совершенствованию внешнеэкономической деятельности в Советском Союзе, непосредственно участвовал в подготовке решений о развитии прямых связей предприятий стран СЭВ, об организации свободных экономических зон в нашей стране. Шаститко В.М. возглавлял экспертные группы, ра-

ботавшие над проблематикой перестройки деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, когда уже во весь рост встал вопрос, что делать с СЭВ – распустить или обновить? Он, в частности, отстаивал идею перехода на мировые цены во взаимной торговле, но при сохранении на определенный период расчетов между странами СЭВ в переводных рублях. К сожалению, на практике было принято решение об отказе от переводного рубля и начале расчетов в свободно конвертируемой валюте, что, как и предсказывал Шаститко В.М., привело к обвалу взаимной торговли в начале 1990-х годов и стало сильнейшим дополнительным шоком для экономик стран Восточной Европы .

Прекрасное знание практики внешнеэкономической деятельности в СССР и в рамках СЭВ очень помогало Владимиру Михайловичу в работе над теоретическими трудами, которые и сегодня перечитываются с огромным интересом, хотя, казалось бы, предмет исследования безвозвратно исчез. Достоянием экономической науки стали монографии, написанные В.М. Шаститко в соавторстве с коллегами по родному Институту и опубликованные под его редакцией: «Валютные и кредитные отношения стран СЭВ», «Международный рынок СЭВ в условиях интеграции», «Международное разделение труда в условиях НТР», «Внешняя торговля СССР со странами СЭВ». И сегодня актуальны многие положения и выводы из научных докладов, написанных в середине 70-х годов прошлого века, таких как: «Вопросы развития и совершенствования валютно-финансовых и кредитных отношений между странами СЭВ» или «Проблема структурного барьера во внешней торговле СССР со странами СЭВ». Результаты его научной работы нашли отражение в публикациях объемом свыше 300 печатных листов.

Владимир Михайлович Шаститко внес заметный вклад в разработку теоретических проблем эффективности внешней

торговли СССР и товарно-денежных отношений при социализме. Он по праву считается крупным специалистом в вопросах сущности и механизма экономической интеграции государств с плановой экономикой («социалистическая экономическая интеграция»), авторитетным ученым в сфере механизмов управления внешнеэкономической деятельностью. Как пригодились бы его знания и опыт сегодня, когда Институт, переименованный из ИЭМСС АН СССР в ИМЭПИ, а затем вошедший в состав Института экономики РАН, продолжает работу по исследованию внешних экономических связей России со странами Центральной и Восточной Европы (бывшие европейские страны СЭВ), разрабатывает предложения по сотрудничеству России со странами СНГ, занимается проблемами экономической интеграции постсоветских государств! Он, как никто другой, смог бы успешно возглавить эти направления исследований на стыке экономической науки и практики.

О Шаститко В.М. как о Руководителе следует сказать особо. Всем, кто работал под его руководством, очень не хватает Владимира Михайловича. Ведь он был не банальным «начальником», а настоящим организатором и вдохновителем научных коллективов, любимым учителем и старшим наставником, по-отечески относившимся к своим подчиненным. Начиная с 1976 г. и до последних дней своей жизни он занимал пост первого заместителя директора ИЭМСС по науке. В этом качестве он зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Под его руководством в Институте велись работы по таким крупным научно-исследовательским проектам, как «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР» (в части внешних связей), «Концепция экономического сотрудничества СССР со странами СЭВ» и другие разработки. Шаститко В.М. был способен выдвигать и всемерно поддерживать плодотворные идеи, стимули-

ровать творческий поиск, разработку как теоретических, так и практических вопросов.

Это был чуткий и отзывчивый человек, лишенный руководящей спеси и барских замашек. Он умел создавать непринужденную, искреннюю атмосферу в коллективе, сплачивать его и нацеливать на решение сложных задач. Под его руководством все работали с неослабевающим интересом к делу и с хорошим настроением. Этому в немалой степени способствовали открытые, горячие дискуссии по актуальным вопросам, в которых каждый имел право высказать свое мнение – от младшего научного сотрудника и аспиранта до заведующего отделом.

Владимир Михайлович очень внимательно относился к молодым сотрудникам, ценил способных, думающих людей, продвигал их на руководящую работу. Многие из тех, кто непосредственно с ним работал, занимают сегодня заметные посты в Российской академии наук. Вице-президентом РАН, академиком стал его любимец «Сашка» – Александр Дмитриевич Некипелов, которого Шаститко В.М. целенаправленно подготовил себе на замену еще в должности заместителя директора ИЭМСС АН СССР. Институт международных экономических и политических исследований – ИМЭПИ РАН (тот самый, бывший ИЭМСС) возглавил позже профессор, доктор экономических наук Руслан Семенович Гринберг, ставший затем членом-корреспондентом РАН, директором Института экономики РАН. В нем Шаститко В.М. в свое время разглядел талантливого ученого и «остроумного парня», услышав его выступление на каком-то семинаре по ценам. Он постарался вытащить Руслана из отраслевого НИИ, пригласив на работу к себе в сектор, чтобы здесь заниматься теоретическим изучением вопросов ценообразования.

В ИЭМСС Владимира Михайловича любили и ценили все. Он был самым настоящим неформальным лидером. В его

родном Секторе внешней торговли и расчетов, а также в Отделе производственной интеграции, который он постоянно курировал, его просто боготворили. Когда, выйдя из своего кабинета заместителя директора, он проходил по нашему четвертому этажу, творилось что-то необыкновенное. Тут же все оживлялись, собирались в кучку вокруг Шаститко В.М., старались поговорить с ним, обсудить то, что всех волновало в текущей жизни. Тут же раздавался громкий смех в ответ на его шутки.... Это незабываемо! Приход Владимира Михайловича в сектор был настоящим праздником, так тянулись к нему люди. С ним приятно было обсудить и книжные новинки, и новости культурной жизни Москвы – он всюду успевал, много читал, к его мнению прислушивались. А он не считал для себя зазорным узнать, что думают совсем молодые сотрудники, любил вместе с молодежью готовить институтские «капустники», писал иногда сценарии для новогодних вечеров.

В коллективе, которым руководил В.М. Шаститко, всегда отмечали День Победы как самый главный праздник в году, или как второй день рождения Владимира Михайловича. Накрывали праздничный стол, все приходили нарядные, в приподнятом настроении. Однажды Шаститко В.М. пришел к нам 9 мая в Институт в солдатской гимнастерке и просто поразил всех своей молоджавостью, выправкой. Он с удовольствием принимал комплименты, особенно от женщин, охотно фотографировался. А вот рассказывал о войне мало и неохотно, даже как будто стеснялся своего геройства.

Когда-то внизу, в вестибюле ИЭМСС висел специальный стенд, посвященный нашим сотрудникам–фронтовикам. На нем были помещены прекрасные фотографии и краткие биографические справки о военном периоде жизни наших замечательных ветеранов. Фотография совсем юного Шаститко В.М. тоже

украшала этот стенд. Как жаль, что его куда-то убрали в суете бесконечных ремонтов и перепланировок сдаваемых в аренду институтских помещений.

ИЭМСС глазами «невыездного»

Я оказался в ИЭМСС случайно. На своем родном философском факультете МГУ я в начале 70-х был в целевой аспирантуре от Отдела исторического материализма Института философии АН СССР. И в конце 1971 г., когда я уже обсудил диссертацию и был поставлен на защиту на апрель 1972 г. (она была посвящена определению критериев прогресса), все шло к тому, что я должен был идти на работу в Институт философии, в сектор Владислава Жановича Келля на должность младшего научного сотрудника. Я к тому времени уже успел зарекомендовать себя как борец с «догматическим марксизмом». Выпущенная под моей редакцией брошюра «Беседы о нравственности» (изд-во «Молодая гвардия», 1968) была удостоена критике аж в журнале «Коммунист» (№ 1, 1970) за «попытку пересмотра классового подхода к морали». В шестидесятнических кругах по достоинству были оценены и мои статьи в «Комсомольской правде», опубликованные под рубрикой «Семинар ведет наш корреспондент Александр

Ципко», и мои совместные с Владимиром Кокашинским и Игорем Клямкиным попытки очеловечить марксизм, реабилитировать проблему отчуждения (наша книга «Проповедь действием» вышла в 1968 г. в издательстве «Молодая гвардия»). Так что опальный в те времена Институт философии был готов принять меня в свои свободолобивые ряды. И надо сказать и вспомнить с благодарностью, что тогда, в конце 60-х, когда решалась моя судьба, многие люди, и знающие меня лично, и не знающие, сделали все возможное и невозможное, чтобы после упомянутой статьи в журнале «Коммунист» уберечь меня от «волчьего билета» и сохранить мне возможность, как тогда говорилось, работать по специальности. Настойчивое желание кураторов философии в Отделе науки ЦК КПСС – и Григория Квасова, и Николая Пилипенко – исключить меня из рядов КПСС, уволить из ЦК ВЛКСМ за то, что я ослушался их и привлек работать над программой бесед о нравственности для молодежи опальных этиков Гелу Бандзелидзе, Петра Егидеса, Виктора Шейнина, Тамару Самсонову, наткнулось и на сопротивление в отделе пропаганды ЦК КПСС и секретариате ЦК ВЛКСМ. Все окончилось компромиссом, который предложил секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Камшалов. Вместо исключения из партии – строгий выговор без занесения в учетную карточку, и только после снятия выговора – увольнение из ЦК ВЛКСМ.

Раз я взялся писать воспоминания о дорогах, приведших меня к исследовательской деятельности и работе в Академии наук, то я просто должен вспомнить о заведующем сектором политического просвещения Отдела пропаганды ЦК КПСС Михаиле Петровиче Габдулине, который убедил нового первого секретаря ЦК ВЛКСМ, растерявшегося Е. Тяжелникова (Сергей Павлов, который испытывал ко мне симпатию и принимал меня на работу в ЦК ВЛКСМ, как «хрущевец» был снят

с работы в 1968 г.) не идти на поводу Отдела науки и не сдавать меня, спасти, как он говорил, «способного и перспективного сотрудника». И не было бы в моей жизни моего, не побоюсь сказать, главного счастья – быть исследователем, возможности работать в ИЭМСС – если бы в то время «охоты за ведьмами», охоты на «отступников от марксизма», последовавших после ввода наших войск в Чехословакию в августе 1968 г., не нашлись бы люди и в аппарате ЦК ВЛКСМ, и в аппарате ЦК КПСС, которые, как могли, на свой страх и риск спасали от худшего таких штрафников, как я. Надо знать, что вслед за публичным разоблачением в июне 1969 г. в Академии общественных наук изданной под моей редакцией брошюры «Беседы о нравственности» последовал целый ряд подобных идеологических процессов: осенью того же года в той же Академии общественных наук – над книгой Юрия Левады о Парсонсе, а спустя год – над сборником статей о Ленине под редакцией М. Гефтера.

А дальше меня уже спасали мои профессора, декан философского факультета МГУ Михаил Овсянников и заведующий моей кафедрой Илья Понухава. Они на заседании деканата, вопреки сопротивлению профессора Нишана Молоджена, буквально «взяли меня на поруки», и несмотря на идеологические ошибки, «осужденные в журнале «Коммунист», несмотря на уже снятый выговор по партийной линии, перевели меня из заочной аспирантуры в очную. Кстати, об еще одной особенности нашей идеологической жизни в 60-е и 70-е, на которую никто не обратил внимание. Возможностей выйти за границы идеологических штампов, установившихся норм партийной жизни наверху, в аппарате, было куда больше, чем внизу, в низовых организациях, в частности, в учебных заведениях. Ведь на самом деле после снятия выговора меня уже никто из ЦК ВЛКСМ не выгонял. Евгений Михайлович Тяжелников за это время укре-

пился и Отдел науки с моими врагами не был ему указом. Как раз в конце 1970 г. Валерий Ганичев, в то время он был директором издательства «Молодая гвардия», предложил мне должность заместителя главного редактора. Но мой научный руководитель Галина Михайловна Андреева посоветовала мне не уходить из науки, к чему, как она говорила, у меня есть определенные способности. И тогда я принял решение уйти от судьбы аппаратчика и перешел из заочной аспирантуры в очную. И вот здесь как раз выяснилось, что вопросы, решаемые легко внутри аппарата, представляют большую сложность даже для МГУ. Сам факт критики меня за идеологические ошибки в журнале «Коммунист» воспринимался некоторыми сотрудниками моей кафедры как запрет на профессию. И не будь на моей стороне декана Михаила Овчинникова и зав. кафедрой Ильи Понухавы, я бы, наверное, привыкнув к устроенной по тем временам жизни издательского начальника лишил бы себя самого главного счастья – работать над текстом, радоваться своим публикациям.

И здесь еще одно, возникшее в ходе работы над текстом воспоминаний, наблюдение. Уже в 60-е, всего спустя десять лет после смерти Сталина, в интеллигентской среде, в журналистской, академической и даже в аппаратах ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ зародился и ширился инстинкт морального самосохранения. Конечно, в рамках возможного. Люди, облеченные властью (для нас, работников ИЭМСС, классическими примерами подобного поведения были и Олег Тимофеевич Богомолов, и Игорь Иванович Орлик, и Владимир Михайлович Шаститко – в должности секретаря институтского парткома), спасали от расправы, сохранили возможность работать по специальности многих, кто, как я, допускал или «идеологические ошибки», или расходящиеся с «линией партии» высказывания. Надо понимать, что сам замысел Олега Тимофеевича создать коллектив по

тем временам и тем возможностям свободолюбивый требовал достаточного мужества и гражданской смелости. Но это говорит о том, что рамки самой системы были подвижными, они не мешали поддерживать высокий уровень морали, людям оставаться людьми. Но надо признать, что все это стало возможно только после Хрущева, после XX съезда КПСС

Забегая вперед, могу вспомнить, как Владимир Шаститко, конечно, по поручению Олега Тимофеевича, буквально спасал от расправы сотрудника нашего отдела Виктора Киселева (он как потомок раскулаченных был куда более яростным антисоветчиком, чем я, воспитанный все же на книжном, веховском антикоммунизме), который в публичной лекции на выезде осудил ввод наших войск в Афганистан. Благодаря хитрой тактике В.М. Шаститко вся требуемая экзекуция над Виктором Киселевым ограничилась спектаклем по его осуждению на партбюро. При этом все советовали Виктору поступать, как это делает мудрый Вячеслав Иванович Дашичев, пишет все то, что говорит на лекциях Виктор Киселев, но при этом ссылается на интересы «национальной безопасности», стратегические интересы развития мировой социалистической системы и т.д. Конечно, надо понимать, что у наших фронтовиков И.И. Орлика, В.И. Дашичева, А.П. Бутенко и других были все же особые права на смелость, которыми мы, дети войны, не обладали. Если кто-то всерьез будет изучать пути и методы размягчения, а на самом деле – разрушения советской идеологии легальными, подручными средствами, пути и методы расширения дозволенного, то для него классическим примером должна стать практика нашего института, ИЭМСС. Вообще, характерное для нынешней эпохи забвение всего, что делалось, кстати, задолго до перестройки, и в большой мере в нашем богомолловском ИЭМСС для преодоления так называемого «догматического марксизма-ленинизма», все-

таки аморально. Наверное, никто, ни Олег Богомолов, ни Игорь Орлик, ни тот же Анатолий Бутенко, которого нет, не претендуют на лавры освободителей. Но все же в наше время, когда все позволено, надо помнить, что и те, кто совершал поступки, говорил языком правды, и те, кто их спасал, многим, очень многим рисковали. Мне вообще кажется, что руководящая работа в нашем Институте была подобна ходьбе по тонкому льду.

Я вспомнил о всей этой предыстории своего появления в ИЭМСС, ибо она важна, во-первых, для понимания, почему все же в роли очередного спасителя в моей жизни оказался Анатолий Павлович Бутенко, который давно ушел из истмата в научный коммунизм и который, как говорила небезызвестный «реакционер», эксперт ВАКа Елена Модржинская, выступавшая против присуждения мне кандидатской степени, «не был специалистом по теме моей диссертации».

Для тех, кто не знает жизни философов в СССР в 70-е, могу сказать, что Елена Дмитриевна Модржинская, которая действительно была одним из наиболее успешных резидентов нашей внешней разведки во время войны, на пенсии занималась в силу своих крайне догматических убеждений «отстрелом» по наводке Отдела науки ЦК КПСС (того же Пилипенко и Квасова) «неустойчивых в идеологическом отношении» коллег. Как потом выяснилось (осенью 1972 г. я все же нашел, опять-таки благодаря случаю, управу и на всемогущую Елену Дмитриевну), моя вина была не только в том, что я покушался на святое, на марксистско-ленинскую трактовку критериев прогресса как уровня производительных сил, но и в том, что я выбрал, во-первых, себе в научные руководители профессора Галину Михайловну Андрееву (кстати, она тоже фронтовик), которая раздражала Елену Дмитриевну по многим соображениям, и не только за то, что она издала первую в СССР книгу об американской социоло-

гии, а, во-вторых, моя вина была в том, что моим главным оппонентом был однокурсник Галины Михайловны, «откровенный ревизионист», противник «развернутого строительства коммунизма в СССР», как она говорила, Анатолий Бутенко. Об этом мне рассказал помощник заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Петр Иосифович Симуш, который вызвал меня в сентябре 1972 г., когда я уже работал в ИЭМСС, для беседы и, как выяснилось, принимал активное участие в моей судьбе, уговаривал Елену Дмитриевну открыть зеленый свет моему кандидатству.

Кстати, воспоминания есть воспоминания. Не могу не сказать, что в Петре Иосифовиче Симуше, я не знаю, кто он был по национальности, было все же что-то провидческое, цыганское. Когда наша беседа-знакомство подошла к концу, он подошел к окну, вдруг прищурился и сказал мне: «Не думайте, что я так просто спасаю вашу защиту. Моя задача помочь человеку, который со временем станет очень известным и нужным стране». Не знаю, в какой мере моя уже заканчивающаяся карьера как автора, сейчас публициста, оправдала надежды Петра Иосифовича. (Все-таки при всех наших стараниях и активности наша посткоммунистическая и тем более советская публицистика, общественная мысль на уровень, если не на два ниже по качеству дореволюционной.) Но за ней стоит сознание многих аппаратчиков, что система в сложившемся, унаследованном от Сталина виде не может долго существовать, что не надо ломать жизнь тем, кто имеет данные быть полезным уже в другой, иной стране. Не забывайте, и это очень важно не с личностной, а с исторической точки зрения, что тот уникальный климат доброжелательности, та высокая культура, как принято говорить «общечеловеческой морали», которая на протяжении десятилетий была характерна да и до сих пор сохранилась в нашем институте, все же закладывалась аппаратчиком Олегом Богомоловым. Она, сама эта его

цель превратить институт в общежитие способных и порядочных людей, конечно была осознанной и сказывалась на его кадровой политике. Все это говорит о том, что все же решающую роль в преодолении репрессивного характера ленинско-сталинской системы у нас в России сыграл сам партийный аппарат, что наша запоздавшая контрреволюция была произведена сверху, самими коммунистами. Кстати, многие русские мыслители в изгнании, и Николай Бердяев, и Иван Ильин, еще в конце 20-х описали сценарий перестройки, когда обуреваемый моральными чувствами лидер большевиков избавит страну от большевизма. Правда состоит в том, а я это точно знаю, об этом писал в своих воспоминаниях и Наиль Бикенин, что Горбачева подтолкнул к перестройке, к демократическим преобразованиям сам факт наличия критической массы реформистки настроенной интеллигенции, которая мечтает о переменах, как казалось Горбачеву, мечтает о «просвещенном», «демократическом» Генеральном секретаре. Не забывайте, раз речь идет об ИЭМСС АН СССР, что, когда Горбачев был секретарем по сельскому хозяйству, именно через наших сотрудников Гелия Ивановича Шмелева и Ивана Николаевича Буздадова направлялись наши записки и предложения о ходе реформ в сельском хозяйстве Восточной Европы, о преимуществах кооперации и т.д. Кстати, я еще в 1984 г. через И.Н. Буздадова, а он соответственно через помощника Голикова передал Горбачеву с дарственной надписью свою книгу «Некоторые философские аспекты теории социализма».

Но все это было потом. Хотя, честно говоря, я до сих пор не знаю, почему неизвестный мне Петр Симуш взялся пробивать в ВАКе мое кандидатство. Не будь этого очередного защитника из Отдела пропаганды ЦК КПСС я бы, наверное, еще долгое время работал в Институте в роли младшего научного сотрудника без степени.

Но сначала о боях местного значения. Мой покровитель и научный руководитель профессор Галина Михайловна была вынуждена использовать для защиты меня, своего аспиранта, от возможных неприятностей такое тяжелое оружие, как авторитет Анатолия Павловича, ибо, как выяснилось, резервы Института философии как ведущей организации были использованы, а на самом факультете не нашлось докторов, кто захотел бы поддерживать мой спорный по тем временам критерий прогресса как развитие личности. Тем более, что уже во время обсуждения диссертации стало ясно, что некоторые члены ученого Совета будут голосовать против. Галина Михайловна позвонила Анатолию Павловичу, и без всяких уговоров он, к моей радости, согласился прочитать диссертацию. И через несколько дней, как я помню, в довольно холодную погоду в конце осени 1971 г. я позвонил в квартиру Анатолия Павловича Бутенко, во дворе дома на ул. Косыгина (речь идет о Доме обуви на Ленинском), в одном из первых подъездов направо, на первом этаже. Анатолий Павлович пригласил меня в свой кабинет, его жена Марина Хевеши, близкая подруга Галины Михайловны, как я потом узнал, дочь лидера венгерских коммунистов в изгнании, принесла нам чай, и я начал отвечать на нехитрые, совсем житейские вопросы Анатолия Павловича.

Только потом, когда примерно через неделю, правда, через Галину Михайловну, я узнал, что Анатолию Павловичу диссертация понравилась, и он дал согласие быть первым оппонентом, я понял, зачем Анатолий Павлович вел со мной разговоры, имеющие мало отношения к самой теме диссертации. Все дело в том, как выяснилось всего через неделю, что Анатолий Павлович уже тогда, в первый день нашего знакомства примеривал меня на должность сотрудника своего не до конца сформированного отдела. Где-то в середине декабря, когда новогоднее настроение

уже висело в воздухе, Анатолий Павлович пригласил меня для «серьезной беседы в институт» и дал мне для связи служебный телефон. И я впервые в жизни шел от метро Профсоюзная, выход со стороны первого вагона, в сторону Новочеремушкинской улицы, тогда дома № 46, как мне объяснили, «напротив кинотеатра «Тбилиси». Поднялся на пятый этаж, на котором мне довелось провести с польским перерывом самые радостные пятнадцать лет жизни и который, как выяснилось в тот же день, на долгие годы стал моим вторым домом. Эта большая комната в левом углу на пятом этаже стала для меня не только местом работы, но и личным кабинетом. По субботам и воскресеньям я приходил сюда писать свои книги. После рождения второго ребенка в 1975 г. я уже не мог заниматься научной работой в своих двух комнатах-клетушках. У меня, как хорошо помню, было 7 метров жилой площади на человека, а чтобы встать в очередь в Академии наук на квартиру надо было иметь пять. Кроме меня по выходным дням работала на пятом этаже еще наша машинистка Ира, которая, как я помню, вообще не имела своей квартиры.

Кстати, первыми, кто мне попался на глаза в коридоре пятого этажа, была молодая, симпатичная пара, как потом выяснилось, призыв Бутенко из МГИМО – Лилия Шевцова и Валерий Зарецкий. Анатолий Павлович сразу мне предложил после защиты не идти в Институт философии, где, как он говорил, мне уготовлена судьба вечного младшего научного сотрудника до тех пор, пока я не защищу докторскую, а после защиты переходить в ИЭМСС, где, как он обещал, после присвоения кандидатской степени я получу старшего. И видит бог, я сразу, не раздумывая, принял его предложение и не только корысти ради. Не забывайте, Анатолий Павлович обладал харизмой и даром внушения. Хотя аргумент 250 рублей вместо 175 при моей, как у всех, нищей жизни с ребенком, несомненно, работал. Подкупило

еще предложение «перейти от голой теории к практике», «исследовать, как обстоит дело со строительством социализма на практике».

После моей месячной командировки в Прагу летом 1967 г. я был до конца души заражен идеями «пражской весны», и все же надеялся, что и у нас в СССР когда-нибудь тоже кончится этот бесконечный маразм. После Праги, знакомства и с Отто Шиком, и с Карелом Косиком вопросы теории социализма стали предметом моих раздумий. Сама идея построить другой социализм, демократический, не похожий на то, что было в СССР, была заманчивой. Надо понимать, что на самом деле философский факультет с его сохранившимся открытым доступом к русскому идеализму, к «Вехам» и произведениям веховцев, правда, дореволюционным, делал из тех студентов, кто все же обладал здравым смыслом, и антимарксистов, и антисоветчиков. Правда, наиболее активные антимарксисты и антисоветчики переходили на кафедру логики, лучше математической логики, и этим, как они говорили, «шарлатанством» (речь шла о марксизме-ленинизме) не занимались. А верящие, что все же социализм мог быть другим, более демократическим, будь на месте Сталина Бухарин, шли на кафедру истмата и занимались теорией отчуждения, критикой бюрократии и т.д. И здесь важно сказать, что имеет значение для будущих исследователей нашей советской эпохи, что отношение к «пражской весне», к самой идее очеловечивания «реального социализма» было той лакмусовой бумажкой, по которой в шестидесятнической среде определялась моральная благонадежность. Рискну утверждать, что, по крайней мере, в нашем бутенковском отделе все без исключения, и прежде всего сам шеф, А.П. Бутенко, Женя Амбарцумов, Лиля Шевцова, Марина Павлова-Сильванская, Витя Киселев были последователями идеи социализма с человеческим лицом. Другое дело,

что где-то до начала 1989 г. никто из нас не верил, что возможно то, что произошло в 1991 г., возможна полная и окончательная гибель социализма в СССР. Кстати, вот этого краха социализма, в отличие от меня, Л. Шевцовой, И. Клямкина, многие в Институте действительно не желали. Идеальный раскол между правыми, сторонниками реставрации капитализма, и левыми, сторонниками демократического социализма, произошел в 1990 г. Но тогда дело ускоренной декоммунизации Института взял в свои руки Олег Тимофеевич Богомолов. Хотя, и это важно вспомнить, по своей политической позиции, в своей борьбе за сохранение обновленного, демократического СССР я был ближе к тем в Институте, кто, в отличие от меня, Лилии Шевцовой, Евгения Амбарцумова, Игоря Клямкина, не вышел из КПСС. Нельзя забывать, что в 1990–1991 гг. Ельцин расколол наш бывший коллектив единомышленников. Я, как и Саша Некипелов, Руслан Гринберг, Света Глинкина, остался и эмоционально и идейно противником Ельцина. Интересно, что даже с Альбиной Стариковой, моим секретарем и добрым другом, мы разошлись в оценке Ельцина и как политика, и как личности. Хотя, если бы я принял заманчивое предложение Геннадия Бурбулиса, которое он мне сделал в начале марта 1991 г., был бы я каким-нибудь министром. Правда, при этом я уже стал бы другим человеком, что-то убил в самом себе.

Еще во время первой встречи у себя дома Анатолий Павлович подарил мне тонкую, изданную ротопринтом под грифом Института брошюру, где он делал акцент на так называемом позднем Ленине, на его «политическом завещании», настаивал, вслед за Лениным, «на пересмотре точки зрения на социализм», на реабилитации кооперации и товарно-денежных отношений. А я в свою очередь рассказывал Анатолию Павловичу о своих впечатлениях от встречи с идеологами «пражской весны», с

Отто Шиком, Карелом Косеком, братьями Махониными летом 1967 г. в Праге, где я совмещал практику в Университете с работой корреспондента «Комсомольской правды». Скажу сразу. Общей идейной платформой для меня с А.П. Бутенко, по крайней мере до начала 80-х, потом мы с ним стали почти что идейными врагами, была борьба с косолаповской концепцией развернутого строительства коммунизма, с призывами Ричарда Ивановича добиться полного обобществления средств производства. Несомненно, меня как сторонника демократических и рыночных реформ, живущего с 1967 г. идеалами социализма с человеческим лицом, подталкивал к согласию с предложением работать в ИЭМСС АН СССР, и тот идейный, человеческий комфорт, который, как я не ошибся, предложил мне Анатолий Павлович. Я уже точно не помню, когда я попал на беседу к Олегу Тимофеевичу по поводу моего возможного перехода в Институт после окончания аспирантуры. Скорее всего, это произошло уже после нового 1972 г. Из всего этого недолгого и совсем необременительного с психологической точки зрения разговора, по крайней мере для меня, складывалось впечатление, что вопрос о моем переходе в Институт уже решен. Олег Тимофеевич был в хорошем настроении, шутил и улыбался, я запомнил только заключительную фразу: «Работа в ЦК ВЛКСМ не помеха для работы в научно-исследовательском институте, я тоже многие годы отдал аппарату ЦК КПСС». И только спустя годы я понял, что стояло за этой фразой. Как я узнал позже, не все в нашем Отделе поддерживали решение Анатолия Павловича взять на работу «бывшего сотрудника ЦК ВЛКСМ». Оказывается, тогда, в конце 60-х – начале 70-х ЦК ВЛКСМ в сознании интеллигенции ассоциировался с идеологией журнала «Молодая гвардия», ассоциировался с «реакционностью», «почвенничеством» и прочими в ее глазах грехами. Я вспомнил обо всех этих шумах,

которыми сопровождался мой прием на работу в ИЭМСС, для того, чтобы напомнить, что защита моральной, духовной атмосферы, забота о том, чтобы закрыть дверь перед «склочниками», «реакционерами», «догматиками» всегда стояла на первом месте в кадровой политике Олега Тимофеевича. Конечно, спустя годы я с помощью наших «душеприказчиков» из первого управления КГБ, с помощью Константина Дубаса и Виктора Зегалю узнал, с кем мне нельзя быть откровенным во время наших бесконечных дискуссий на площадке пятого этажа. Конечно, штатные осведомители были и в нашем коллективе. Но, насколько я понимаю, Олег Тимофеевич делал все возможное, чтобы смягчить негативные последствия нашей трудно скрываемой оппозиционности. Справедливости ради скажу, что и в ЦК ВЛКСМ, где я, по словам моего шефа Валерия Ганичева, проходил за единственного в своем роде «белого специалиста», руководство разными путями спускало вниз информацию о том, с кем нельзя быть откровенным, кто является штатным осведомителем.

И здесь я перехожу ко второй, в содержательном смысле более важной причине, которая заставила меня начать рассказ о моей жизни в институте с того, что приключилось со мной раньше, с тех моих поступков, которые, с одной стороны, сформировали меня как политическую личность, но, с другой стороны, наложили существенный отпечаток на мою жизнь в институте. Дело даже не во мне. Мы сами по себе, по собственной воле делали себя такими, какими мы приходили в Институт. Никто меня не заставлял, к примеру, в далеком октябре 1965 г., на активе коммунистов Москвы (он проходил в актовом зале МГУ), где с докладом о подготовке партии к XXIII съезду КПСС выступал секретарь ЦК КПСС Петр Демичев, и где присутствовали почти все секретари ЦК, кроме Суслова, встать с места, попросить слова, пройти в момент растерянности президиума к трибуне и

подвергнуть критике главную идею доклада Петра Демичева, а именно его тезис «Сталин и партия едины». Одновременно я раскритиковал все руководство КПСС за отход от идей XX съезда КПСС. И что с этим сумасшедшим студентом, выступление которого было поддержано аплодисментами в зале, было делать? Как мне потом рассказал подвыпивший на выпускном вечере наш главный «смотрящий» от КГБ, доцент Шкуринов (он был со мной откровенен, ибо тогда, в июле 1968 г. я был уже номенклатура, инструктор ЦК ВЛКСМ), если бы не сам Демичев, который сказал, что меня не надо трогать, меня бы спровадили в психушку. И этот факт сам по себе поразителен. Петр Нилович Демичев снимает секретаря парткома МГУ Мочалова за плохую организацию актива, за весь скандал, связанный с моим выступлением (уже вечером, тогда, 26 октября 1965 г. его транслировала «Свобода»), а одновременно просит секретаря ЦК ВЛКСМ Журавлеву обратить на меня внимание. Это говорит только о том, что в душе сам Демичев был со мной, с моей антисталинской позицией согласен.

Я теперь понимаю, что Олег Тимофеевич Богомолов и его заместитель Игорь Иванович Орлик, который курировал отдел Бутенко, имели много лишних хлопот в жизни от таких, как тогда говорили, «молодых, перспективных научных сотрудников», как я, у которых уже в момент прихода в Институт висели на ногах такие тяжелые гири «неблагонадежности». И я очень благодарен и Олегу Тимофеевичу, и особенно Игорю Ивановичу Орлику, который уже с 1973 г. стал моим ангелом-хранителем и вплотную занялся и моей научной и карьерной судьбой, за то, что они делали все возможное и невозможное, чтобы я не замечал неудобства моей «невыездной» позиции. Игорь Иванович, конечно с одобрения Олега Тимофеевича Богомолова, практически на протяжении почти что пятнадцати лет, вплоть до моего

перехода в ЦК КПСС в ноябре 1986 г., делал все возможное, чтобы смягчить для меня все моральные, на самом деле серьезные духовные тяготы «невыездного», «некарьерного», т.е. того, которого нельзя выпустить на Запад, нельзя сделать завсектором и т.д. Что-то за мной, в моей анкете, которую имели перед собой работники КГБ, которые для выездных комиссий ЦК давали или добро, или отказ, было что-то такое, что было пострашнее «пятого» пункта. Об этом, наверное, мало кто знал в Институте, но я это ощущал постоянно. Подходит к тебе Боря Пугачев, который был негласным старостой и по заданию Анатолия Павловича очень многое сделал для моей моральной акклиматизации в Отделе в первые месяцы после прихода в Институт, и предлагает, к примеру, поехать в составе делегации Института в туристическую поездку в Париж. Я, конечно, «за», но говорю ему, что скорее всего меня не пустят. Боря где-то что-то узнал и никогда больше не приглашал меня в туристические поездки на Запад. Не знаю, по какой причине, но у нас в Отделе, насколько я помню, и Лиля Шевцова была выездной только в Польшу как предмет своих научных исследований.

Если бы не настойчивость и несомненный практицизм Игоря Ивановича Орлика, я бы никогда не выехал на работу в Польшу в 1978 г. на должность доцента Института философии и социологии ПАН, не стал бы единственным в своем роде обладателем степени доктора философии хабилитованного. Кстати, для меня как философа и, наверное, не только по образованию, всегда было загадкой происхождение добра, само желание сделать для другого человека нечто такое, что приносит ему добро, облегчает ему жизнь. Причем, делать это не в расчете на благодарность, на поощрение. Добро просто так. Это загадка. Кстати, пример отношения Игоря Ивановича Орлика ко мне из этого же рода трудных вопросов. Формально я как сотрудник подведомс-

твенного отдела должен был находиться в поле зрения Игоря Ивановича. Но почему он так активно включился в реализацию почти утопического проекта тогда вице-президента ПАН Яна Щепаньского официально перевести меня из ИЭМСС АН СССР в Институт философии и социологии ПАН и сделать из меня доктора через Польшу, провести меня через ВАК уже в виде пострификации диплома ПНР? Мотив добра. И больше ничего.

Правда состоит в том, и от этого никуда не уйти в воспоминаниях, что в личностном, эмоциональном отношении я как-то очень быстро сошелся с Игорем Ивановичем. В силу разницы в возрасте мы не могли стать товарищами, но открытость друг к другу, я надеюсь взаимная, существовала. Возможно, это связано с тем, что мы сформировались в одной и той же одесской культуре общения (он до войны, я после войны). Не знаю. Но если из меня вышел какой-то политолог, тем более публицист, то только потому, что Игорь Иванович, благодаря своим титаническим усилиям, подключая к своим планам в отношении меня и Петра Николаевича Федосеева, дал мне возможность более двух лет не просто поработать в Польше (работа в посольстве и работа в польском коллективе – это, как говорят у нас в Одессе, «две большие разницы»). Все дело в том, что, попадая в атмосферу свободы (в Польше в 70-е духовная жизнь и даже обществоведение были куда богаче, чем в СССР), ты находишь в себе те таланты и способности, которые в рамках советской культуры создания научных текстов просто нельзя было проявить. На самом деле я стал публицистом в Польше в конце 70-х. Мои тексты, конечно, в переводе печатались во многих и прежде всего научных журналах. И мало кто тогда в Польше знал, что пан Сурко – гражданин СССР. Но не забывайте, эта идея – превратить меня на несколько лет в поляка – как раз и принадлежала на правах

соавторства со Щипаньским Игорю Ивановичу Орлику. И не могу не сказать, что я оправдал доверие Института. Уже с начала 1979 г. я стал равноправным членом наиболее престижных семинаров Польской Академии наук.

Конечно, если судить с точки зрения национальных интересов, тогда – с точки зрения государственных интересов СССР, то настойчивое желание превратить меня в специалиста по польской проблематике, ввести меня в польскую научную среду, в польскую интеллектуальную элиту, тем более она сама открыла двери перед моей персоной, было оправдано. Но будем откровенны. Кто тогда в СССР в 70-е, а тем более в начале 80-х в кадровой политике на самом деле руководствовался национальными интересами? Вопрос носит во многом риторический характер. По крайней мере очевидно, что СССР терял силу, разрыхлялся во многом потому, что многие, от кого зависела судьба их отрасли, в отличие от руководителей нашего ИЭМСС, руководствовались только и исключительно страхом потерять свою должность. В Польше я пытался по просьбе нашего Константина Никитича Дубаса (наверное, он тоже как представитель внешней разведки в нашем институте приложил усилия, чтобы все же меня выпустили на работу в «логово ревизионизма», в Польшу) во время начавшихся событий «Солидарности» в августе 1980 г. помочь работникам КГБ, прибывшим сюда в пожарном порядке, разбираться в новой, «внештатной» ситуации. Я им не только несколько раз читал лекции о причинах и ходе кризиса 1980 г. (конечно, как я их понимал), но и предлагал установить контакты с теми деятелями «Солидарности», ее идеологами, которые были готовы обсуждать с ними, для того, «чтобы избежать худшего, то есть сценария 1968 года» (Стефан Братковски), границы «претензий оппозиции». Но в ответ всегда я слышал одну и ту же фразу: «Саша, ты сумасшедший, ты свободный художник,

завтра уедешь из Польши, а если мы начнем на свой страх и риск сотрудничать с «Солидарностью», а тем более с «подставными лицами», то нашей службе в органах хана».

Вот так работали наши службы, которые решали, что нам, сотрудникам Института, можно, а что нельзя, что полезно для государства, а что нет. Идеологический подход даже у умных из них замораживал мозги. Никто из них и мысли не мог допустить, что научный сотрудник, видящий и даже говорящий вслух о слабостях и даже пороках нашего «передового общественного строя», мог одновременно не меньше их быть преданным стране и не помышлять ни о каком бегстве за рубеж. Будем откровенны. Была абсолютным идиотизмом со всех сторон рекомендация КГБ не выпускать меня, консультанта ЦК КПСС, в Бразилию уже осенью 1988 г. Не могу не вспомнить! Виктор Матвеевич Зегаль, наследник и преемник Дубаса на посту руководителя отдела международных связей, предпринимал много попыток командировать меня в запрещенный для меня Запад. Кстати, в Бразилию я все же выехал, без решения выездной комиссии ЦК, а по прихоти руководителя консульского отдела МИДа, колоритного грузина, фамилию его я не помню, который в пятницу поздно вечером, когда вместо пропавшего, а как выяснилось, не существующего по моему решению, поставил мне в паспорт выездную визу на основе моего удостоверения работника ЦК КПСС. Но это уже была перестройка.

Но надо быть справедливым. Все эти грузы идеологических доносов, которые висели на ногах многих работников нашего Института (Коля Шмелев, зять Хрущева, тоже много лет был невыездным), собирали не только работники КГБ, кроме тех случаев, когда они были вынуждены это делать по долгу службы.

Относительно недавно, лет пять назад, ко мне на Ильинке подошел мужчина лет шестидесяти, скорее всего мой ровесник,

и представился. «Не удивляйтесь, я полковник КГБ в отставке Никифоров, был вынужден в силу характера своей работы на протяжении многих лет изучать ваше дело и прежде всего поступающие на вас доносы как на антисоветчика». Самое интересное, рассказывал мне остановивший меня прохожий, что Горбачев взял вас в ЦК как раз в тот момент, когда вы были переведены «в оперативную разработку» (такие слова почему-то запоминаются). Так вот, мой биограф по линии КГБ рассказал, что в моей объемистой папке 16 или 17 доносов, с серьезным анализом моих антисоветских и антимарксистских взглядов, в том числе и от Елены Модржинской, о чем я знал без него. Но самое главное, мой невольный биограф, несомненно питающий личный интерес к моей персоне, добавил, что все эти объемные доносы по собственной инициативе или по заданию инстанций писали мои коллеги-философы, причем многие – по зову сердца. Система, наверное, и умирала постепенно, по мере того как все меньше и меньше становилось членов КПСС, готовых писать доносы на своих коллег.

И здесь у меня как автора этих заметок возникает вопрос к самому себе. Почему я, спустя уже десятилетия, когда взялся за перо и погрузился в свою память, вытащил из нее только то, что связано с моими казалось бы канувшими в прошлое страхами, комплексами невыездного и т.д. Ведь в самой нашей институтской жизни было много прекрасного и вне всякой политики. Ведь здесь, на этажах Новочеремушкинской, 46, прошли лучшие годы, часы нашей молодости, когда мы влюблялись, с восторгом ожидали очередного празднования Нового года, когда мы просто общались. Чего только стоит сам ритуал похода на обед в ресторан «Новые Черемушки», где всего на рубль мы удовлетворяли свои скромные потребности в хлебе насущном! А сколько радости и счастья мне дали ежегодные поездки в Польшу в составе деле-

гации, которую формировал тот же Игорь Иванович Орлик, и с которыми было связано много невинных приключений. Помню, как Игорь Иванович где-то в 1974 г. или 1975 г. потерял меня в Костеле, в Кракове, куда нас повели на экскурсию, и где меня слово за слово вытянула на улицу пухленькая полячка Данута и долго водила меня по закоулкам старого Кракова. Когда я пришел в гостиницу, Игорь Иванович не ругал меня за то, что я без спроса покинул делегацию, но иронизировал, что я не проявил себя как подобает мужчине и не продолжил знакомство с Данутой.

Радости и комфорт нашей институтской жизни складывались из доброты многих людей. Конечно, Татьяна Снегирева была уникальным в своей доброте и интеллигентности человеком. Именно она, Татьяна Снегирева, многое сделала для преодоления моей советской образованщины, давала мне читать Солженицына «В круге первом», потом дала мне на несколько дней «Котлован» Платонова. Какие муки адские испытала Нина Бобкова, расшифровывая мои бесконечные рукописи. На протяжении более двадцати лет Нина Бобкова была единственным человеком, который делал, другого слова не найдешь, мои рукописи читаемым текстом. Видит бог, Люба Венкина всегда притягивала меня не только как женщина, но и как умный собеседник. Но что-то в наших отношениях так и не срослось. А жаль. Но дороги назад, в молодость, нет.

Чем я становлюсь старше, тем человеческое, бытовое уходит на задний план, а на первый выходят бои за то, что я считал правдой. Память у меня до сих пор идеологизирована, ибо надо признаться самим себе, что и мы, и наш Институт в целом, даже если мы это не осознавали, был нацелен на то, что мы называли «реформированием реального социализма». Ведь будем откровенны. Мы не просто изучали ситуацию в странах Восточной

Европы. Мы всегда и в своих записках, и в своих статьях, выступлениях активно поддерживали в жизни, в экономике, прежде всего стран Восточный Европы, то, чего не было у нас и не могло быть в силу нашего жесткого догматизма. Я не могу вспомнить уже о чем, к примеру, я говорил во время наших долгих, продолжающихся на протяжении многих лет, разговоров с Евгением Аршаковичем Амбарцумовым, которого я действительно воспринимал как старшего товарища, но объект критики у нас был всегда один – «маразм нашей родной системы».

Конечно, у нас, у руководства нашего Института есть все основания сказать, что именно мы были идеологическим штабом перестройки, что авторы, играющие основную роль в формировании духовного климата конца 80-х, родом отсюда, из ИЭМСС. Речь о Николае Шмелеве, Игоре Клямкине, Отто Лацисе, Геннадии Лисичкине, и, наверное, об авторе этих заметок. Все-таки мои четыре статьи, опубликованные в конце 88-го и начале 89-го годов в журнале «Наука и жизнь», разошедшиеся миллионными тиражами, тоже сделали свое дело в разрушении системы.

Но спустя годы надо честно признать, что те, кто писали на нас доносы, кто видел в нас и «ревизионистов», и «противников существующего строя», были правы. На самом деле мы не развивали науку о социализме и социалистическом строительстве, а поддерживали в СССР те идеи, которые ускоряли гибель созданной Лениным и Сталиным системы. Были правы со своей догматической точки зрения и те участники судилища над моей книгой «Некоторые философские аспекты теории социализма» (Наука, 1983), – она вышла под грифом Института – которые утверждали, к примеру, нынешний правозащитник Азуан, что автор хочет не реформ, а реставрации капитализма.

Конечно, тогда, в апреле 1984 г., когда Цаголов на своем семинаре политэкономии социализма в МГУ намеревался дать

последний и окончательный бой «реставрации капитализма» Ципко, организованный Олегом Тимофеевичем штаб по спасению идеологической репутации Института сработал блестяще. На Ученом совете мы сумели дать отпор разгромной рецензии на книгу, подготовленной опять-таки по заданию Григория Квасова и Николая Пилипенко директором Института социологии М.Н. Руткевичем. Кстати, на само обсуждение моей книги на экономическом факультете МГУ (оно продолжалось два дня) Олег Тимофеевич меня не пустил. И правильно сделал. Он знал, что у меня не совсем хорошо обстоит дело с сердцем. На этом идеологическом процессе защитниками «права на творческий марксизм» были Боря Пугачев, Отто Лацис, Геннадий Лисичкин. Кстати, уже позже первый секретарь Черемушкинского райкома КПСС (фамилию я забыл) рассказывал, что сам Зимянин через голову Гришина требовал от него, чтобы по результатам обсуждения меня исключили из КПСС. Но тогда все понимали, что речь идет не столько об идеологической репутации Института, который выпустил в свет идейно порочную книгу с прямой критикой главного редактора «Коммуниста» Р.И. Косолапова, сколько о стремлении нанести урон П.Н. Федосееву и освободить место для того же Косолапова. А у Косолапова даже тогда, во времена Черненко, кишка была тонка.

Идея демократического социализма, основанная на идеях Маркса и Ленина, о чем мечтал до конца жизни Анатолий Павлович Бутенко, была утопией. И поэтому, если посмотреть на то, что мы, активные, пишущие сотрудники ИЭМСС АН СССР, сделали, то надо признать, что мы, иногда сами того не осознавая, решили задачи опоздавшей на семьдесят лет контрреволюции. И совсем не случайно все наши идеи, в том числе и моя идея перехода от классовой к общечеловеческой морали, общая для всех нас идея строительства кооперативного социализ-

ма, укрепления позиции кооперативной собственности, которые легли в основу идеологии перестройки, при своем воплощении в жизнь подрывали устои сложившегося производства, готовили почву для прихода к власти революционеров навыворот, типа Е. Гайдара. И, кстати, этого не надо стесняться, не надо стесняться того, что Институту Богомолова, всему нашему коллективу пришлось вольно или невольно сыграть роль могильщиков реального социализма. Как теперь выясняется, во всех наших институтских, иногда совсем будничных спорах, наших поступках всегда был второй, действительно всемирно-исторический план. Через нас, через наши жизни, книги, статьи русская история решала свои собственные задачи.

М. Тригубенко

Вьетнамская Сага

Как все начиналось? До Вьетнама, окончив МГУ, 20 лет я трудилась на ниве изучения Северной и Южной Кореи, попала в «культурную» революцию в августе 1966 г. в Китае и на похороны Ким Ир Сена в Пхеньяне. Но, получив должность заведующего отделом социалистических стран Азии и Кубы в ИЭМСС, мне пришлось расширить географию научных исследований до Кубы, Монголии, Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Надо сказать, что в Отделе в 70-е и 80-е годы работало много талантливых исследователей – российских востоковедов, из числа которых вышли впоследствии известные ученые, всемирно признанные авторитеты: В.Я. Портяков, В.В. Михеев, Г.Д. Толорая, крупные государственные деятели-дипломаты – первый заместитель министра иностранных дел РФ А.И. Денисов и ряд других. Они стояли у истоков изучения формирования нового общества в странах Восточной Азии и смело отстаивали и развивали свою позицию и научные взгляды, которые не всегда совпадали с «партийными

установками» ЦК КПСС, но дали возможность завоевать уважение и поддержку среди ученых стран Азии и Кубы.

Из объемного архива моих воспоминаний я вынула те, которые относятся к первым годам пребывания во Вьетнаме в силу того, что сразу после войны я одна из первых посетила Юг страны, а затем в годы борьбы двух сил: за традиционный путь социализма или за его существенную трансформацию среди вьетнамских руководителей и ученых я стала участницей диспутов, находясь в ежегодных командировках во Вьетнаме. Не буду называть имена «победителей» и «побежденных» среди вьетнамского руководства и ученых, изложу только главное. Личный и коллективный (в рамках сотрудничества ученых Отдела ИЭМСС) вклад в развитие теории трансформационных процессов во Вьетнаме, стратегию развития, которая воплотилась в государственную программу СРВ «Дой Мой» (обновления), утвержденную 6-м партсъездом в 1986 г.

В начале 1976 г. по приглашению руководства Комитета общественных наук ДРВ мне и Яше Пивоварову удалось вылететь в Сайгон, где в это время начался процесс над диверсионной группой, готовившей государственный переворот, чтобы не допустить государственного воссоединения ДРВ с Южным Вьетнамом. Летел с нами в трофейном американском военном Боинге генерал, министр внутренних дел. В небе бушевал грозовой фронт (над Данангом разбился самолет) и генерал грозил расстрелять руководство Ханойского аэропорта, если не будет разрешен вылет немедленно. Поэтому мы полетели в грозу, но все обошлось благополучно.

Сайгон встретил охраной автоматчиков на джипе, которая сопровождала нас всю поездку в Южном Вьетнаме. Мы, прибывшие из города полнейшего дефицита, обалдели от роскоши сайгонских супермаркетов, а Яша жадно набросился на книж-

ные развалы. На юг уже были командированы некоторые ученые из Ханоя, и один из них, Ле Минь Нгок, впоследствии ставший в Ханое «красным капиталистом», как прозвали его на Западе, член КПВ, один из самых крупных вьетнамских бизнесменов. Ле Минь Нгок и другие ученые с Севера, наши попутчики, умело составили программу, в которой я особо отмечу посещение завода Панасоник, чьим владельцем был японец. Это было образцовое предприятие с японскими традициями и конвейерным производством, а также с заводским транспортом, спорткомплексом и комплексом лабораторий для повышения квалификации работников предприятия. Продукция завода Панасоник пользовалась спросом на мировом рынке, но хозяин удивлялся, почему городские власти не пускают его на выставки-ярмарки ноу-хау за рубежом, и просил меня «посодействовать».

Через год на Панасоник пришел новый директор – «красный командир» с Севера. Бывший хозяин сбежал, стало грустно... До меня Сайгон после освобождения посетила, как говорили вьетнамцы, только советская военная делегация и посол СССР Б.Н. Чаплин, поэтому можно было ожидать враждебного отношения со стороны сайгонцев, но этого не случилось. По дороге в курортный район Вунгтау, где еще работали ночные клубы, вьетнамки внимательно меня осматривали, даже трогали и говорили, что лянсо зе хот – т.е. в вольном переводе – русская хорошая.

Но самое удивительное случилось в сайгонской опере, где блистала несравненная Тхань Нга (позднее она была застрелена вместе с мужем на пороге своего дома за отказ эмигрировать за границу). После пятичасового спектакля, где меня и Яшу за спиной бдительно охраняли с автоматами вьетнамцы, организаторы, вручив мне букет, предложили подняться на сцену и поблагодарить Тхань Нга за чудесное пение. Зал замер, но когда я расцеловалась и обняла Тхань Нга, зал бешено зааплодировал и

яростно засвистел, видимо, одобряя мою искренность и доброжелательность к южанам. Это, как говорили потом сопровождающие, разбило лед недоверия к русским: они такие же, как мы. За скобками скажу, что такие же слова я слышала от южных корейцев, посещая Южную Корею: дескать, несмотря на помощь, американцев они не любят, так как те относятся к корейцам, как к людям «второго сорта», а русские – совсем другие.

Но вернемся к послевоенному Сайгону. Вьетнамцы в Сайгоне передали мне американское ТЭО и карты геологоразведки на нефть в южновьетнамском шельфе, которые были закончены американскими компаниями накануне падения Сайгона. Я сразу же после возвращения бросилась в ЦК КПСС, предлагая начать сотрудничество с Вьетнамом по разведке и добыче нефти и газа. Но партийные товарищи остались равнодушными к моим предложениям, и я через Илью Ивановича Семенова, ответственного работника Госплана СССР, передала ТЭО и карты и, кстати, предложения вьетнамцев начать сотрудничество с СССР по нефти и газу председателю Госплана Н. Байбакову. Он, крупный советский нефтяник, сразу же начал продвигать это направление советско-вьетнамского сотрудничества, но прошло целых 4 года, прежде чем заработало знаменитое советско-вьетнамское предприятие «Вьетсовпетро», кстати, освоив геологические месторождения нефти, отмеченные в американском докладе за 1974 г.

Вьетнамские ученые и руководители стали проявлять повышенный интерес к сотрудничеству именно с ИЭМСС АН СССР, особенно после приглашения директора, академика Олега Тимофеевича Богомолова приехать и обменяться мнениями. Приехали самые влиятельные: министр, руководители Госплана и ряда ведомств. К сожалению, строгий запрет со стороны пресловутой и чрезвычайно вредной с позиции гласности организации – цензора «Главлита» не позволил опубликовать

результаты этой первой ласточки нового мышления российской и вьетнамской науки, которые во многом совпадали.

ИЭМСС АН СССР и вьетнамские руководители высокого ранга и крупные ученые начали после первой встречи очень важный диалог, который касался сотрудничества СССР и Вьетнама в районах советского Дальнего Востока.

Начало диалога было положено в Хабаровске, где с 13 по 15 сентября 1980 г. состоялся советско-вьетнамский научный симпозиум, председателем оргкомитета которого стал О.Т. Богомолов. На симпозиуме с конкретными предложениями выступили ученые дальневосточных НИИ, ИЭМСС, ответственные работники министерства внешней торговли, управления морского транспорта, других ведомств. Вьетнам прислал на хабаровский симпозиум мэров Ханоя, Хайфона, Хошимина, министров, членов ЦК КПВ. Значение Хабаровского форума и перспективы регионального сотрудничества озвучил академик, председатель президиума ДВНЦ АН СССР Н.А. Шило. Его конкретные предложения, высказанные почти 30 лет назад, не потеряли своей актуальности и сейчас. Но это доказывает еще одно направление упущенных возможностей – одной из самых главных для заполнения возникшего вакуума в отношениях России с Вьетнамом. Поэтому я привожу полностью Заключительное слово Н.А. Шило на симпозиуме⁶:

«Хочу высказать свое отношение к некоторым обсуждавшимся здесь проблемам. Трехдневная работа советско-вьетнамского научного симпозиума выявила проблемы с двух позиций: с позиций общегосударственного и регионального значения. И

---

6. См.: Участие районов советского Дальнего Востока в развитии торгово-экономических связей Советского Союза с Социалистической Республикой Вьетнам: материалы советско-вьетнамского научного симпозиума, г. Хабаровск, 13-15 окт. 1980 г. М.: ИЭМСС АН СССР, 1981. С. 195-197.

первые, и вторые должны найти отражение в соответствующих документах: региональных и государственных. Предложения советской и вьетнамской сторон, высказанные на симпозиуме, помогут в разработке перспектив развития дальневосточного региона Советского Союза, поэтому симпозиум собрался очень кстати. Только что в Госплане СССР мы получили поручение до 1983 г. подготовить план развития производительных сил дальневосточных районов Советского Союза на период до 2000 г., в т.ч. на 11 и 12 пятилетки. Выполнить такую работу без того, что здесь намечалось и о чем говорилось, было бы трудно. Нужно учитывать наши взаимные действия в развитии экономики Вьетнама и Советского Союза. Должны быть четко выявлены основные позиции советско-вьетнамского сотрудничества: промышленное сотрудничество, сельскохозяйственный комплекс, торговля, транспорт, наука, культура (туризм), подготовка кадров. Эти позиции имеют региональный и общегосударственный характер. Поэтому важны данные, которые мы получили на симпозиуме. Они уже заложены в соответствующих документах. Хотелось бы, чтобы и вьетнамская сторона проработала в своих планах роль связей с дальневосточными регионами СССР. Это наметит единство действий, так необходимых нам. Позвольте отметить важность некоторых вопросов, обсуждавшихся на этом симпозиуме. Поскольку он научный, то и проблемы обсуждались через призму науки.

Первое – это геология. Олово, бокситы, разработка шельфа с нефтеносными и газоносными запасами, биологические ресурсы моря. Эти проблемы имеют общегосударственное значение. Развитие данного направления советско-вьетнамского сотрудничества, несомненно, потребует огромных капиталовложений, но с другой стороны, детальная разработка проблемы позволит избежать излишних затрат.

Второе – исследование морских ресурсов, вылов рыбы, морепродуктов, исследование моря как естественной среды. В мире сейчас сложилось следующее соотношение по улову рыбы и других морепродуктов по трем основным бассейнам: в Тихоокеанском бассейне вылавливается 36 млн т рыбы, Индийском океане – 27 млн т, в Атлантике – 2,6 млн т. Поэтому вопросы исследования богатств морей, их разработки и добычи морепродуктов имеют не только общегосударственное, но и мировое значение. Из всех проблем этого блока выделяется проблема лососей и китовых пород рыб.

В блоке «сельскохозяйственный комплекс» важных два вопроса: первое – это борьба с вредителями сельскохозяйственных растений и вирусами. Для Дальнего Востока это чрезвычайно важная проблема. Где удастся избавиться от сельскохозяйственных вредителей и вирусов, там урожайность, например картофеля, возрастает в 1,5–2 раза. Второе – это увеличение производства удобрений. Проблема удобрений у нас также стоит на первом месте. Задача геологов – разработать специальные программы, которые бы расширили возможности по изысканию дополнительных ресурсов для производства удобрений.

И последний вопрос – это вопрос о трудовых ресурсах. Здесь у нас и у Вьетнама наметились разные тенденции. Дальний Восток развивается при недостатке трудовых ресурсов, СРВ – при избытке трудовых ресурсов. Надо сказать, что это самая сложная проблема, с которой когда-либо сталкивалось человечество.

Вопросы трудовых ресурсов должны найти отражение в научной программе ДВНЦ, которую мы должны разработать до 1983 г.

Выражаю глубокую благодарность организаторам симпозиума, прежде всего члену-корреспонденту АН СССР О.Т.

Богомолу – председателю Оргкомитета по проведению этой встречи, главе вьетнамской делегации – профессору Чан Фьонгу.

Я надеюсь, что товарищи сделают все, чтобы предложения, высказанные на симпозиуме, нашли отражение в наших документах».

Все эти проблемы актуальны и сейчас.

Спустя 2 года, 26–28 ноября 1982 г. в Хошимине состоялся второй советско-вьетнамский симпозиум на ту же тему. Пикантность ситуации состояла в том, что я как организатор, не «заглавлитила» тексты, вывезенные за рубеж, как в те годы полагалось, поэтому они звучали так, как этого хотели дальневосточники, без купюр.

Советскую делегацию, возглавляемую председателем Президиума ДВНЦ АН СССР, академиком Шило Н.А., представляли научные работники ИЭИ ДВНЦ, ИЭМСС, работники Госплана РСФСР, руководители Приморского, Хабаровского крайисполкомов, Амурского, Камчатского и Сахалинского облисполкомов.

Вьетнамскую делегацию возглавлял председатель Комитета общественных наук СРВ, директор Института экономики, профессор Дао Ван Тап. С вьетнамской стороны в симпозиуме принимали участие ученые Института экономики, отдела мировой экономики, Института общественных наук при КОН СРВ, руководящие работники ГКЭС, Госплана, Министерства внешней торговли, Министерства труда, Министерства легкой промышленности, Главного туристического управления, Главного управления по профессиональному образованию, Главного управления по морскому транспорту, Генеральной экспортно-импортной компании по овощам и фруктам при Министерстве внешней торговли, руководители народных комитетов городов Ханоя,

Хошимина и Хайфона, а также провинций Хайхынг, Виньфу, Куангнам-Дананг, Фукхань, Тьензянг, Хаузянг, Миньхай, Кьензянг.

В работе симпозиума участвовали: член ЦК КПВ, заместитель председателя Совета Министров СРВ Чан Куинь, главный экономический советник при Совете Министров СРВ Гвоздев В.А., представители Госплана СССР, Министерства морского флота СССР, Посольства и Торгпредства СССР в СРВ, Генеральные консулы СССР в городах Хошимине, Хайфоне, Дананге, особом районе Вунгтау-Кондао. Работа симпозиума освещалась в центральной вьетнамской печати⁷.

Симпозиум заслушал 27 докладов, в которых отмечалось значительное расширение и укрепление научно-технических, торгово-экономических и дружественных связей между обеими странами. Возрастающее всестороннее сотрудничество между СССР и СРВ способствует развитию экономики и занятости населения Вьетнама, увеличению его экспортных возможностей и поставок в СССР товаров в соответствии с заключенными соглашениями.

Отмечалось, что торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество между дальневосточными районами Советского Союза и Вьетнамом имеет большие возможности. Районы Дальнего Востока располагают значительными природными ресурсами и промышленным потенциалом. Однако быстрые темпы развития народного хозяйства в этом регионе сдерживаются трудностями в производстве сельскохозяйственной продукции (овощи, фрукты и др.) вследствие суровых кли-

---

7. Так, орган ЦК КПВ газета «Нян Зан» в информации за 25, 27 ноября и 10 декабря 1982 г. освещала работу советско-вьетнамского симпозиума, подчеркивая важность инициатив, проявленных советской и вьетнамской сторонами в деле углубления советско-вьетнамского сотрудничества.

матических условий. Кроме того, требуется увеличение выпуска отдельных видов промышленных товаров массового спроса, расширение базы туризма и отдыха.

В докладах советских ученых и представителей дальневосточных краев и областей высказывалась заинтересованность в расширении закупок во Вьетнаме овощей и фруктов (в свежем, консервированном или сушеном виде), особенно в зимний период, специй, а также сои, других технических культур. Вместе с тем решение этой проблемы затрагивает целый ряд вопросов, связанных с заготовкой, транспортировкой и хранением экспортной продукции, поэтому нужны дополнительные крупные капиталовложения, транспортные средства. Целесообразно создание специальной экспортно-импортной фирмы по производству и экспорту овощей и фруктов из СРВ в дальневосточные районы Советского Союза. Требуется составление долгосрочной целевой программы сотрудничества по овощам и фруктам.

В докладах высказывались предложения о возможности налаживания обоюдовыгодных экономических связей по линии прибрежной торговли, в частности, поставок во Вьетнам некоторых видов продовольствия, в том числе рыбопродуктов в соленом, охлажденном или мороженном виде и в консервах и промышленных потребительских товаров: тарной дощечки, бумаги, пиломатериалов, товаров хозяйственно-бытового назначения, тканей, белья, верхней одежды, товаров длительного пользования (холодильников, мопедов). А с предприятий Вьетнама – сельскохозяйственной продукции, отдельных видов товаров кустарных промыслов.

Отмечалось, что заслуживают внимания и дальнейшей проработки вопросы технологической и трудовой кооперации. Назывались области производственной кооперации и, прежде всего, мебельное производство. Дальневосточные районы заин-

тересованы в закупках ценных пород древесины для нужд мебельной промышленности. Возможно изготовление деревянной тары, строганного шпона, паркета, мебельных заготовок на предприятиях Вьетнама с поставкой в дальневосточные районы. При этом производство отдельных видов продукции может быть налажено на давальческой основе. Эффективен импорт плетеной мебели из СРВ.

В машиностроении одной из форм производственной кооперации может быть изготовление на предприятиях СРВ комплектующих узлов и деталей с последующей их поставкой для монтажа на предприятия Хабаровского края, Амурской области и других дальневосточных районов.

Представляет интерес налаживание производственной кооперации между СРВ и дальневосточными районами в развитии вьетнамской легкой и кустарной промышленности с использованием давальческого сырья и по заказам дальневосточных районов.

Во всех выступлениях советской делегации высказывалась заинтересованность в организации туризма в СРВ, использовании стационарных домов отдыха и санаториев на берегу моря. Транспортная проблема тесно примыкает к перечисленным формам и также предполагает совместное решение. Дальнейшее совершенствование процесса транспортного обслуживания грузопотока импорта из СРВ, особенно плодоовощей, должно предусматривать укрупнение и стандартизацию тары с целью исключения сплошной перевалки груза. Докладчики отмечали, что имеющийся рефрижераторный тоннаж в состоянии обеспечить экспортно-импортные операции при условии повышения технологической дисциплины, проведения ряда мероприятий организационного характера, перевозки плодоовощей из СРВ рефрижераторными судами с обработкой по варианту «суд-

но-вагон» (прямой вариант) у специализированного причала (складской вариант) или в рефрижераторных контейнерах судами-контейнеровозами.

Еще в копилку Вьетнамской Саги надо внести диспуты о зарождении вьетнамского НЭПа, которые происходили между М. Тригубенко, Н. Макаровым, Е. Богатовой, С. Малыгиным и вьетнамскими коллегами. Теория вьетнамского НЭПа воплотилась в наших докладах еще до 6-го, «поворотного» съезда КПВ 1986 г. Они, в силу указанных выше действующих условий «секретности», к сожалению, не могли быть опубликованы⁸. В широком потоке открытых публикаций на советском книжном рынке по Вьетнаму нельзя было найти правдивой информации, анализа причин кризиса в экономике и голода в стране, которая сейчас кормит себя и является вторым по объему поставщиком риса на мировой рынок. Скрывался провал экономической политики на Юге, причины ухода западных спонсоров и массовой эмиграции лучших кадров с Юга за границу. Может поэтому член президиума ЦК, секретарь ЦК Лигачев, весьма знающий ситуацию в СССР, но абсолютно дезинформированный по Вьетнаму, попросил помощи ИЭМСС, собираясь в качестве главы делегации КПСС на 6-й съезд КПВ в 1986 г.

Создалась пикантная ситуация, когда свежие, подготовленные нашими вьетнамистами так называемые «секретные» материалы по СРВ не имели еще соответствующего грифа, но со спецкурьером они срочно были доставлены в аппарат Е. Лигачева. О, что это были за дни «по вызову»! Для консуль-

---

8. Среди неопубликованного и хранившегося в Спецхране, надо упомянуть сборники и доклады: Актуальные проблемы социально-экономического развития Вьетнама и новая экономическая политика КПВ. 1981; Теоретические проблемы перехода к социализму неевропейских социалистических стран. 1985; Некоторые вопросы экономической стратегии социалистических стран Азии и Кубы. 1983; Продовольственная проблема в ряде неевропейских стран социализма. 1982.

таций и разъяснений по прочитанному в здании ЦК на Старой площади на «Волге» с мигалкой и посещением (как будто бы при коммунизме) бесплатного спецбуфета. Но не это главное, а то, что после возвращения из Вьетнама Е. Лигачев собрал свой экономический генералитет и в присущей ему грубоватой манере распекал за незнание того, что происходит во Вьетнаме. Это был 1986 г., и Е. Лигачев верно уловил перемены, которые по примеру Вьетнама, должны были произойти и у нас. На совещании Е. Лигачев поблагодарил О.Т. Богомолова за наш труд. Это была, пожалуй, самая главная оценка, как теперь говорят, «практической значимости», полезности нашего научного труда.

Научное сотрудничество с Вьетнамом между тем продолжалось: в разные годы выходили совместные с Комитетом общественных наук (ныне получившего новое название – Вьетнамской академии общественных наук) монографии: Социалистическая Республика Вьетнам. М., 1982; Проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. М., 1989; Народнохозяйственный комплекс СРВ. М., 1989. Вьетнам на пути строительства социализма. М., 1979. В страновых сериях были опубликованы: Демократическая Республика Вьетнам. М., 1975; Социалистическая Республика Вьетнам. М., 1985. Статьи на вьетнамском языке печатались во Вьетнаме, перепечатывались в США и Германии.

Еще об одной Вьетнамской Саге хотелось бы упомянуть: это работа Временного научного коллектива по странам Индокитая, сформированного из числа ученых и руководящих деятелей Вьетнама, Лаоса и Кампучии по инициативе энергичного директора Института мировой экономики Комитета общественных наук СРВ Во Дай Льюка. Кстати, большого друга и соратника ИЭМСС, много сделавшего для поднятия авторитета нашего Института во Вьетнаме.

Из нашего отдела во Временный научный комитет вошли все специалисты по СРВ, Лаосу, Кампучии, а также «корейцы», но уже перековавшийся к тому времени в глобалиста В.В. Михеева, ныне член-корреспондент РАН.

Состоялись три встречи в Москве и попеременно в Лаосе, Кампучии и во Вьетнаме, изданы сборники: Агропромышленная сфера стран Индокитая. 1986; Страны Индокитая (СРВ, ЛНДР, НРК): проблемы сотрудничества и развития. М., 1987. Работа Временного научного коллектива по странам Индокитая стимулировалась материально в плане организаций командировок со стороны правительства Лаоса, Кампучии, Вьетнама, но не стороны Президиума АН СССР и была постепенно свернута, но выводы нашли отражение в практических рекомендациях для правительств стран Индокитая. Совместный труд ученых – Концепция сотрудничества стран Индокитая на период до 2000 г. была опубликована в немецком журнале *Entwicklungs – Politik*, 10/90 Mai.

В заключение своего повествования о Вьетнаме хочу добавить, что 20 августа 1986 г. я была награждена Орденом Трудового Красного Знамени, а 15 февраля 1988 г. Госсовет СРВ наградила меня Орденом Дружбы (№ 21). В наградном листе было сказано: «За активную творческую работу и деятельность в поддержку вьетнамского народа в деле строительства социализма и защиты родины».

Я рассматриваю эти высокие награды не только как оценку моего личного труда советским и вьетнамским правительством, а как итоги совместного творчества талантливых российских вьетнамистов – ученых Е.Р. Богатовой, Н.А. Макарова, С.А. Малыгина, работавших долгие годы в Отделе социалистических стран Азии и Кубы ИЭМСС, в соавторстве с которыми создавалась научная концепция трансформационных про-

цессов во Вьетнаме, интеграции индокитайских стран и вклада Советского Союза в послевоенное восстановление и развитие Социалистической Республики Вьетнам.

Е. Богатова

Воспоминания об ИЭМСС

Все 80-е годы прошли в моей жизни в тесной связи с Институтом. Я пришла в него сразу после окончания экономического факультета МГУ – сначала в аспирантуру, а потом на работу в отдел стран Азии и Кубы.

Сколько лет уже прошло с конца 70-х – начала 80-х годов, когда я училась на экономфаке МГУ, но до сих пор я очень ясно помню бесконечные семинары и спецсеминары по политэкономии социализма, когда в наши еще не окрепшие умы упорно вкладывались формулировки о том, что исходным производственным отношением социализма является планомерность, а основным – общественная собственность на средства производства. Все вопросы студентов типа: «А почему же у нас такие очереди, всего не хватает, если исходное отношение – планомерность?» пресекались преподавателями сразу: « Не рассуждайте как обыватели, думайте с научной точки зрения!» Радовало одно: мы, студенты отделения экономики зарубежных стран, имели боль-

шую роскошь – окунуться в изучение языков других стран, их экономики, культуры, реально «пощупать» живую жизнь. Мое направление было еще более «особым». В тот год, когда я поступала, на факультете сделали эксперимент и набрали небольшую группу с углубленным изучением вьетнамского языка, Вьетнама – страны, с которой в то время у Советского Союза были развитые отношения во всех сферах. Вьетнам уже с начала 80-х годов вслед за Китаем стал постепенно внедрять экономические эксперименты, перерастающие в реформы, в перевод хозяйства на рыночные рельсы. С точки зрения «научного» социализма такие реформы были подрывом основ, но с учетом дружеских отношений между нашими странами признавались приемлемыми в рамках так называемой «восточной» специфики.

И вот с этим настроением – с одной стороны, радости, что не надо развивать и углублять тезисы об исходном и основном производственных отношениях социализма (чем занялись некоторые мои однокурсники), а с другой стороны, живого интереса к другой стране, к другому опыту, – я и пришла в ИЭМСС. Институт уже тогда имел репутацию своего рода «диссидента» в академических кругах. Реформы развивались в разных странах, входивших в мировую социалистическую систему, их ходом живо интересовалось высшее руководство Советского Союза, записки и аналитические доклады ложились на самые высокие столы в стране, а исследователи, занимавшиеся данной проблематикой, невольно приобретали вкус к использованию в своих работах и выступлениях ругательных на тот период слов – частный сектор, многоукладность, наемный труд и т.п.

Конечно, не все каналы для изучения живой практики других стран были тогда открыты, система проникала везде. Мои коллеги-мужчины имели возможность работать в посольствах и торгпредствах стран, которыми они занимались. Высокий

статус Института и его уровень позволял посылать своих сотрудников на такую работу. Для женщин этот путь, за редким исключением, был закрыт. Однако были возможности периодических поездок по линии так называемого безвалютного эквивалентного обмена, в рамках которого сотрудники Института ездили в другие страны, а сотрудники родственных научных институтов из других стран приезжали в командировки к нам. Приезжая в страну на 10-14 дней, мы вместе с коллегами из принимающего института Комитета Общественных наук Вьетнама могли изучать, как устроена экономическая и социальная жизнь различных провинций этой страны, а также соседних Лаоса и Камбоджи, подробно обсуждать различные вопросы не только с учеными, но и с высокопоставленными сотрудниками Госплана и других регулирующих экономику этих стран органов. Это оказалось исключительно ценный опыт, который потом мне помог налаживать продуктивные отношения с людьми разных культур, национальностей, профессий, характеров, не робеть перед авторитетами и высокопоставленными персонами.

Я вообще считаю, что нам, относительно молодым в тот период сотрудникам, повезло. 80-е годы стали периодом постоянного нарастания интереса к страновым исследованиям, к обобщению опыта развития и реформ в странах, считавшихся братскими. Именно тогда, на мой взгляд, подпитываемые живым опытом наиболее ярко раскрылись лидеры научной мысли, работавшие в Институте, которых потом стали называть «проорабами перестройки». Они сыграли важную роль в том, что во второй половине 80-х годов в нашей стране все большему количеству руководителей и обычных людей стала понятна бесперспективность прежней модели развития.

90-е годы стали очень непростым этапом для Академии наук в целом. Для Института тем более – не только резко сокра-

тилось финансирование, но и исчез сам предмет – мировая социалистическая система. Конечно, страны никуда не делись, но резкое сокращение связей с ними неизбежно повлекло за собой и снижение интереса к их изучению. Я искренне восхищаюсь теми учеными, кто и в эти непростые времена нашел возможности для продолжения своей работы, адаптировался к полностью изменившимся условиям. Многие тем не менее ушли, занялись другими делами. Важно другое – и те, кто ушли, и те, кто остался, не затерялись в этой новой жизни, так или иначе нашли свое место, многие преуспели. Кто-то успешно занялся бизнесом, не связанным с прежней работой, кто-то преуспел в деловых связях со странами, которыми занимался в «прежней» жизни, целый ряд талантливых исследователей стал докторами наук, профессорами, член-корреспондентами, академиками. Крупные современные организаторы научного процесса в Академии наук сейчас – это бывшие сотрудники ИЭМСС.

Все эти факты лишней раз подтверждают, что Институт дал всем то, что так необходимо в жизни – свободу мышления, практический подход к различным ситуациям и умение применять эффективные методы исследования и изложения к различным предметам, с которыми нас сталкивает жизнь и работа.

А. Саморукова

Наука и дипломатия

Мне хочется напомнить об одной из специфических сторон деятельности ИЭМСС – активном участии сотрудников Института в работе советских дипломатических и торговых представительств в странах социалистического содружества.

В конце 1963 г., после защиты кандидатской диссертации по Румынии в Университете им. А.И. Куза (г. Яссы) я пришла на работу в сектор социалистических стран Европы ИЭМСС АН ССР. Коллектив страноведов во главе с фронтовиком Н.Д. Столыпиным, которого мы называли «папа Столпов», только начал формироваться, осваивая новое поле исследований. Была особая атмосфера взаимопонимания и помощи, которая позволяла сотрудникам быстро повышать отдачу. В секторе работали В. Шабунина (Болгария), Н. Чудакова (Польша), Ю. Фирсова (Албания), Ю. Сурков (Чехословакия), Н. Иров (Венгрия), Н. Фейт (Румыния) и др.

В 1969 г. ИЭМСС возглавил О.Т. Богомолов, и произошла радикальная трансформация не только структуры Института, но и стратегии научно-исследовательской работы. Страновики разошлись по «национальным квартирам», был создан сектор Румынии, в котором, кроме автора, долгие годы трудились Н. Фейт, Р. Шароватова, Е. Июдина, Н. Довженко; позднее коллектив румыноведов пополнился (М. Мунтян, А. и Н. Горленко, А. Белов, В. Виноградов).

Особую роль в расширении горизонта международного научного сотрудничества сыграл И.И. Орлик, который с 1969 г. совмещал работу заместителя директора Института и заведующего румынским сектором. Обладая незаурядным организаторским даром, умением убеждать сотрудников браться за все более сложные задачи, И.И. Орлик уже в 1970 г. провел первый совместный советско-румынский коллоквиум по проблемам двустороннего сотрудничества, положившего начало системе периодических «круглых» столов, проводившихся учеными Института и социалистических стран.

В 1970-е годы у Института, благодаря решению ЦК КПСС, появилась возможность отправлять сотрудников в командировки в советские Посольства и Торгпредства в странах-членах СЭВ. Мне посчастливилось работать в должности Первого секретаря в Посольстве СССР в Бухаресте дважды – в 1971–1973 гг. и 1985–1992 гг. Как показала жизнь, сотрудники Института пользовались особым уважением в дипломатических коллективах, пройдя с достоинством проверку на профессионализм. С определенными трудностями пришлось сталкиваться в развитии широких контактов с румынской научной общественностью. Сказывалась специфика внутриполитической жизни в Румынии, которая, хотя и являлась членом СЭВ, занимала весьма специфическую позицию по основным проблемам сотрудни-

чества. В стране процветал культ личности генсека РКП и президента Н. Чаушеску. Общественная жизнь жестко контролировалась, что создавало барьеры при личном общении. Однако бренд «представителя института Богомолова» вызывал доверие и уважение при встречах в научной среде, в различных официальных учреждениях.

Само осознание того, что ты являешься представителем ИЭМСС, заставляло работать очень напряженно. В Румынии в те годы сложилась разветвленная система научно-исследовательских институтов в области экономики, и моя основная задача состояла в том, чтобы за официальной картиной благополучия увидеть и понять реальные процессы, которые развивались в стране. Удалось наладить доверительное сотрудничество с институтом национальной экономики, где трудились такие известные ученые, как Г. Заман, М. Чумара, К. Григореску, Н. Белли, Г. Добре, К. Руссу и другие. Особые отношения сложились с Институтом мировой экономики и его директором академиком К. Мурджеску. Среди сотрудников института были профессионалы самого высокого уровня, ставшие после декабрьской революции 1989 г. во главе новых государственных структур (М. Исэреску, Е. Дижмереску, М. Тоадер, Т. Постолаке).

Регулярный обмен делегациями советских и румынских ученых, проводившиеся либо в Москве, либо в Бухаресте симпозиумы по широкому кругу проблем позволяли держать руку на пульсе жизни наших стран.

Все, кто работал представителями ИЭМСС за рубежом, с особым чувством ответственности ждали ежегодных отчетов перед родным коллективом. Эти отчеты становились заметным событием не только для нас, но и большого круга специалистов, связанных по роду своей деятельности с социалистическим сотрудничеством. Зал на пятом этаже Института на

Новочеремушкинской улице заполняли работники ЦК КПСС, министерств, ведомств, прессы. После наших докладов на пленарных заседаниях мы расходились по секторам, где подвергались очередному «допросу с пристрастием».

О высокой оценке работы сотрудников ИЭМСС за рубежом свидетельствует перевод некоторых из них на работу в МИД СССР. В 1996–1997 гг. уже МИД РФ пригласил и меня на так называемую «вахту» в Посольство в Бухаресте.

Время изменило многое. Нет СССР, СЭВа; ИЭМСС трансформировался в ИМЭПИ, а затем был объединен с Институтом экономики, но хорошие семена научного сотрудничества нашего коллектива, заложенные в те далекие годы, дали хорошие всходы. Возродились контакты российских «страноведов» с учеными бывших соцстран, и научное сотрудничество уверенно набирает силу.

В. Дашичев

Дела международные

В 1970 г. в моей жизни обозначилась очень важная веха. После 17 лет работы сначала в редакции журнала «Военная мысль», а затем «Военно-исторического журнала», входившими в состав Военно-научного управления Генерального штаба, я был уволен в отставку. Поводом для этого послужило мое выступление на обсуждении книги А.М. Некрича «Июнь 1941 года», организованном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1967 г. В этом выступлении я подверг критике крупные ошибки Сталина, приведшие к тяжелым поражениям в начальный период Великой Отечественной войны.

В то время консервативная реакция сторонников возврата к сталинским временам была доведена до абсурдной крайности. Вот почему меня отправили в отставку.

С таким грузом отрицательных эмоций и с большими надеждами я, вслед за также пострадавшим полковником В.М. Кулишом, пришел в Институт мировой экономики и междуна-

родных отношений АН СССР. Директор института академик Н.Н. Иноземцев – надо отдать ему должное – не побоялся принять на работу «опальных полковников».

Но в ИМЭМО я проработал недолго. Через два года наступила новая перемена в моей жизни. Осенью 1971 г. мне довелось выступить с докладом о состоянии европейской безопасности на международной конференции в Бухаресте. В ней участвовали директор Института экономики мировой социалистической системы АН О.Т. Богомолов и его заместитель И. И. Орлик. Там состоялось мое знакомство с этими двумя учеными, сыгравшими большую роль в моей дальнейшей жизни. Им понравилось мое выступление. И вскоре мне было сделано предложение сформировать и возглавить в рамках ИЭМСС сектор внешнеполитических проблем. Предложение было очень заманчивым. Как ни тяжело мне было расставаться с Институтом Н.Н. Иноземцева, я согласился перейти в ИЭМСС.

Так, в начале 1972 г. я стал членом замечательного научного коллектива, возглавляемого О. Т. Богомоловым. В нём господствовала здоровая атмосфера творческого горения, научной добросовестности и ответственности, высокой нравственности и взаимоуважения. С тех пор, как я вступил в этот коллектив, можно подвести некоторый итог почти сорока плодотворным годам работы в нём.

Приступив к формированию нового внешнеполитического сектора, я постарался укомплектовать его главным образом из молодых ученых-выпускников МГУ и других вузов со знанием языков отдельных социалистических стран Восточной Европы, поскольку в поле зрения сектора были страны СЭВ и ОВД. В первый состав сектора вошли А. Липский, А. Мурадян, Л. Абаева, В. Шиятов, Э. Глушкова, С. Кулешов, А. Язькова. Чтобы овладеть методологией исследования внешнеполитических проблем,

я проводил в секторе почти еженедельно анализы по конкретным ситуациям, складывавшимся на международной арене. На них каждый давал свою оценку важнейшим событиям с точки зрения национальных интересов Советского Союза и предлагал свои рекомендации в отношении того, как на них должна реагировать наша внешняя политика. Эти ситуационные анализы явились особенно для молодых сотрудников прекрасной школой овладения политологическим мастерством. Многие из них стали авторами многочисленных научных докладов института. Кроме того, они занимались и подготовкой аналитических записок, направляемых Институтом в руководящие советские органы – в ЦК КПСС, правительственные инстанции, особенно в МИД, а также в СЭВ. Впоследствии некоторые из сотрудников, уйдя из Института, проявили себя на другом поприще, так или иначе связанном с политикой. А. Липский, например, уже многие годы является заместителем главного редактора «Новой газеты»

Вначале сектор внешнеполитических проблем находился в составе Отдела общих проблем мирового социализма, который возглавлял А. Бутенко. Это был человек необыкновенной творческой энергии, громадной работоспособности и глубоких знаний теории социализма. Его жизнерадостности мог позавидовать каждый. Работать с ним было приятно и поучительно. Он совмещал в себе приверженность социалистическим идеалам с новаторским, критическим, без идеологической зашоренности, подходом к оценке нашего прошлого и к решению наболевших проблем социалистического развития. Его многочисленные философские статьи с критикой отживших теоретических и идеологических догм вызывали в наших научных и политических кругах большой, хотя и неоднозначный резонанс. Для заскоружлых догматиков его взгляды были неприемлемы.

В 1975 г. сектор внешнеполитических проблем был преобразован в Отдел международных отношений, руководство которым было поручено мне. Он состоял из четырех секторов: 1) Общих проблем международных отношений; 2) Внешней политики стран социализма; 3) Экономических и научно-технических отношений с развитыми капиталистическими странами; 4) Экономических отношений с развивающимися странами. Первый сектор был возглавлен мною, во главе остальных стояли видные ученые, доктора наук и профессора И. Орлик, А. Быков и Л. Зевин. Отдел насчитывал около 40 сотрудников. Среди них были ведущие исследователи института Н. Шмелев, А. Вахрамеев, В. Караваев, А. Куприянов, М. Стрепетова, А. Альтшулер и др. Структура отдела позволяла проводить комплексное исследование актуальных проблем внешней политики и экономических отношений стран СЭВ и ОВД как с внешним миром, так и внутри этих международных организаций. Что касается социалистических стран Азии и Кубы, то этой проблематикой занимался отдел, возглавляемый М. Тригубенко. Большим подспорьем для проведения наших исследований служили информационные сообщения представителей института при советских посольствах и торгпредствах в социалистических странах. Они позволяли составить более полную картину тех или иных аспектов внутренней и внешней политики этих стран.

Одна из приоритетных задач отдела состояла в том, чтобы углубленно заняться проблемами войны и мира и поисками путей смягчения, а, возможно, и устранения конфронтации между двумя мировыми системами, между США и СССР. Ведь эта конфронтация, тем более в ядерный век, могла привести к гибели человеческой цивилизации. В двух берлинских и в кубинском кризисах мир висел буквально на волоске. Вот почему я считал исследование этих вопросов приоритетной задачей. К этому

времени у меня уже сложились определенные представления, в силу каких причин возникают мировые войны. Я пришел к выводу, что именно политика господства неизменно служила в XX веке главным фактором деформации системы международных отношений. Она накладывала неизгладимый отпечаток на развитие мира в целом и отдельных народов, определяла «дух времени» и выступала в качестве носителя самых деструктивных и разрушительных явлений в сфере международной политики. В итоге человечество испытало на себе ужасы двух «горячих» и одной «холодной» войны. Стремление к господству на мировой арене было обусловлено различными причинами и принимало всевозможные обличья – ярко выраженную империалистическую, мессианско-идеологическую, националистическую, экономическую, финансово-олигархическую – или же выступало под видом сочетания отдельных этих форм. В XX веке возник «перпетуум мобиле» политики господства, переходившей от одной державы к другой.

И советское руководство болело идеей мессианской экспансии и натолкнулось в конце 70-х годов на резкое усиление противодействия объединенных сил западных держав во главе с США. Доктрину сдерживания Советского Союза, возникшую вскоре после Второй мировой войны в ответ на стремление Сталина расширить социалистическую систему советского образца повсюду в мире, сменила доктрина отбрасывания коммунизма. Стремление Москвы к идеологически-мессианскому господству вызывало отпор не только в капиталистическом мире, но и среди социалистических стран.

Было важно в исследованиях отдела разъяснить глубокую ошибочность политики мессианской экспансии, наносившей колоссальный ущерб нашим национальным интересам и даже делу социализма. Эту политику я стал воспринимать как одну из при-

чин «холодной войны», гонки вооружений, раскола Европы, как непосильное политическое, экономическое и моральное бремя для Советского Союза. Было ясно, что в результате этой политики Советский Союз оказался втянутым в изнурительную, бесперспективную и совершенно ненужную борьбу на истощение со всеми западными державами, борьбу, отвлекавшую ресурсы и энергию страны от решения куда более важных задач внутреннего развития.

Всё говорило о том, что надо кончать, пока не поздно, с мессианской политикой советского руководства. В развитие этого вывода отдел подготовил значительное количество аналитических записок, направленных руководству. Однако вместо того, чтобы смягчить напряженность в отношениях с Западом, оно пошло в конце 70-х годов на их обострение. Этому способствовали советское наступление на позиции Запада в «третьем мире», вторжение советских войск в Афганистан, а также размещение советских ракет среднего радиуса действия СС-20 в странах Восточной Европы. В качестве примера нашей оценки этих неразумных шагов советского руководства, их влияния на международную ситуацию и на положение стран социалистического содружества можно привести аналитическую записку отдела «Некоторые соображения о внешнеполитических итогах 70-х годов». Она была отправлена директором Института 15 января 1980 г. в ЦК КПСС. В ней весьма критично были рассмотрены основные направления нашей внешней политики в минувшее десятилетие. Особенно война в Афганистане, начатая в конце декабря 1979 г.

Впоследствии мне стало известно, что и наш Генеральный штаб придерживался примерно такой же позиции и возражал против ввода советских войск в Афганистан.

Приоритетным направлением исследований отдела являлись также вопросы демократизации и гармонизации взаимоот-

ношений между социалистическими странами. Советский гегемонизм очень отрицательно воспринимался как руководством, так и общественностью социалистических стран. В Китае он натолкнулся на активное противодействие. Помню, мы подготовили аналитическую записку для Л. И. Брежнева о необходимости кардинального улучшения отношений с КНР на социалистических принципах равноправия, взаимного уважения, взаимопомощи и тесного сотрудничества. О.Т. Богомолов предложил направить её наверх совместно с директором Института США и Канады Г. Арбатовым, к мнению которого Л. Брежнев очень прислушивался. Я передал записку Георгию Аркадьевичу с просьбой подписать её вместе с О. Богомоловым. Ознакомившись с ней, он сказал, что, зная уmonoстроение Л. Брежнева, она вызовет у него только раздражение и рассчитывать на то, что он одобрительно воспримет её, не приходится. Это важная записка, нацеленная на нормализацию отношений с КНР, так и не была отправлена.

Очень много внимания отдел уделял вопросам развития социалистической интеграции и совершенствования экономического сотрудничества в рамках СЭВ. Эта международная экономическая организация возникла по инициативе Советского Союза в январе 1949 г. Как известно, цели и структура, характер функционирования СЭВ очень мало изменились со времен его создания в эру Сталина вплоть до распада в 1991 г. Со временем практика экономического сотрудничества между входившими в него странами вступила в противоречие с требованиями их экономического развития и экономического роста, а также многостороннего сотрудничества. Кроме того, эта практика отнюдь не способствовала их экономическому и политическому сплочению. Особенно нетерпимым такое положение вещей стало после 1985 г., когда в Советском Союзе начались экономичес-

кие и политические реформы. Они требовали новых подходов к повышению эффективности экономического сотрудничества стран СЭВ.

Система крайне жестко централизованного государственного планирования и управления, которая была введена во всех государствах-членах СЭВ по советскому образцу, оказалась серьезным препятствием для их экономической интеграции. Основным методом экономического сотрудничества в рамках СЭВ стало макроэкономическое согласование и координация государственных планов стран-участниц. На микроэкономическом уровне – в сфере прямых деловых контактов и кооперации между предприятиями – сотрудничество вообще не функционировало. Оно было приговорено к полной пассивности – как впрочем внутри любой отдельно взятой социалистической страны. Так называемая социалистическая интеграция носила искусственный, навязанный «сверху» характер. Она не могла привести к сплочению и взаимной приспособленности национальных экономик отдельных стран.

Помимо этого, данный механизм серьезно мешал экономическому прогрессу в странах-участницах. Они, как впрочем и Советский Союз, ощущали себя в этой сверх централизованной системе как в прокрустовом ложе. Для создания условий для реальной интеграции в рамках СЭВ надо было серьезно реформировать государственную систему. Однако для советских руководителей это было вопросом власти. Решиться на такое было трудно.

На протяжении почти 30 лет отделу приходилось сталкиваться с этими изъянами в советской политике в отношении её детища – СЭВ. В наших аналитических записках в адрес ЦК и постоянного представителя СССР в СЭВ еще в конце 1970-х и начале 1980-х гг. неоднократно указывалось на необходимость

устранения этих недостатков. В одной из них от 27 апреля 1982 г., подготовленной к очередной встрече глав стран-членов СЭВ, были изложены мысли и предложения по реформированию этой организации. В ней констатировалось: «Наиболее яркой отличительной чертой экономических отношений между социалистическими странами по-прежнему является то, что они регулируются исключительно на уровне высшего государственного руководства, то есть представляют собой «вертикальные связи». Это обусловлено одинаковой системой жесткой централизации политического и экономического управления в каждой из этих стран... В настоящее время подобная практика не отвечает потребностям как внутреннего, в особенности экономического развития социалистических стран, так и их взаимного сотрудничества и взаимодействия... Жесткому централизму присуще стремление к изолированности, автаркии, национальной замкнутости и монополизации. Но любая монополия ведет к загниванию»⁹.

Отсюда следовал вывод: в экономике каждой страны и во всем СЭВ необходимо создать условия для развития «горизонтальных отношений» непосредственно между предприятиями и экономическими организациями, т. е. для интеграции снизу. «В этом должен заключаться, – писал я в очередной из записок в августе 1982 г. – очевидный смысл экономических и социально-политических реформ в социалистических странах. Их осуществление будет иметь определяющее значение для углубления всестороннего сотрудничества..... При формировании сотрудничества между социалистическими государствами на основе вертикальных связей эти условия либо отсутствуют полностью, либо они играют незначительную роль»¹⁰.

---

9. Предложения к встрече глав государств-членов СЭВ. С. 1. Из моего личного архива.

10. Там же. С. 2.

Осенью 1981 г. по просьбе постоянного представителя СССР в СЭВ Николая Талызина отделом была подготовлена аналитическая записка на тему «О дальнейшем развитии отношений с Европейским Сообществом». Она была отослана 7 сентября 1981 г. Договор с Европейским Сообществом всё еще отсутствовал. И перспективы его заключения выглядели из-за позиции советского руководства весьма мрачно. Поэтому в аналитической записке предлагалось выбрать окольный путь для постепенного установления официальных отношений между двумя европейскими международными организациями.

В январе 1973 г. отдел международных отношений провел в Институте совещание с участием специалистов из Академии Наук, Министерства внешней торговли и Института по исследованию конъюнктуры – в общей сложности около 30 специалистов – для обсуждения проблемы отношений между СЭВ и ЕЭС. Участники получили анкету, в которой они могли тайным голосованием, без указания своих имен, изложить в письменной форме свое мнение по данному вопросу. Им нужно было ответить на 15 вопросов, среди них были такие: «Какие плюсы и минусы даст установление договорных отношений между ЕЭС и СЭВ а) для Советского Союза, б) для прочих стран-участниц СЭВ?»; «Как это отразится на деятельности СЭВ?»; «Вы за установление договорных отношений между двумя организациями?»

Результаты тайного опроса были поразительными. 80 процентов участников высказались за признание ЕЭС и за установление договорных отношений с ним. В ЦК был представлен отчет об этом совещании. Несколько дней спустя меня вызвали на разговор в отдел социалистических стран ЦК КПСС. У меня была продолжительная беседа с Владимиром Седовым, который курировал СЭВ. Отдел в своих исследованиях постарался обосновать необходимость признания ЕЭС и установить с ним

договорные отношения. Вне всякого сомнения, результаты совещания не остались без последствий. В марте 1973 г. секретарь Исполнительного Комитета СЭВ Н. Фадеев впервые вылетел в Брюссель, чтобы начать переговоры с ЕЭС. Казалось, достигнут прорыв. Однако переговоры протекали в течение нескольких лет черепашими темпами и не имели успеха.

Конечно, надо было учитывать, что ЕЭС находилось уже тогда под огромным влиянием правящих кругов США, и лидеры этой группировки сами преследовали цель ослабления и дезинтеграции СЭВ. Главный руководящий орган ЕЭС – Комиссия ЕЭС – стремился монополизировать решение вопросов сотрудничества с социалистическими странами, минуя Секретариат СЭВ, т. е. по линии Комиссия ЕЭС – каждая отдельно взятая страна. Противоядием этому могло служить только функциональное усиление сотрудничества внутри СЭВ.

Лишь в середине 1980-х годов изменились условия для воплощения в жизнь новых идей по реформированию СЭВ и по улучшению отношений между двумя европейскими интеграционными группировками. Большую роль сыграла в этом встреча на высшем уровне глав государств-членов СЭВ, прошедшая в Москве в 1986 г. «Начался серьезный разговор, – писал М. Горбачев, – причем не в аудитории Института экономики мировой социалистической системы и даже не на сессии СЭВ, а на встрече высших хранителей власти»¹¹. Замысел реформы заключался в следующем. Двусторонние экономические отношения должны реализовываться на «трех уровнях». На высшем межгосударственном уровне главы государств принимают решения об основных стратегических направлениях экономических отношений в СЭВ в соответствии с изменениями междуна-

---

11. Горбачев М. Жизнь и реформы. Часть 2. М., 1995. С. 315 - 316.

родной экономической ситуации и мировой конъюнктуры. На среднем уровне министерства и прочие центральные органы стран-участниц составляют конкретные программы и проекты и создают правовые, административные, финансовые и прочие рамочные условия для экономических отношений между предприятиями и экономическими объединениями. На решающем по своему значению третьем базовом уровне развиваются прямые деловые отношения между субъектами национальных экономик – предприятиями – и заключаются договоры между ними. Но было не легко сломать привычную практику в бюрократическом аппарате. Догматические политические представления препятствовали проведению реформ. Экономическая децентрализация рассматривалась как подрыв политической власти.

Поэтому было крайне необходимым основательно обсудить важнейшие аспекты реформирования СЭВ. Удобным органом для такого обсуждения послужил Научно-Консультационный Совет при Управлении социалистических стран МИД, созданный в марте 1987 г. Как председатель этого Совета, я поставил в повестку дня его первого же заседания рассмотрение этого вопроса. Оно состоялось 19 мая 1987 г. Для участия в нём были приглашены представители Госплана, Министерства внешней торговли, Советского представительства в СЭВ и прочих государственных органов. Им были представлены развернутые тезисы моего дискуссионного доклада на тему: «Соображения по вопросам совершенствования экономического механизма сотрудничества стран СЭВ». В них, в частности, говорилось:

«Выдвинутая нашим партийным руководством задача поднять на качественно новый уровень интеграционное сотрудничество стран социалистического содружества требует глубокого обобщения и переоценки богатого опыта 38-летней деятельности Совета Экономической Взаимопомощи».

Предложения по реформированию СЭВ в конце 1987 г. были тесно связаны с начинающейся в Советском Союзе перестройкой. Зерна идей перестройки СЭВ упали в этот раз на благодатную почву. Они нашли свое отражение в решениях 43-го внеочередного совещания СЭВ, которое состоялось в декабре 1987 г. В этих решениях предусматривалось отойти от административных методов управления интеграционными процессами и перейти к рыночным инструментам регулирования экономических отношений в пространстве СЭВ. Важнейшей задачей СЭВ было признано создание благоприятных правовых, административных, финансовых и прочих условий для прямых отношений между конкретными субъектами национальных экономик, способствование развитию этих отношений, а также создание совместной собственности для обеспечения эффективного функционирования на уровне микроэкономики. Была также поставлена цель постепенно ввести систему конвертирования национальных валют государств-участников и создать условия для функционирования единого рынка. Полномочия правительства уровня стран-участниц ограничивались разработкой общей стратегии экономических отношений и концепции распределения труда в пространстве СЭВ.

К сожалению, решение о реформировании СЭВ было принято слишком поздно и реализовывалось крайне нерешительно. Бюрократическое сопротивление реформам не только в Советском Союзе, но и в Румынии, ГДР и других странах СЭВ было ощутимо. Вплоть до роспуска СЭВ не удалось реформировать его экономический механизм. Как только СЭВ прекратил свое существование, все искусственно созданные экономические связи между Советским Союзом и восточноевропейскими странами рухнули, как будто они никогда и не существовали. А события могли бы развиваться иначе, если бы заранее было

создано тесное переплетение экономических интересов и экономик стран СЭВ.

Остановлюсь еще на одном важном направлении исследований отдела. В середине 1974 года центральные комитеты правящих партий государств Варшавского Договора по инициативе Москвы приняли решение о создании постоянной международной комиссии, состоящей из специалистов академий наук и институтов министерств иностранных дел этих стран (кроме Румынии, Албании и Югославии). Комиссии было поручено исследовать проблемы взаимоотношений Восток-Запад в политической, экономической и военно-стратегической областях. Результаты совместных исследований с соответствующими конкретными рекомендациями для внешней политики стран Варшавского Договора должны были быть предоставлены ЦК соответствующих партий. Функции головной организации выполнял ИЭМСС, соответственно руководителем проекта стал директор ИЭМСС академик О. Богомолов. Мне было поручено в качестве ответственного секретаря быть координатором исследовательской работы в рамках этого проекта. Он носил закрытый характер, под грифом «конфиденциально», и получил кодовое наименование «Звезда». Среди его участников были видные политологи и экономисты, такие как Д. Дьоваи, П. Изик Хедри, Л. Киш из Венгрии, В. Хэниш, В. Шпрёте, К. Моннтаг, Й. Нитциз ГДР, А. Ротфельд, Й. Симонидес, М. Доброчинский, Б. Рыхловский из Польши, З. Занев, Б. Димова, Н. Заревский из Болгарии, О. Богомолов, И. Орлик, Н. Шмелев, А. Быков, Л. Зевин и другие из Советского Союза.

Многосторонняя работа в рамках проекта «Звезда» началась в 1974 г. Исследованию подверглись четыре больших круга проблем. Результаты исследований были представлены в ЦК партий соответствующих стран. К ним относились следующие разработки:

- Проблемы взаимоотношений государств двух социальных систем в Европе в 1970-е годы (завершена в 1977 г.);
- Страны социалистического содружества и перестройка международных экономических отношений (1979 г.);
- Долгосрочная стратегия развития экономических отношений стран-участниц СЭВ с государствами иной социальной системы (1982 г.);
- Актуальные проблемы политики стран социалистического содружества в отношении развитых капиталистических государств в 1980-х годах (1984 г.).

В ходе работ над этими вопросами были подготовлены многочисленные промежуточные конфиденциальные отчеты, которые отражали национальные позиции отдельных стран. Наши заседания проходили поочередно в столицах стран-участниц ОВД и СЭВ. В ходе этих заседаний удалось создать неформальную и доверительную атмосферу для обсуждения весьма щекотливых проблем внутренней и внешней политики Советского Союза и его партнеров. Основным требованием к подготавливаемым документам была объективность, тщательный анализ положения и перспектив развития, свобода от идеологической предвзятости и от страха попасть в противоречие с официальной политической линией. Не во всех случаях нам удавалось этого достичь. Новые, порой неординарные идеи и выводы «мирно сосуществовали» в тексте исследования со старыми клише и специфическими оборотами речи, которые могли успокоить вышестоящее начальство.

Наиболее интересным и политически острым мне представляется проект «Звезда-4», завершённый в 1984 г. В нём были разработаны следующие вопросы, важные для коренного оздоровления международной обстановки и отхода от конфронтационного курса: отказ от опасного в ядерный век принципа

«классовой борьбы» на международной арене, деидеологизация внешней политики, установление равноправных партнерских отношений между социалистическими странами, коренное реформирование СЭВ и превращение его в международную организацию, призванную создавать благоприятные политические, правовые и экономические условия для прямых кооперационных и прочих связей между предприятиями социалистических стран и становления их общего рынка, отказ от доктрины «стратегического паритета» между Советским Союзом и США с их союзниками по НАТО и переход к доктрине достаточности сил для обеспечения безопасности страны, установление равенства в обычных видах вооружений между НАТО и Варшавским договором, преобразование вооруженных сил обоих блоков в чисто оборонительные структуры, не способные вести наступательные действия, отказ от продвижения сферы господства социализма в страны Третьего мира военными средствами, что постоянно сталкивало Советский Союз с Западом, и пр. Все эти проблемы обсуждались предварительно на заседаниях отдела международных отношений.

Интересно отметить, что выдвинутую в 70-е годы социал-либеральной коалицией Вилли Брандта формулу новой восточной политики ФРГ «Изменение через сближение» было предложено дополнить со стороны Советского Союза и других стран СЭВ встречной формулой: «Сближение через изменение». Такая формула вытекала из теории конвергенции и необходимости реформировать политическую и экономическую систему как стран Запада, так и социалистических стран, уменьшить дивергенцию в политических и экономических структурах Востока и Запада Европы и тем самым создать благоприятные условия для углубления политики разрядки напряженности, преодоления раскола Европы и решения германского вопроса

в духе эволюционного объединения Германии. Это был призыв к проведению социалистической реформации с целью сделать социализм более привлекательным, дееспособным и эффективным общественным строем.

Во всю силу творческий потенциал сотрудников отдела развернулся в романтические годы больших надежд, связанных с реформами М. С. Горбачева. Мы считали, что наша главная задача в этот исключительно важный для страны период состоит в том, чтобы своими исследованиями содействовать созданию благоприятных внешних условий для проведения внутренних реформ.

Одним из важнейших элементов всей конфронтационной политической композиции Восток-Запад являлся, бесспорно, германский вопрос. Именно через расколотившую надвое Германию проходил передний край противостояния НАТО и ОВД. Пока существовал этот раскол, преодоление «холодной» войны представлялось немислимым. Поэтому германский вопрос превратился во второй половине 80-х годов в центральный объект переговоров между Советским Союзом и западными державами в поисках взаимоприемлемого компромисса. От этого во многом зависело успешное продвижение Советского Союза по пути реформ.

Ключ же от германского единства в то время находился в Москве. Но как воспользоваться им? Держать дверь к единству Германии на запоре? Создать условия для сближения и сотрудничества двух германских государств? Или пойти ещё дальше – принять конфедеративное устройство двух частей Германии? Какую роль должно сыграть в этом реформирование политической и экономической системы ГДР? Согласиться на слияние ГДР с ФРГ на основе параграфа 23 Основного закона ФРГ? Каков должен быть международный статус объединённой Германии – внеблоковый, нейтральный или в составе НАТО?

Таков был далеко не полный перечень вопросов, непосредственно затрагивавших судьбу немецкого народа, двух германских государств, а также интересы и безопасность Советского Союза, стран, входивших в Организацию Варшавского Договора, и Запада. Отдел подготовил ряд докладов и записок в секретариат М. С. Горбачева, в основе которых лежала идея постепенного создания условий для преодоления болезненного и противоестественного раскола немецкой нации и объединения двух германских государств. Особое внимание было обращено на то, чтобы побудить Э. Хонеккера начать проведение кардинальных реформ в ГДР.

Наличие противоборствующих мнений в советских руководящих инстанциях по комплексу этих исключительно сложных вопросов не позволили выработать М. Горбачеву четкой позиции по германской проблеме вплоть до падения Берлинской стены и даже после этого непредвиденного всеми события вплоть до мая 1990, когда, наконец, Москва дала «зеленую» улицу объединению Германии, но уже на неблагоприятных для нее условиях. В политику вмешался народ ГДР. Под лозунгом «Мы – единый народ» он вышел на улицы. Решающую роль в этом народном протестном движении сыграл упорный отказ Э. Хонеккера от проведения реформ в ГДР. Они могли открыть перед народом новые перспективы социалистического развития, вселить в него надежды на лучшее будущее и социальную удовлетворенность. Так можно было предотвратить политическую дестабилизацию положения в стране. Об этом я дважды в 1989 г. вел речь в беседах с нашим послом в ГДР В.И. Кочемасовым.

Между прочим, еще при В. Ульбрихте в начале 1960-х годов ГДР первая из стран социалистического содружества разработала под руководством главы Госплана Эриха Апеля перевод страны на новую экономическую систему (NÖS). Предусматривались

определенная децентрализация государственного планирования, переход от административных к преимущественно хозяйственным методам управления экономикой, наделение предприятий большей самостоятельностью, развитие инициативы, заинтересованности и стимулов трудящихся в большей личной прибыли от труда и пр. При этом сохранялась сильная государственная власть, в задачу которой входило обеспечение условий для проведения реформ – то, что произошло позже в КНР.

С приходом Э. Хонеккера к власти в 1971 г. с этими спасительными реформами было покончено. Когда председатель советского правительства А.Н. Косыгин попытался в 1975 г. начать в Советском Союзе реформы по модели Апеля, он натолкнулся на непреодолимое сопротивление Политбюро. Я считаю, что запрет Э. Хонеккера на проведение реформ привел к падению ГДР.

К несчастью для советского народа социалистическая реформация в Советском Союзе потерпела провал. М. С. Горбачев без труда мог предотвратить такое развитие событий. Но ему как государственному деятелю не хватило силы воли и мышления, чтобы не допустить Б. Ельцина к власти и успешно завершить реформы. Капиталистический путь, на который злые силы толкнули Россию, чужд её природе и менталитету её народа. Капитализм губителен для неё. Удел России – в новом, конвергентном социализме XXI века, который должен впитать в себя все лучшее, что создано человеческой цивилизацией. Именно этими идеалами руководствовался отдел международных отношений ИЭМСС в своей деятельности в период реформ советской системы во второй половине 80-х годов. В конце 1990 г. я передал бразды правления в отделе в надёжные руки нашего сотрудника, доктора исторических наук Б. А. Шмелева – большого знатока проблем международных отношений.

Как молоды мы были....

Услышав в трубке бодрый голос, я уже знала, кому он принадлежит: «Конечно же, это Игорь Иванович Орлик!» Если бы нам предложили избрать символ жизнестойкости и оптимизма, это был бы, несомненно, он. Но я отвлеклась.. Итак, Игорь Иванович предложил написать пару строк о нашем Институте, при этом используя давно известный прием: «Все уже написали и я редактирую!» Нет лучшего способа подстегнуть ленивого...

Итак, сажусь за стол и возвращаюсь в свою жизнь в Институте. Пока не знаю, как пойдет дальше, но твердо знаю, что не хочу ничего структурировать и причесывать. Пусть будет так и именно в таком порядке, в каком я думаю о своем первом месте работы, которое стало не только основным, но оказалось и важнейшей вехой в моей жизни и профессиональной карьере. Много стёрлось в памяти, особенно при моем интенсивном образе жизни. Но все, что касается Института и особенно моих

первых лет в нем, я помню удивительно ясно. Помню, как пришла устраиваться на работу к Яну Богумировичу Шмералю. Улыбаясь одними глазами за стеклами очков и попыхивая сигаретой, он спросил меня: «Так, что же вы знаете о мировой системе социализма?» Я не нашла ничего лучшего ответить: «Давайте я вам лучше расскажу о выборах в США». Конечно, занимаясь американистикой, я и думать не думала о мировой системе социализма. До сих пор не пойму, почему Шмераль меня взял на работу?!

Помню первое заседание отдела, где Анатолий Павлович Бутенко рассказывал о критериях развитого социализма, а на него неистово нападали Витюша Киселев и Виктор Кремнев. Я была в шоке – как можно было дерзить шефу! Для меня, воспитанной в мгимовских жестких нравах, это было непостижимо. И одновременно этот задор и отсутствие скованности среди этих людей было для меня обещанием, что скучно не будет. И действительно, скучно не было. Снаружи нашего школьного здания текла серая, обыденная жизнь. А внутри было, ой как весело! Мы спорили до хрипоты, засиживаясь допоздна и выпивая литры жесточайшего черного чая – никто не мог его заварить лучше Игоря Тюхтина. Мы впивались глазами и слушали, затаив дыхание, поляков и венгров, которые привозили из своего далека новые и будоражающие идеи, казавшиеся нам тогда слишком дерзкими. Мы хохотали и подтрунивали друг над другом, мы играли в волейбол и делали потрясающие вечера, на которые приглашали тогдашних театральных звезд, которые были не чета нынешним. Некоторые из нас влюбились и женились друг на друге – где вы теперь Элла и Виктор Ширяевы? И, конечно, мы работали. Пусть то, над чем мы просиживали сутками, так и не стало прорывом в историческом понимании цивилизационного прогресса. Пусть наши тогдашние мысли о демократии,

государстве, модернизации сегодня нам самим покажутся наивными и детскими. Но все мы были искренни и пытались понять нашу реальность и объяснить ее так, как позволяли нам наши тогдашние горизонты. Некоторые из богомолцев тогда смогли продвинуть эти горизонты дальше и они стали нашей гордостью – именно они готовили будущее понимание перестройки. Сам тот факт, что в Институте собралось так много действительно крупных «величин» и потрясающих профессионалов – Н. Шмелев, А. Бутенко, Е. Амбарцумов, Г. Лисичкин, И. Орлик, Р. Евстигнеев, В. Дашичев и это еще не полный ряд – говорил многое об этом институте. Тот факт, что в Институт принимали инакомыслящих для того времени, говорил многое о его директоре – Олеге Тимофеевиче Богомолове. Мы помним те времена и знаем, что тогда все решала «вертикаль», причем, гораздо более жесткая, чем нынешняя. И тем не менее академик О.Т. Богомоллов рискнул и сумел сделать свой институт прибежищем интеллектуальной свободы и поиска. Причем, он сделал даже большее: он сумел создать атмосферу человеческой порядочности и научного азарта. Обсуждая с коллегами, которые ушли в другие академические институты, нашу жизнь и работу, я имела немало поводов убедиться, что мы были совершенно в уникальной ситуации. У нас было больше возможностей научиться свободно размышлять, преодолевать и внешние и собственные ограничители, чем в любом другом академическом институте. И в этом заслуга именно его – Олега Тимофеевича Богомоллова.

Конечно, то время вспоминается с такой щемящей ностальгией прежде всего потому, что это было время молодости и надежды. Но и не только поэтому. Атмосфера в институте создавала для нас возможность думать, оценивать, сравнивать, делать выводы и не бояться ошибиться - ибо мы не боялись. Не было страха говорить то, что ты думал.

Честно говоря, я себе не представляю, как бы я научилась спорить, если бы я не участвовала в наших отдельных заседаниях. Я не представляю себе, как бы я стала писать, если бы я не видела, как редактировал и строил фразы Евгений Амбарцумов, один из наших лучших политических писателей. Я не представляю себе, как бы я писала политические заметки, не будь школы Богомолова, через которую прошли мы, тогда еще зеленые «мэнэсы». Помню, как я принесла ему очередную заметку о польских делах. Это была моя десятая или двадцатая по счету попытка. Уставший Богомолов, безжалостно вычеркивая лишние фразы, терпеливо объяснял мне: «Слова без мысли не имеют смысла». Как я ему благодарна за те уроки...

А разве мы могли бы успешно работать без нового поколения наших младших научных – Лены Островидовой, Яны Стрельцовой, Даши Павловой-Сильванской? Я не представляю себе Института без нашей Любы Венкиной.

Конечно, мы вряд ли могли позволить себе вырываться за пределы стереотипов, если бы не возможность посмотреть «живую» на окружающий мир. Причем, мы ездили в самые интересные страны – там, где уже началось брожение. Я считаю, что полгода, которые я провела в Польше в период формирования и выхода на улицы польской «Солидарности», определили мою дальнейшую профессиональную жизнь и мою позицию.

Как бы хотелось вновь вернуться в наше институтское прошлое, такое далекое и такое близкое. Вот взбегаешь на четвертый этаж и открываешь дверь сектора: а там уже спорят Кремнев с Хлебниковым и Канделем. За ними с юмором наблюдает Михаил Петрович Лебедев. А Галя Дарчиева знай себе читает венгерскую прессу. Забегаешь к девочкам – Нине Бобковой и Ирише Васильченко – узнать последние новости. Затем приходит время чаепития и идешь к соседям – а там Андрей Липский,

Володя Прозоровский и Валера Зарецкий обсуждают музыкальный фестиваль и последние фильмы. Саша Ципко в очередной раз подкапывает под марксизм. Дима Фельдман придумывает очередную каверзу. А Боря Пугачев со смешливым огоньком в глазах рассказывает о новом глобальном проекте... Сбегаешь на второй этаж – на сей раз нужно узнать, чем дышит руководящий этаж. Наташа Кузнецова, Жанна Бурлаченко, Валюша Захарова, и, конечно, наш неувыдаемый Виктор Зегаль. Поговоришь и уже знаешь, чем живет мир и начальство.

Приходили новые люди и опять попадание в «десятку». Пришли Игорь Клямкин и Андраник Мигранян, с которыми с тех пор мы идем по жизни рядом. Приближались новые времена, которые многих из нас разбросали в противоположные стороны. Многие из нас, богомоловцев, сегодня по-разному думают о стране и мире. Часто не соглашаемся друг с другом. Когда встречаемся, то спорим и порой горячо. Но вот, что главное – мы остаемся друзьями и коллегами. У нас есть нечто большее, чем нынешние разногласия. Это наше общее прошлое, которое нас продолжает объединять. Это наша общая история и человеческие принципы, которые нам дали возможность сохранить тепло общения.

Вот сейчас вижу перед собой лица людей, с которыми была тогда дружна и которым остаюсь признательна: Игорь Орлик, Рубен Евстигнеев, Марина Усиевич, Саша Некипелов, Руслан Гринберг, Света Глинкина, Константин Микульский, Коля Бухарин... Этот ряд можно продолжать... И, конечно, мой самый близкий друг институтских лет и потрясающий человек – Виктор Киселев. Я до сих пор не встречала лучшего оратора, лучшего спорщика и более верного товарища... И, конечно, Игорь Клямкин – мой нынешний друг и коллега и одновременно один из самых талантливых и проницательных аналитиков... И эта дружба с институтских времен.

«Она все про личное, а где же про работу?» – скажет тот, кто прочтет эти строки. О работе могут рассказать наши статьи и книги. Но напомним кое-что, чем мы можем гордиться. Мы были первыми и тогда единственными, кто предупреждал о последствиях войны в Афгане. Мы были первыми, кто предупреждал о неэффективности советской экономической модели. Мы были первыми и единственными, кто предупреждал об опасности советского вторжения в Польшу, когда там начались революционные события. Мы были единственными, кто говорил о той роли, которую сыграет новый польский папа Войтыла. Было много другого, в чем мы были первыми и единственными. Нам удалось быть аналитиками и экспертами во времена, когда другие были пропагандистами. И мы можем гордиться этим.

Сегодня наш бывший ИЭМСС живет в новом времени. И, Слава Богу, что мы видим его новое лицо и новых людей в нем. Но, возможно, с возрастом я становлюсь консерватором: мне кажется, что в отличие от других организаций, для которых традиция означает загнивание, для всех нас – традиция и преемственность означает сохранение жизненной прочности. Александр Некипелов и Руслан Гринберг провели Институт через сложный период выживания. И мы должны отдать им должное. Но они сохранили «наш Дом» во многом и потому, что в нем остаются те, кто является носителем нашей традиции. И я лично признательна всем моим коллегам, благодаря усилиям которых было найдено новое дыхание – Игорю Орлику, Рубену Евстигнееву, Свете Глинкиной, Наташе Кузнецовой.

И конечно, годовщина Института – это в первую очередь событие для Олега Тимофеевича Богомолова. Один из известных западных историков как-то сказал мне: « Вам исключительно повезло, что вы попали в Институт Богомолова. Этот человек готовил новое время, но спокойным и достойным способом».

Прочитав написанное, я подумала, что слишком много в этих строках личного и эмоционального. Но решила оставить все как есть. Именно так я думаю об Институте мировой социалистической системы. И сейчас все мы – те, кто вышел из его стен, продолжаем ощущать свою связь с ним, как с важнейшим событием в нашей жизни. И вы, наши коллеги и друзья – те, кто продолжает оставаться в стенах Института, всегда можете на нас положиться.

Д.Фельдман

Было и это...

Выступая в пока еще новом для себя мемуарном жанре, хотелось бы отойти от хорошо известной читателям мемуаров традиции, в соответствии с которой авторы «Воспоминаний о...» больше пишут о себе, чем о предмете воспоминаний. Это желание вызвано не стремлением продемонстрировать скромность автора настоящего текста (тех, с кем вместе работали в ИЭМСС АН СССР в 1971-1990 гг., на этот счет не обманешь), а тем поистине скромным местом, которое я – сначала младший, а затем старший научный сотрудник Отдела политических и идеологических проблем занимал в Институте. Члены дирекции, Учёного совета, руководители подразделений института, партийной и прочих институтских организаций куда с большим знанием дела могут рассказать о научной работе Института и её результатах, о взаимоотношениях с академическим и партийным начальством, дававшим оценку этой работе.

Мои же воспоминания и размышления большей частью касаются того, как работалось и жилось в ИЭМСС. Речь пойдёт о том, что сегодня принято обозначать как human relations, о неформальных отношениях между людьми, общей атмосфере, существовавшей в Институте. Понятно, что, прежде всего, эти воспоминания связаны с моей работой в Отделе, которым на протяжении большей части его существования руководил А.Бутенко и который сотрудники Института называли «отделом Бутенко» или еще короче – «политотделом». Сразу же следует сказать, что атмосфера в Институте определялась как общим советским климатом и переменчивой погодой в нашей общественной науке, так и парткомом, дирекцией Института, всеми его подразделениями. Дышалось же у нас легче, чем во многих других научных учреждениях благодаря людям, с которыми было приятно иметь дело. Независимо от того, что это было за дело – будь то получение продовольственного «заказа», выдача напрокат туристического инвентаря или подготовка сборника по конфликтам в мировой системе социализма (которых, как и секса, тогда для советских граждан как бы «не было») – всегда можно было рассчитывать на помощь и поддержку своих товарищей по Институту. Трудно перечислить всех, но не могу не назвать Л.Аблазову, Н. Бухарина, Ю. Зудинова, Г.Зуйкова, В.Кремнева, Л. Перевезенцеву, И. Севастьянова, Л. Ягодковского.

Самое общее впечатление, оставшееся у меня от той внутренней обстановки, в которой жили и работали сотрудники Института, пожалуй, можно попытаться передать словами: «не вполне советская жизнь вполне советского учреждения». Если констатация того, что Институт экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР был (и не мог не быть) вполне советским учреждением – более того, одним из лучших

советских учреждений – вряд ли у кого-нибудь вызовет серьёзные возражения, то воспоминания о его «не вполне советской» внутренней жизни нуждаются, по крайней мере, в конкретизации и иллюстрациях.

Действительно, эта жизнь во многом определялась писанными и неписанными законами, правилами и нормами, существовавшими в советском обществе. Но режим повседневной практической деятельности Института, работы и взаимоотношений его сотрудников в значительной мере отличался от официально и неофициально действующих стандартов и норм, существовавших вне Института. В данном случае можно говорить не столько о местной, институтской специфике выполнения известного правила, согласно которому «жестокость законов в России умеряется необязательностью их выполнения», сколько о своеобразном «иэмэссесовском» характере самого исполнения этих законов, их сочетания с выработанными и поддерживаемыми в самом Институте внутренними неофициальными, но весьма строго соблюдаемыми нормами взаимоотношений. Требовательность без хамства, дружелюбие без фамильярности, товарищество без амикошонства характеризовали стиль и формы повседневного общения, саму суть взаимоотношений сотрудников Института. В некоторой степени это видно и на примере читаемого Вами текста. Отсутствие отчуждения у большинства упоминаемых в нем коллег объясняется не забывчивостью автора, а тем, что для него, как и для большинства сотрудников, Люба Попова была, есть и навсегда останется Любочкой, Мила Фокина – Милочкой и даже очень серьезный, очень правильный, всеми глубокоуважаемый, д.и.н. А.А.Мурадян просто Артуром.

Еще один пример, как мне кажется, убедительно говорящий о духе и стиле жизни в Институте. Первая половина 80-х годов. В СССР идёт очередное «наведение порядка», инициированное

и активно проводимое не просто сверху, а лично самим генсеком Андроповым. Москва полна рассказами о людях в штатском, которые в рабочее время подходят к посетителям бань, магазинов, кинотеатров и спрашивают «Почему не на работе?», а в случае отсутствия оправдательных документов принимают строгие карательные меры. Государственные, партийные и академические инстанции производят множество директивных бумаг типа: «О мерах по дальнейшему улучшению и укреплению производственной и всякой другой дисциплины». Не мог остаться в стороне и наш ИЭМСС. Не ограничиваясь общими распоряжениями и призывами, приняли конкретные меры, а именно решение о введении так называемого «Вкладыша» - картонки формата визитной карточки с печатью. «Вкладыш», по замыслу, надо было класть под присмотром работника отдела кадров на стол при входе в Институт не позже, чем через 5-10 минут после начала рабочего дня и забирать оттуда не раньше, чем за те же несколько минут до его окончания. Нарушителям грозили самыми строгими мерами. Реакция научных сотрудников Института, привыкших не только к трём «присутственным» дням в неделю, но и к тому, что руководство Института никогда не назначало ни одного совещания или заседания, в котором должны были участвовать хотя бы 4-5 сотрудников, ранее 12⁰⁰ и позднее 15⁰⁰, была «правильной» – но в иэмэссесовском смысле этого слова. Идти не в ногу со всей страной, игнорировать указание спущенные «с самого верха» было бы не только опасно, но и вредно, да и просто глупо. Но и выполнять их...

Внезапно ставшие очень долгими «присутственные» дни, были заняты выработкой коллективным разумом достойного ответа на введение «Вкладыша», который остряки тут же окрестили по имени инициатора его создания «вкладышем NN в науку». Но острословием дело не ограничилось. Буквально спустя

3–4 дня после начала кампании самые авторитетные, маститые и отчасти даже руководящие сотрудники Института, сдав свои «Вкладыши» утром, не нашли их вечером на столе и не могли забрать. Соответственно им нечего было положить туда следующим утром и они смогли придти в привычное и удобное им время. Отдел кадров срочно изготовил дубликаты вкладышей и выдал их вместо пропавших. Еще через 1–2 дня лучшие люди Института, кладя полученные дубликаты на стол, обнаружили там потерявшиеся оригиналы, став счастливыми обладателями двух, а через несколько дней и 3–4 вкладышей, дубликаты которых взамен утраченных исправно воспроизводили кадровики. Ясно, что «авторитетные, маститые и руководящие» были людьми умными и легко догадались, что можно поручить специально выделенному коллеге положить «лишний» вкладыш утром вместо себя, а забирать их вообще не обязательно, поскольку почти у каждого образовался запас из 2–4 штук. Причем число этих счастливцев непрерывно росло. В него стали входить все новые и новые сотрудники, включая уже не только «маститых», но и всех прочих: «растущих», «подающих надежды» и даже тех, кому «надо работать над повышением своей квалификации». В итоге институтская кампания по укреплению дисциплины, подавившись «вкладышем», бесславно окончилась через несколько недель, полностью совпав по вектору своего движения с «наведением порядка» во всей стране административно-палочными методами.

Принимая посильное участие в приближении кончины «вкладыша», напоследок переименованного теми же остряками в «выкидыш», могу утверждать, что это было делом рук группы молодых сотрудников, осуществлявших свои манипуляции с вкладышами на глазах бдительных кадровиков. И хотя имена (ясно понимавших, чем они рискуют) проказников были хоро-

шо известны в Институте, ни один из нас не навёл на себя ни осуждения, ни наказания. Скорее наоборот.

Работать в Институте было весело. Трудно, да наверное и не нужно, давать перечень всех институтских весельчаков, шутников и балагуров. Но не могу не назвать имен д.э.н. В. Шаститко – зам. директора Института и к.и.н. Е. Амбарцумова – заведующего одним из секторов отдела политических и идеологических проблем, а затем после А. Бутенко возглавившего этот отдел. Их *bon mot*, шутки и ехидно-веселые комментарии событий в мире социализма, в стране и Институте часто цитировались, еще чаще повторялись без указания авторства и иногда входили, если не во всенародный, то в академический фольклор. Насколько помню, именно Е. Амбарцумову принадлежит, на мой взгляд, точная характеристика Института как «коллектива не спяянного взаимной ненавистью». Не могу судить о том, насколько его избрание в конце 80-х годов депутатом Верховного совета РСФСР и последующая работа на посту председателя комитета по международным делам Государственного Федерального собрания были полезны для внешней политики России, но твердо уверен: это была ощутимая потеря для поддержания духа Института.

Именно такие люди, как Е. Амбарцумов, А. Бутенко, В. Киселёв, Б. Пугачёв, Н. Шмелёв блистали на Институтских и отделских застольях, в полном соответствии с советской традицией, устраиваемых в дни государственных праздников. Особенный размах они приобретали в канун очередного Нового года, при праздновании 8 марта и 9 мая. Причем это отнюдь не сводилось к банальной выпивке. Новогодние концерты, капустники, воспоминания отделских ветеранов Великой Отечественной войны – А. Бутенко, В. Дашичева, В. Кулиша, М. Лебедева за «рюмкой чая» создавали атмосферу весьма далёкую от официальной казённости. Примером могут быть рас-

сказы фронтовиков – д.и.н. В. Дашичева и д.и.н. В. Кулиша, не только воевавших, но и специально изучавших события Второй мировой войны и посвятивших им фундаментальные труды. И содержание, и тональность этих рассказов весьма существенно отличались от трескучей партийной военно-патриотической риторики, назойливо сопровождавшей народный праздник Победы.

В воспоминаниях об институтских праздничных застольях нельзя обойти молчанием и отнюдь не праздничные поводы – то, что, пародируя партийно-административный жаргон тех лет, мы называли «спаиванием коллектива». Это – многочисленные коллективные выезды для работы на ближних и дальних овощных базах, в колхозах и совхозах, участие в многообразных субботниках и «выходы к столбам». Во всех этих случаях по «спущенной» из райкома КПСС разрядке сотрудники Института в количестве, определённом райкомом, якобы «добровольно» оставляли свои рабочие места и плановые работы и направлялись делать то, что они делать, как правило, не умели, и не могли. Исключение составляли «выходы к столбам», что означало стояние нескольких десятков назначенных для этого человек в течение 2–3 часов на Ленинском проспекте между указанными райкомовскими работниками осветительными столбами, под наблюдением находящихся за их спинами не улыбочивых и понятно откуда взявшихся граждан. Стояние завершалось после быстрого проезда «членовозов», мчавших высокопоставленных гостей СССР – «руководителей братских социалистических стран», «глав братских коммунистических партий», «лидеров, сбросивших колониальный гнёт дружественных стран», «вождей партий и движений, борющихся за социальное и национальное освобождение, за мир и социализм». Приезжая в СССР за помощью и поддержкой, они, по протоколу, должны были, вне зависимос-

ти от времени года и погоды, быть «тепло и радушно» (а иногда – «горячо и восторженно») встречены «массами трудящихся» столицы. Профессионально занимаясь проблемами сотрудничества стран социализма, изучая взаимоотношения этих стран между собой и с различными участниками национально-освободительного движения, сотрудники Института имели весьма полное представление о характере и эффективности этого сотрудничества, не говоря уже о цене советской помощи. Поэтому выход к столбу мог, хотя и с большой натяжкой, считаться работой почти по специальности. Однако восторженность наших приветствий была, мягко говоря, умеренной, а что уж говорить о теплоте встречи гостей после длительного стояния на зимнем холоде... Тепло, конечно, появлялось, но уже среди тех, кто предусмотрительно «скинулся» и во время нашел укромное местечко для того, чтобы отметить встречу с дорогими гостями.

Еще менее комфортным было пребывание сотрудников Института на овощных базах. Регулярное бессмысленное перекадывание полугнилых овощей из одного угла в другой, с последующей перегрузкой образовавшейся пахучей массы из одних контейнеров в точно такие же, имело своим результатом хорошее знакомство с реальным функционированием базовых механизмов отечественного аграрно-промышленного комплекса (некоторые, особенно вонючие капустные кочаны мы узнавали не только в лицо, но и со спины), хотя выполнению плановых работ и постоянно возникающих срочных заданий, да и здоровью сотрудников никак не способствовало. Поэтому, кроме случаев массового, почти поголовного выезда, как тогда говорили, «на базис» к этой тяжелой, грязной и практически бессмысленной работе, как правило, привлекались не слишком изнурённые наукой молодые, крепкие, сильные, расторопные, не обремененные заботами о своем здоровье, а также высокими научными степенями,

должностями и званиями сотрудники, по возможности, мужского пола. В отделе идеологических и политических проблем главными жертвами, несшими основную тяжесть этих работ были В. Волошин, П. Кандель, А. Лапшин, А. Липский, В. Миронов, В. Прозоровский, А. Савченко, И. Тюхтин, И. Хлебников и другие. Естественно, мужчины, обладающие перечисленными выше качествами, превращали практически любой выход на базу в пикник, проходивший в неизменно дружеской, приподнятой, хотя часто и в антисанитарной обстановке. Сдержано, но умело рекламируемая подготовка к участию в «профилактических», «антипростудных» и «согревающих» действиях, сопровождающих поездку на базу, облегчала внеэкономическое принуждение к «общественно-полезному» труду. Партийная организация рапортовала о высокой явке «добровольцев» и о необходимости их поощрения. К сожалению, возлияния, сопутствующие реальной общественной жизни Института в условиях, не совсем точно называемых позднее «застоем», не всегда имели столь безобидные последствия.

Конечно, внеслужебные взаимоотношения в Институте не ограничивались участием сотрудников в праздничных и будничных мероприятиях. Институтские волейболисты, байдарочники, теннисисты, лыжники, конники и любители бани активно общались и вне его стен. На этой почве завязывались связи и симпатии, в ряде случаев пережившие сам Институт. Что же касается межличностных отношений внутри Института, то важной их частью были естественные отношения между мужчинами и женщинами. Неудивительно, что среди нескольких десятков интересных, высокообразованных, хорошо развитых людей, следящих за своим внешним видом, возникали пары, которые не могли и не хотели ограничиваться не только научно-производственными, но и платоническими, лирико-романтическими отношениями.

ми. В Институте к этому относились очень терпимо, сдержано и уважительно воспринимая трудно скрываемые связи. И хотя не все они привели к весьма частым в ИЭМССе внутриинститутским бракам, я не припомню ни одного случая, когда симпатизирующих друг другу людей публично обсуждали или вынуждали к откровенности относительно их личной или семейной жизни. Охотники посплетничать и покопаться в интимных подробностях были, наверное, и у нас, но общий стиль, поддерживаемый руководством института и большинством руководителей общественных организаций, состоял в уважении полноты права каждого сотрудника и сотрудницы на свою личную жизнь.

Говоря о взаимоотношениях мужчин и женщин, я как сотрудник отдела А. Бутенко не могу отойти от заветов шефа и должен отдельно и специально рассказать о месте и роли женщин в жизни Института. Эта роль определялась не столько должностным положением сотрудницы, сколько её вкладом в ту атмосферу, которая в нем существовала и которую я пытаюсь здесь передать. Когда новые сотрудники или многочисленные посетители институтских и отдельных мероприятий восхищались (думаю, что искренне) стилем нашей жизни и работы, Анатолий Павлович всегда говорил: «у нас хорошо, потому что у нас женщины хорошие; начальники могут приказать вести себя порядочно, но жить порядочно нельзя без хороших женщин». Вероятная неточность цитаты объясняется не тем, что я плохо помню то, что редко слышал, а тем, что Бутенко постоянно и настойчиво варьировал и развивал эту тему в своих выступлениях, репликах и, конечно же, тостах. Обязательный бутенковский тост, бессчетное количество раз повторяемый им при любом казавшемся ему удобным случае – от празднования Дня Советской армии до собственного дня рождения всегда был посвящён прославлению женщин. И женщины того стоили!!!

Вспоминая о них сегодня, я не могу назвать ни одной скандалистики, обманщицы, сплетницы или неряхи. Трудно переоценить вклад каждой из них в качество человеческого общения, которое определяло нашу повседневную, будничную жизнь в Институте и, более того, делало её приятной. Очень многое для этого сделали всегда дружелюбная и внимательная Л. Абаева, милая и скромная Г. Дарчиева, хлопотливая и всегда готовая помочь А. Кузнецова, мудрая и благородная Н. Лушина, интеллигентная и ироничная Т. Снегирёва, весёлая и озорная Л. Шевцова, оставшиеся в памяти всегда молодыми и красивыми Т. Кашенко, Е. Коркия, Т. Мамиева, Д. Павлова-Сильванская, Е. Островидова, Я. Стрельцова и все, все остальные.

Центром, душой и клубом нашего Отдела было машбюро. Его обаятельные и добрые сотрудницы Н. Бобкова, И. Васильченко и Т. Рычкова помимо выполнения всегда «крайне срочной», «до зарезу нужной» и превосходящей по объёму все нормы работы, были готовы выслушать исповедь, дать совет, напоить чаем и обсудить дефицитную обновку, которую приносила сюда примерить едва ли не каждая из сотрудниц Института. Причем все это никогда не сопровождалось осуждением, назидательным морализаторством или злопыхательством.

Вообще в Институте была широко распространена очень редкая для советского общества толерантность, терпимость к проявлению индивидуальности, включая, как это покажется странным, индивидуальное мировоззрение. Вряд ли можно говорить о господстве в ИЭМСС идеологического плюрализма, но умеренное разномыслие, не выходящее за рамки, ограждающие безопасность Института, было допустимо и распространено. В результате в нем успешно работали и сотрудничали как те, кто до последних дней своей жизни сохранил приверженность идеям марксизма, так и те, кому были ближе либерально-рыночные

концепции. Среди нас были и пылкие борцы с антикоммунизмом, и более-менее последовательные критики коммунистической теории и практики, приверженцы социалистического интернационализма и не особенно маскирующиеся, но оттого не менее рьяные, националисты. Конечно, имела своих сторонников популярная во все времена глубоко искренняя мировоззренческая ориентация на свою хату, расположенную хоть и с краю, но в виду Кремля. Все это весьма причудливо пересекалось, сталкивалось и переплеталось в форме советизированного марксизма-ленинизма. Отсутствие оголтелой идеологической озверелости, догматической узости позволило Институту стать своего рода убежищем для нескольких ярких личностей, имеющих достаточные основания до поры до времени не излагать открыто свои убеждения. Имена многих из них громко зазвучали во время «перестройки», некоторые звучат и сегодня.

Думаю, что именно дух Института, сложившаяся и культивируемая в нем обстановка, являются тем самым важным и ценным его наследием, долю которого каждый из его сотрудников мог получить в ИЭМСС и в меру сил и желания попытаться преумножить.

Л. Фокина

О волейболе

Совершенно уникальное «сообщество» сложилось среди сотрудников ИЭМСС – любителей волейбола. Волейбольная секция была создана в 1964 г. еще на «Ярославке», когда в одном здании с нами располагался и Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук. Местные комитеты обоих институтов, заботясь о здоровье своих сотрудников – любителей волейбола, на паритетных началах (выделяли деньги на оплату) арендовали спортзал в школе № 277 возле ВДНХ. Кроме того, кто-то из ИМЭМО рекомендовал также пригласить для проведения занятий по лечебной физкультуре спортивного тренера, мастера спорта очаровательную Валентину Васильевну. Таким образом, в отчетах профсоюзных комитетов обоих Институтов значилась работа двух секций.

Играли в волейбол два раза в неделю после работы, с 18 час. 30 мин. до 21 час. Для удобства дружно выбрали для волейбола один день, который считался присутственным для ИМЭМО, т.е.

понедельник, другой – присутственным для ИЭМСС – четверг. Как правило, спортивные занятия начинались с получасовых физических упражнений. Их посещали все, и те, кто хотел как-то приобщиться к физкультуре, и те, кто жаждал именно поиграть в волейбол. Такие упражнения служили своего рода даже необходимой разминкой, «разогревом мышц» для игры в волейбол. На занятия обеих секций из двух Институтов собиралось человек 25–30. После того, как заканчивались занятия по лечебной физкультуре, «чистые физкультурники», не умеющие играть в волейбол, не всегда покидали спортзал и становились зрителями волейбольных поединков, настоящими болельщиками, отдавая свои предпочтения какой-либо из команд, что добавляло стимул и азартность волейболистам.

В конце 1964 г. на работе в ИЭМСС появился новый сотрудник, заведующий сектором политических проблем Бутенко А.П. Он, молодой, энергичный и спортивный, узнав о существовании волейбольной секции и будучи большим поклонником этой игры, тут же примкнул к играющим волейболистам и сразу внес организационную струю в секцию. Оценив его яркие организаторские способности и общий достаточно приличный уровень владения игрой в волейбол, все дружно избрали Бутенко А.П. «пожизненным» капитаном волейбольной команды ИЭМСС.

Как правило, желающих поиграть в волейбол набиралось больше, чем на две полноценных команды (в каждой команде играют по 6 человек). Тогда создавали три, а, порой, даже четыре команды, но не из 6, а четырех игроков. В этом случае вступало в силу следующее правило: игра шла до счета не 15 победных очков, а до 10. В результате укороченных партий приходилось несколько меньше по времени ожидать своей очереди играть другим командам.

Пока до 1970 г. оба Института (ИЭМСС и ИМЭМО) находились в одном здании на «Ярославке», количество желающих играть в волейбол постоянно увеличивалось. Из-за того, что частенько играли в четыре команды, не всегда всем удавалось в полную силу «наиграться» в волейбол. Надо сказать, что также не всегда удавалось укомплектовать команды относительно равными по силе и владению волейбольной техникой игроками, что давало фору какой-нибудь из команд. Однако, чтобы игроки других команд не превращались в постоянных болельщиков, ожидая своей очереди играть с победившей командой, было введено еще одно железное правило: победоносная команда играла не больше трех игр подряд. Даже в случае своего очередного третьего выигрыша команда вынуждена была покинуть площадку, ее игроки превращались в болельщиков, а в игру вступали сразу две ожидавшие очереди команды.

Среди «иэмэссесовских» физкультурников, приходивших только на первую часть занятий выделялись: Людмила Тягуненко, Валечка Шабунина, Наташа Кручинина (впоследствии Наташа тоже приобщилась к волейбольной команде) и др.

Как это ни странно, но оказалось, что среди волейболистов из ИМЭМО преобладали мужчины: В. Шундеев, В. Шинаев, В. Котов, К. Варенцов, Н. Коликов и др. Но была и одна женщина Ирина Зорина, прекрасно игравшая в волейбол. Напротив, среди любителей волейбола из ИЭМСС большинство составляли представители женского коллектива: Л. Савостина, Л. Фокина, Т. Чеклина, А. Дикунова, Л. Валентинович, А. Жилко, Л. Макарова, Е. Сидельникова, А. Ромашова и другие.

В летнее время, когда школа закрывалась на каникулы, а играть в помещении становилось слишком жарко, наши волейбольные баталии все же не затихали. Удавалось договариваться с директором профсоюзного стадиона «Труд», расположенного

вблизи Института, об использовании нами волейбольной площадки. Так что фактически волейбольная дружина играла круглый год.

Одной из сложившихся традиций стало после игры заглянуть всей волейбольной компанией в ближайшую кафешку на кружечку пива. Мужчины как истинные джентльмены «скидывались», как мы называли, на «пивичко» и какую-нибудь легкую рыбную закуску и угощали женщин. Здесь за столом сначала шел «разбор» волейбольных игр, кто как играл, почему выиграла или проиграла та или иная команда. Позже, когда начинал несколько сказываться излишний «подогрев» от пива, разговор переключался на разные темы, затем следовали шутки, анекдоты и даже всевозможные «подколы» и «приколы», намеки на взаимные симпатии, и не только волейбольные, между волейболистами и волейболистками. Всем было хорошо и весело, все воспринималось с добрым настроением и юмором.

В 1969 г. после переезда ИЭМСС с Ярославки на Новочеремушкинскую улицу произошло много перемен в волейбольной секции.

Во-первых, пришлось отказаться от услуг мастера спорта Валентины Васильевны. Профсоюзный комитет в целях экономии выделял деньги только на аренду зала, уже не было инвестора в лице ИМЭМО. Поэтому осталась функционировать лишь волейбольная секция без ЛФК.

Во-вторых, к большому сожалению, особенно женской половины, пришлось расстаться с сильными игроками из ИМЭМО, который еще около двух лет продолжал находиться на Ярославской улице пока достраивалось новое здание на Профсоюзной улице.

В-третьих, и это, пожалуй, главное. В 1969 г., когда ИЭМСС возглавил новый директор О.Т. Богомолов, на работу пришло

много молодежи, среди которой оказалось немало любителей волейбола, в том числе молодых ребят. С их приходом в секцию соотношение мужчин и женщин в нашей волейбольной дружине изменилось в пользу сильного пола. Она пополнилась такими сильными игроками, как В. Зарецкий, С. Кулешов, А. Некипелов, Б. Фомин, И. Ермаков, О. Дзыза, Л. Клепацкий и другие. Некоторые научные сотрудники, услышав о «легенде» про волейбольную секцию, в частности о каких-то особых отношениях между волейболистами, которых объединяла любовь к волейболу, из любопытства, но и с некоторой опаской тоже захотели посещать волейбольные разминки. Однако, не все они, сыграв не более двух – трех игр, оставались в секции. Причины на то были разные: либо приходилось удостовериться, что играть в волейбол они просто не умеют, либо им мешали амбиции, либо им не удавалось найти своего места в уже сложившихся волейбольных тандемах.

Главными «оценщицами», отсортировавшими вновь пришедших игроков в зависимости от их умения играть в волейбол, были две опытные волейболистки – Мила Фокина (имевшая третий разряд по волейболу) и Люба Савостина (игравшая в баскетбол в МГУ). Обмануть их было нельзя, поскольку они только по первому прикосновению новичка к мячу на разминке могли точно определить умеет ли играть в волейбол и на каком уровне тот или иной новичок. Тем более, что были и такие, кто еще до прихода на спортплощадку в Институте не гнушался прихвастнуть, что хорошо играет и даже имеет какой-то разряд по волейболу. Так, однажды на площадке девушки разоблачили и «забраковали» пришедшего поиграть Ю. Головнина, который при том, что обладал хорошим ростом для волейбола, относительно хорошей спортивной формой, играть в волейбол не умел. Правда, Юра сам, убедившись в общем достаточно высоком тех-

ническом уровне других игроков по сравнению с ним, быстро покинул секцию. В то же время многим другим новичкам, пришедшим из любопытства в секцию, очень понравился как наш волейбольный коллектив, так и общая атмосфера, царившая на волейболе, и сложившиеся прекрасные отношения между игроками. Им захотелось по-настоящему научиться играть в волейбол, приобщиться к коллективу. Поэтому они очень внимательно прислушивались к замечаниям сильнейших волейболистов, с энтузиазмом осваивали главные элементы игры в волейбол – подачу, пас, блок, нападающий удар, умение сгруппироваться при падении на приеме мяча после сильной подачи или нападающего удара. Так, в конечном итоге, к игре в волейбол приобщился большой отряд сотрудников, среди которых были: Л. Басс, В. Лавочкин, В. Гзовский, Б. Пугачев, В. Милованов, Ю. Князев, А. Шабалин, Г. Власкин, Л. Вардомский, Б. Шмелев, А. Куприянов, А. Лесенчук и другие.

Несмотря на то, что новое помещение Института на Новочеремушкинской улице было типовым школьным зданием и в нем был спортивный зал на первом этаже, все же для игры в волейбол приходилось снимать спортзал, так как свой зал был занят под библиотеку. Первый спортивный зал, самостоятельно арендованный месткомом ИЭМСС, находился в 10 минутах ходьбы от Института, за кинотеатром «Тбилиси», в здании педагогического училища. Аренда оформлялась месткомом по контракту в виде денежного вознаграждения преподавателю физкультуры педучилища, якобы проводившего с нами занятия. Причем все это было законно, разрешено и удобно для обеих сторон.

Волейбольный сезон, как правило, начинался с началом учебного года в педучилище, в первых числах сентября (к этому времени возвращались и сотрудники Института из отпусков)

и длился по июнь месяц включительно. Но уже в мае месяце играть в спортзале становилось очень душно и жарко, а играть в волейбол на свежем воздухе в летнее время было негде. Вот тогда-то к волейболистам пришла в голову идея своими силами построить волейбольную площадку на территории, примыкавшей к «черному входу» Института. Местком оказал секции большую поддержку в этом деле, помог приобрести необходимое количество песка, гальки под площадку, железные стойки для натягивания волейбольной сетки, саму волейбольную сетку, волейбольные мячи. Был нанят также каток для утрамбовывания площадки. Однако неожиданно для волейболистов в один из дней, когда они не играли в волейбол, эту площадку заасфальтировали, чтобы на ней могли играть еще и любители тенниса. Конечно, волейболисты испытывали при игре на асфальте ряд неудобств, так как были ограничены в движениях из-за страха при падении, особенно при защитных приемах, получить травмы. Но все же было здорово, что волейбольная жизнь продолжалась и в летнее время, да еще на свежем воздухе.

Все игры в волейбол отличались большим накалом страстей, чрезвычайной эмоциональностью, проходили азартно, шумно, в спорах до хрипоты, особенно с теми, кто выступал в роли судьи (порой, это был играющий судья). Но самая главная особенность состояла в том, что на спортплощадке мы все были игроками, а не научными сотрудниками. Поэтому во время игры мы напрочь забывали, что А.П. Бутенко – доктор наук, профессор, зав. отделом, а И. Ермаков - кандидат наук, заведующий сектором, А. Шабалин – кандидат наук, Ученый секретарь Института и т.д. Рядовые сотрудники-волейболисты позволяли себе даже прикрикнуть на них, если, предположим, А. Бутенко или И. Ермакову не удавалось результативно реализовать пре-красно выданный им пас.

Еще одна уникальная традиция сложилась на волейболе, когда приходилось коротать время, ожидая очереди поиграть, если на волейбол приходило одновременно много игроков и тогда создавалось 3 или 4 команды. Поскольку арендованные спортивные залы, как правило, располагались в типовых школах и по своим размерам практически совпадали с размером волейбольной площадки, т.е. 18 на 9 метров, то ожидавшим очереди волейболистам, в то время как играли две другие команды, не оставалось даже места где-то притулиться в зале. Но, как говорится, голь на выдумки хитра. Было придумано следующее. Спортивные маты, которые находились в зале и мешали играть в волейбол, мужчины-волейболисты оттаскивали в маленький коридорчик перед спортзалом. Вот их-то и использовали игроки, ожидающие своей очереди. Кто лежал, кто сидел на них. Однако ожидание частично расслабляло спортсменов. «Расслабуха» состояла не только в том, что за время ожидания, естественно, улетучивался достигнутый во время разминки разогрев мышц рук и ног, столь необходимый для спортсменов любого вида спорта, а также в том, что на матах продолжалось общение, как правило, в шутливой форме. Рассказывались анекдоты, разные смешные истории. Чтобы окончательно не замерзнуть на спортивных матах, ожидавшие своей очереди играть в волейбол, порой, устраивали игрища в виде спортивной борьбы, невинных легких шалостей и т.д. Разговоры об этом потом становились притчей во языцах среди научных сотрудников Института.

Очень важную роль в сплочении волейбольного коллектива играла спортивная раздевалка, особенно после матчевых соревнований. Она служила не только местом переодевания волейболистов в спортивную форму и обратно, но также и банкетным залом. Здесь, как правило, отмечались дни рождения и другие знаменательные события в жизни игроков, такие как присуж-

дение кандидатских степеней, возвращение на волейбольную площадку тех спортсменов, которые уезжали на длительное время работать в Торговые представительства и Посольства за рубежом и др. Для того, чтобы отметить подобные события, приходилось заканчивать игру минут на 30 раньше обычного, поскольку дежуривший в здании вахтер строго отслеживал наше обозначенное время спортивных занятий, и в 21 час закрывал за нами двери на все замки. Во время таких торжеств все волейболисты, переодевшись, дружно собирались в женскую, как нам казалось, более уютную раздевалку. Мужчины составляли скамеечки, которые служили импровизированным столом, а женщины резали хлеб, колбасу, сыр, в общем разную закуску, которую приносил «виновник торжества». Иногда, когда отмечался чей-то день рождения, Славочка Лавочников приносил магнитофон с хорошими музыкальными записями, которую не только слушали, но под которую даже танцевали. В общем, веселились по-молодежному. Но какой же день рождения обходится без подарка? Поэтому, конечно, в нашем волейбольном коллективе было принято обязательно вручать подарки по случаю торжества. Но всегда они были чисто символическими, с какой-либо подоплекой или юмором. В этой связи нас очень выручал магазин – «Галантерея», что находился напротив Института. Именно там, где продавалась всякая мелочевка, мы приобретали какую-нибудь дешевенькую, но оригинальную штучку для подарка.

Вспоминается день рождения А.П. Бутенко – нашего неизменного капитана, его 50-летие. В качестве подарка волейболисты преподнесли ему вязаную белую майку (кстати, в ней можно было играть в волейбол). Ее главная ценность состояла вовсе не в цене (а стоила она порядка не более 2–3 руб.), а в том, что придумали волейболисты на ней изобразить. С помощью разноцветных фломастеров в середине майки было нарисовано боль-

шое сердце, пронзенное именной стрелой, на которой, в виде как бы гравировки, было написано имя «Мила Фокина». Уже к этому времени фактически ни для кого не было тайны об обоюдных симпатиях Анатолия Павловича и Милы (впоследствии они официально зарегистрировали свой брак). Кроме того, на майке вокруг рисунка все волейболисты поставили свои подписи. Получился очень симпатичный и необходимый коллаж, который с радостью одобрил и сам именинник. До сих пор я храню эту подарочную майку как реликвию и воспоминание о прекрасной молодости, волейбольном хобби и любви. Одновременно, в том же магазине был куплен пустой бланк «ДИПЛОМ МАСТЕР ЗОЛОТЫЕ РУКИ», изготовленный в Издательстве «Плакат». Юбиляру на этом дипломе волейболисты написали с присутствующим юмором: «Аятолле Пальчу Бутэнке». «Имеющему руки, творящие добро, принимающие любые волейбольные подачи и разящие насмерть врагов развитого социализма». Причем вручаемый «Диплом» как якобы официальный документ был подписан, как тогда было принято, «треугольником» в лице трех волейбольных граций: Л. Валентинович в качестве заместителя капитана (капитаном был сам А.П. Бутенко), Л. Фокиной как начальником команды и Л. Савостиной как секретарем.

Нельзя не вспомнить также о подарке, который подготовили исключительно мужчины-волейболисты, на 30-летие Любочки Савостиной. Они сделали альбомчик с сочиненными ими стихами в честь юбилярши. Название альбома выглядело так: «Л Ю Б О В Ъ, или один день из жизни женщины, сотрудницы и спортсменки (Роман со стихами, песнями и картинками)». Оформление каждой страницы этого альбома заслуживало особого внимания, поскольку представляло собой тщательно продуманные и подобранные вырезки из разных зарубежных журналов, порой с эротическим оттенком. Вот некоторые выдержки

из этого альбома, который любезно согласилась предоставить Любочка Савостина для данного текста об институтской секции волейбола. Цитируем:

«Вот Саша Некипелов предлагает сочинить ей приятный комплимент в форме красивого куплета и спеть его:

Тебе, о Любочка, что ныне
Нам в сердце льешь здоровья свет,
Спортивной навсегда святыне
Мы шлем свой пламенный привет».

В конце альбома мужчины написали: «Неудачливые претенденты (речь шла о тех, кому не удалось сыграть в команде с прекрасной Любой, обладавшей великолепным пасом), объединившись, хором поют :

Прекрасно солнце в час, когда со свежей силой
Приветом утренним взрывается восток,
Но больше всех блажен лишь тот, кто с Любой мог
Благословить закат державного светила
И миг победы волейбольной разделить».

На сей опус-посвящение Любочке Савостиной мужчин-волейболистов вдохновили мировые шедевры творений Бодлера, Шамфора, Есенина, Пруткова, Ключевского, М. Ножкина, Канта и др., в чем они сами признались в подаренном альбоме.

Были и другие смешные эпизоды, связанные с отмечаемыми днями рождения. Так, однажды Ю. Князев пришел на волейбол с бутылочкой красного вина и фруктами, заявив всем, что ему тоже хотелось бы услышать в свой адрес посвящения, так как у него сегодня день рождения. Волейболисты, не осведомленные заранее об этом событии, оценив желание Юры, как белую зависть к тем, кому уже оказывалось не раз подобное внимание,

постарались экспромтом сочинить на все лады в адрес Юры хвалу и разные хохмы, чтобы убажить именинника.

Большое внимание нашей волейбольной секции уделяла Л. Попова, отвечавшая в месткоме за спортивную и культурно-массовую работу. Она не только иногда приходила посмотреть на наши спортивные занятия, но к тому же старалась вовлечь волейбольный коллектив в межинститутские соревнования по волейболу в рамках Академии наук. Однако график таких соревнований не очень устраивал наших сотрудников. Поэтому волейболисты в угоду представителю Профсоюза согласились, но лишь на проведение некоторых товарищеских встреч. Поскольку о времени и месте товарищеских матчей можно было конкретно договариваться непосредственно со своими партнерами, то выбор был удобен для обеих сторон. Так, судьба вновь свела наших игроков в товарищеских матчах с волейболистами из ИМЭМО. Общий счет этих спортивных встреч с бывшими коллегами в итоге оказался равным. А вот несколько товарищеских игр с волейболистами из Института физики земли, проведенных на их спортплощадке, закончились (ура!) общей победой волейбольной команды ИЭМСС.

К сожалению, начало 80-х годов сопровождалось «темной полосой» в жизни волейбольного коллектива. В 1981 г. прямо во время игры многие заметили, что произошло что-то неладное с А.П. Бутенко. Он никак не мог принять летевший в его сторону мяч. Мяч ударялся то об его голову, то плечо, а он не в состоянии был защититься, что для волейболиста такого уровня, как А. Бутенко, было совершенно несвойственно. Значит, решили волейболисты, что-то случилось с его координацией. А.П. Бутенко сам не мог взять в толк, что происходит с ним. Конечно, игру сразу приостановили, а его срочно отправили домой. Это произошло в конце апреля, в канун череды майских праздников.

Поэтому, только выйдя на работу после 9 мая, мы узнали, что А. Бутенко госпитализирован в академическую больницу с диагнозом инсульта. Затем последовала операция на сосудах головного мозга, после которой наш капитан к общему большому сожалению уже не вернулся на волейбольную площадку.

В течение 1982–1985 гг. волейбольная дружина ИЭМСС тяжело перенесла потерю подряд трех своих постоянных игроков. Сначала трагически погиб во время летней геологической экспедиции В. Гзовский. Затем несчастный случай произошел с В. Лавочниковым. А на кануне 40-летия дня Победы Великой Отечественной Войне (май 1985 г.) мы простились с В. Зарецким, умершим после коварной болезни, сразившей его после длительной командировки на Мадагаскар.

Надо сказать, что отчасти численная компенсация выбывавших по разным причинам наших игроков достигалась за счет приглашения в команду новых спортсменов, как правило, являвшихся друзьями или родственниками наших волейболистов. Так, в команду пришел Олег – брат С. Салычева, который сам когда-то играл за команду ИМЭМО, а затем влился в наши ряды. В свою очередь, Олег Салычев с нашего согласия привел в наш коллектив двух своих приятелей, неплохо игравших в волейбол. Кроме того, мы разрешили играть некоторым «пришлым», как мы называли тех, кто когда-то, проходя мимо школы, наблюдал в окнах спортзала нашу волейбольную игру и соблазнился поиграть с нами. Среди них были Лева Морозов, В. Цалиев, ставшие затем постоянными и относительно надежными игроками.

В начале 90-х годов волейбольная секция Института, как впрочем и вся наша страна, переживала особенно сложный период. Многие сотрудники Института, в том числе и часть наших волейболистов, покинули его стены в поисках другой более оплачиваемой работы. Другая часть волейболистов, особенно

те из них, которые трудились в Представительствах в странах Центральной и Восточной Европы, после распада СЭВ и мировой социалистической системы перешли на работу либо в Министерство иностранных дел, либо в Министерство внешней торговли. Некоторым бывшим сотрудникам – членам волейбольной секции удалось устроиться работать в коммерческих фирмах или банках. Таким образом, приезжать специально на волейбол у них уже не было никакой возможности, да и не позволял статус. К этому времени в стране научная деятельность перестала быть престижной. В Институт (переименованной в ИМЭПИ РАН) практически не шла молодежь, среди которой могли бы быть потенциальные любители волейбола. В свою очередь, те немногие волейболисты, продолжавшие играть, стали потихонечку сесть, становясь пенсионерами, а из-за болезни частенько пропускали наши волейбольные дни. Поэтому порой уже приходилось играть только в две команды всего по три человека в каждой, а то и вовсе двое на троих, что не приносило прежней удовлетворенности от игры, но все же шло на пользу организму благодаря каким-то спортивным движениям. Так происходило постепенное затухание институтской волейбольной жизни. Самыми верными волейболу до конца остались лишь Л. Савостина, Л. Фокина, А. Жилко, Б. Шмелев, Ю. Князев, Л. Морозов.

Последняя игра в волейбол состоялась где-то в конце мая 1995 г.

Но и сейчас, где бы и когда бы ни встречались бывшие волейболисты, они всегда с такой теплотой, с такой нежностью и радостью вспоминают о своих волейбольных баталиях, о своих особых чувствах и отношениях друг к другу, что окружающие их люди с интересом слушают про наш волейбол, и, не скрывая, по-доброму завидуют.

А. Поляков

Институтская хунгарология

Венгерский язык – экзотическое явление в филологической шкале. По моему нематериалистическому мнению, такая нестандартность (претендует на место в первой тройке языков по сложности изучения и использования) в чем-то сыграла свою роль и в особом месте, которое занимала Венгрия среди социалистических стран – квазирыночные реформы, активное малое предпринимательство, широкая свобода в обмене информацией (кино, журналы, книги, которые в СССР можно было найти только в спецхране или на спецпросмотрах) и т.д.

Специалисты-страноведы со знанием венгерского языка формировали узкий круг людей и были в Москве на перечет. Одной из их баз в столице, причем самой демократичной и интересной, был Институт экономики мировой социалистической системы Академии наук, который собрал целую плеяду интереснейших политологов и экономистов.

Специалистов со знанием венгерского языка готовили точно в очень немногих институтах Москвы – два из них – МГИМО и МГУ были источником страноведов-хунгарологов, приходящих в ИЭМСС. В МГУ была своя особая база – кафедра экономической географии зарубежных социалистических стран, которую возглавлял и пестовал многие годы директор Института, академик О. Богомолов. Здесь стартовала моя карьера в хунгарологии, причем с изучения венгерского языка по памяtnому учебнику военных переводчиков издания 50-х годов, где ключевыми стартовыми терминами были «разрешите доложить», «парад» и т.д. Этот архаичный лексикон удалось преодолеть только за счет живых поездок в Венгрию на 3 и на 4 курсах. Распределение после кафедры в Институт считалось престижным и успешным, хотя работа и начиналась с испытательной должности – стажер-исследователь. Из МГУ в Институт на венгерские исследования в разные годы пришли Д. Марков, Ю. Монич. Из МГИМО подтянулись С. Глинкина, А. Забелин.

Хотя специалисты по Венгрии изначально растекались по всем отделам и секторам Института, со временем незримая рука венгерской экзотики и Марины-Искры Усиевич собирала их под флагом венгерских исследований. Меня под этот флаг затянуло и особое стечение обстоятельств не без участия всевидящего ока ЦК КПСС, которое рассматривало и числило Институт ключевым консультантом по всем политическим, экономическим и социальным вопросам стран социалистического лагеря. Этот статус давал многие преимущества в информационных и научных контактах с этими странами, в том числе за счет закрепления за сотрудниками Института двух должностей в Посольствах и Торгпредствах СССР во всех социалистических странах.

В 1980 г. началась подготовка к внедрению целенаправленных мер демографической политики (Постановление ЦК КПСС

и Совмина СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющих детей» от 22.01.1981), в которой Институт сыграл свою роль в качестве аналитика уже имеющегося положительного опыта восточноевропейских стран. Записку в ЦК КПСС по данному вопросу мой начальник – в то время заместитель директора Института Микульский К.И. – поручил подготовить мне. Опыт и профессионализм Константина Ивановича, а также поддержка коллег (В. Гзовский, Л. Дегтярь) позволили собранную мной многообразную информацию изложить кратко и логично на 5 листах и представить в международный отдел ЦК КПСС как позицию Института по демографической политике соцстран.

Этот мой первый опыт научно-практической работы имел далеко идущие последствия, так как через некоторое время директору Института позвонили из ЦК КПСС и поблагодарили за интересный и полезный материал, что наложилось на обсуждение плановой замены представителя Института в Торгпредстве СССР в Венгрии. Ответом было – а почему бы не послать этого молодого специалиста, ведь он знает венгерский и даже может писать записки «наверх». Опытная и благожелательная Марина Усиевич, как куратор венгерского направления, проведя короткое собеседование, благословила меня на новую работу. Я ей признателен как за это доверие, так и за последующий патронаж профессиональный и чисто человеческий в течение моей последующей работы в Институте и защиты диссертации. Этот человек всегда пользовался заслуженным авторитетом в Институте и в своей любимой Венгрии, где ее принимали в любых кабинетах, включая руководителей страны, которые знали, что Усиевич настоящий друг и поклонник Венгрии.

Так началась моя «венгерская» командировка и жизнь с 1981 по 1987 г.

Представитель Института формально находился в длительной командировке по линии Министерства внешней торговли и работал в экономическом отделе Торгпредства, но пользовался при этом большой независимостью и всегда жил в основном по своему графику и плану. Главная задача – быть в курсе последних экономических идей среди ученых и практиков в государственном аппарате Венгрии. Имя Богомолова и Усиевич, которые считались друзьями Венгрии и защитниками венгерских реформ, открывали многие двери. И я совсем молодой парень мог рассчитывать на интереснейшие дискуссии с нестандартно мыслящими экономистами и политологами (Я. Корнай, Т. Лиска, Л. Лендьел), с высокопоставленными управленцами в Госплане, Национальном банке, Министерстве промышленности, Министерстве финансов, с реформаторами из Венгерской социалистической рабочей партии (Р. Ньерш, И. Пожгаи), идеологами последующих либеральных и демократических реформ в Венгрии конца 80-х годов (Союз свободных демократов, Союз молодых демократов).

Ежегодно Институт собирал своих представителей в Посольствах и Торгпредствах на совещание, которое всегда было своеобразным информационным «штурмом», когда в течение нескольких дней самые свежие и конфиденциальные новости разных стран от Китая до Югославии выливались в интереснейшие дискуссии по реальной политике в этом огромном регионе мира. Интересы Института за рубежом представляли многие сотрудники, имена которых сегодня можно встретить в руководстве Академии наук и академических институтов, среди менеджеров в крупных компаниях и банков страны, среди кадровых дипломатов. И в этом во многом заслуга Института и тех возможностей, которые он предоставлял в плане профессионального роста.

Работа в Венгрии стала незаменимым опытом познания иных жизненных, политических, экономических, социальных альтернатив по сравнению с господствовавшими взглядами в СССР, что позволило мне в последующем вести активные дискуссии в Институте или с западными учеными, когда я уже стал членом европейских ассоциаций экономистов по проблемам труда и демографии, или стажировался в Лондонской школе экономики в 1992 г.

Шесть моих венгерских лет совпали с чередой траурных изменений в советском руководстве. Хорошо помню почти регулярные приспущенные флаги на советском посольстве и очереди венгров, идущих оставить записи в траурных книгах после смерти Брежнева, Андропова, Черненко. Эти изменения, плавно перешедшие в перестройку Горбачева, подстегнули внутривнутриполитические дискуссии в Венгрии и ее последующий быстрый и безболезненный сдвиг в сторону европейских демократических и либеральных ценностей.

Венгерская практика уже тогда познакомила меня со многими терминами и понятиями, пришедшими в российскую повседневную жизнь много позже – частный предприниматель, система упрощенного налогообложения, налог на добавленную стоимость, частный ресторан, валютный курс, валютные резервы и т.д. Сама работа в Торгпредстве и необходимость направлять периодически в Институт, в ЦК КПСС, в Минвнешторг отчеты о встречах, новациях в экономике, управлении научили меня коротко, концентрировано и доступно излагать информацию, собственные мысли и оценки. Это всегда помогало мне в жизни, в том числе и при резком профессиональном повороте, когда я в 1993 г. сменил работу ученого-страноведа и специалиста по ряду социальных проблем (трудовые миграции, политика занятости и т.д.) на банковскую карьеру, в которой прошел от

уровня экономиста до руководителя подразделений, отвечающих за бюджетное и стратегическое планирование в ряде крупных российских банков.

Одна из интересных встреч, порожденная венгерским опытом и языком, произошла в конце 80-х годов, когда в Москву для обсуждения работы его Фонда приехал известный американский финансист венгерского происхождения Джордж Сорос, который будучи ярким сторонником нарождающейся в СССР частной инициативы попросил своих партнеров, чтобы все организационные вопросы его пребывания в СССР взяла на себя какая-нибудь частная структура. По воле случая этой структурой оказался кооператив, созданный моими друзьями, которые попросили им помочь. И вот я встречаю Сороса в аэропорту Шереметьево за рулем своей машины. Хорошо помню как Джордж (или Дьердь, как когда-то называли его родители еще в Венгрии) был поражен, что встречающий его человек говорит не на плохом английском, а свободно на его родном венгерском языке. Это удивление сопровождало все три дня нашего общения в Москве. Вот так я близко познакомился с человеком, ставшим известным на весь мир как самый успешный валютный игрок после того, как он в 1992 г. «сыграл» против фунта стерлингов, обвалив его курс и заработав на валютных операциях более 1 млрд долларов.

Венгрия дала возможность, что, как я понимаю сейчас, особенно важно, близкого общения с ведущими учеными Института, которые не упускали возможности приобщиться к опыту самого нестандартного социализма. С теплотой и признательностью вспоминаю встречи с Р. Евстигнеевым, О. Лацисом, И. Ушкаловым, И. Орликом и другими коллегами по работе, которые щедро делились знаниями, мыслями и интересными наблюдениями, позволявшими более широко и свободно смотреть на мир.

До сих пор по жизни меня и мою семью сопровождают венгерские атрибуты и знаки – суп гуляш (любимый и готовящейся неизменно в котелке на костре), токайские вина, озеро Балатон, венгерская салями (имеющая особую рецептуру), битер-ликер Уникум (неплохо лечит язву и обладает редким букетом ароматов), татар-бифштекс (с удовольствием поедаемый под пиво сырой фарш из свежей говяжьей вырезки). Многие до сих пор любимые фильмы были увидены впервые на венгерском языке в Будапеште – «Ганди», «Легенда о Нараяме», «Последнее танго в Париже», «Скрипач на крыше», «Выбор Софии», «Пролетая над гнездом кукушки».

Институт подарил мне знакомство с Венгрией и сделал меня на всю жизнь немножко венгром, сейчас такие подарки уже редкость, если вообще не раритет.

А все-таки помнится...

Каюсь, польстился предложением насчет воспоминаний о времени своём в ИЭМСС (как же: не совсем тебя забыли...). Но, смилив лукавую гордыню, поразмыслив, – немало засомневался. О чём, собственно, вспоминать? О научных открытиях? О друзьях, теплоте взаимных отношений по службе? Увы, ни то, ни другое в памяти не отложилось.

Так о чем же писать? О своих квазитеоретических тщаниях по «включению» Народной Польши в парад стран «развитого социализма» – к вящему смущению Анатолия Павловича Бутенко, тогдашнего стража-истолкователя этого самого «развитого»? Или о плановых и внеплановых (срочных) записках в Инстанцию по части политико-идеологической сомнительности «польского социализма»? Но и в подобном жанре – наиболее поощрявшемся – преуспеть мне не пришлось. Едва ли не все подобные изыски дальше письменного стола заведующего Отделом Яна Богумировича Шмералья не продвинулись. Не

уверен, что и он, не менее других институтских светил проницательный аналитик тенденций «мировой соцсистемы», извлекал из тех писаний что-либо стоящее. Словом, сокровенное «я помню...» на сей раз не вдохновляло и опрометчивое обещание сомнительного «мемуариста», казалось, простится-забудется.

* * *

Но снова позвонил Коля Бухарин: так надеемся, ждём обещанного. И опять, уже от обратного, одолело сомнение: так уж и не о чем, достойном внимания, вспомнить?

Ну – хотя бы о том же Николае Ивановиче, некогда молодым, не по летам вдумчивом, подающем большие надежды аспиранте, о переводе которого в сектор ПНР ходатайствовал перед дирекцией Института тогдашний его радатель. Недавно передал ему, солидному мужу науки, случайно обнаруженную в моих бумагах сорокалетней давности машинокопию упомянутого ходатайства... Кстати, в те же 1970-е оба мы – восходящий тезка трагического «любимца партии» и автор этих строк отметились в издательстве «Наука» своими книгами. Н.Бухарин – о польской интеллигенции, я – о польском патриотизме, разумеется – социалистическом («Польша: отечество и социализм», 1977). Прохождение обоих сюжетов от проекта до «эффекта», при тогдашней цензурной бдительности, особо ревнивой к не вполне каноничному социализму в соседней стране, не было беспроблемным. Не знаю о деталях – перипетиях на пути в свет рукописи Николая. О своих же собственных не забыл и поныне. Примечательны те не только в личном житейском опыте, но, полагаю, не лишние для пущего уяснения самой «развитой» и «зрелой» эпохи, в атмосфере которой творить довелось.

Итак, помнится, получаю из издательства верстку, с неожиданным «конвоем» – закрытой рецензией (автор, как выясни-

лось, — известный в ту пору, непререкаемый в официальных кругах ученый-полонист, крупный исследователь о поляках в Октябрьской революции). Тот напрямую не перечеркивал работы, даже поощрил ее пафос в части польско-советской дружбы. Но его 74 (!) критических пункта-тезиса о недосмотре автором «классового солидаризма», «ревизионистских поползновений» в общественной мысли современной Польши повергли меня в шок. Последней ядовитой каплей в сей горькой чаше было заключительное суждение, а точнее, альтернатива заглавию рукописи: «Польша: социализм и интернационализм». Большого упрощения, если не опошления моей темы, а главное — национального мировосприятия, достоинства братьев-поляков, включая коммунистов, нельзя было и представить. Слишком прозрачным виделся дальнобойный прицел канонадного залпа рецензента-«анонима»: завалить работу. Надо было бороться, спасти свое детище. Но по неопытности, наивности автор не нашелся на продуманную оборонительную тактику, ринувшись в острую, «опровергательную» полемику с авторитетным оппонентом. Дело усложнялось полной солидарностью с тем последним главного редактора издательства, вчерашнего сотрудника цековского агитпропа, взявшего под строгий личный контроль дальнейшее прохождение рукописи. Тот, раздраженный запальчивой неуступчивостью автора, попытался заручиться поддержкой своих сомнений по обсуждаемому предмету в «польском» секторе ЦК КПСС. Правда, на Старой площади, к чести тогдашнего «зава» П.К. Костикова, к вопросу отнеслись нейтрально — мол, разбирайтесь сами. Тем не менее вспыхнувший перед книгой красный свет застыл, казалось, намертво и вряд ли переключился бы на зеленый, если бы...

Здесь в самый раз вспомнить признательным словом Игоря Ивановича Орлика, тогдашнего заместителя директора

Института, ответственного редактора «конфликтной» рукописи. Перед тем, доверяя и уважая суверенитет автора, не очень он свирепствовал над ее содержанием, ограничившись несколькими уместными замечаниями, парой дельных советов. Тактичное его вмешательство в конфликт, малость компромиссная, по необходимости, уступчивость в споре сторон и уберегли автора от полного поражения, – работа над книгой вышла на финишную прямую. Нынче с теплотой, не без грустного юмора, вспоминаю в той каверзной ситуации сокрушенное, почти отеческое увещание старшего коллеги и добрейшего начальника: вроде того, что и лет тебе набегает и лысина пристойная, пора бы и поумнеть, научившись и возражать, и убеждать.

Но приключения с книгой на том не закончились. С появлением корректуры милейшая Светлана Давыдовна Какузина, издательский редактор, – с ней работалось при полном взаимном понимании – показывает предлагаемую художником обложку с изображением на лицевой стороне высотного Дворца науки и культуры, советского подарка Варшаве (так сказать интернационализм в действии...). Насколько далёк был сей образнамёк потаенно патриотическому настрою поляков! Было снова от чего растеряться, заволноваться. К счастью, до очередного препирательства не дошло. При обоюдном согласии автора и редактора предложен встречный, этически и эстетически ближе соотносимый с книгой художественный символ: бронзовый лик мятежного Фредерика Шопена в Лазенках, а ниже, полукольцом у постамента – отрешенные лица плененных чудной музыкой варшавян. С таким вот образом польского Отечества вскоре и засветилась наша работа на книжных прилавках.

Иногда, по истечении лет, взираю, смущенный (иные времена – иные песни...), на это единственно памятное своё творение в Институте. Не обогатившее сокровища советской, тем более,

российской полонистики. Но автору – близкое, воскрешающее в душе трепетные звуки шопеновских мазурок, полонезов...

* * *

Позднее, распрощавшись с польским Отечеством, вернулся я в свое исконное – Беларусь. Тот возвратный путь блудного сына также пролег через Дом на Черемушкинской... Но это – иная тема.

И. Орлик

40 лет на Новочеремушкинской, 46

В кратком очерке, конечно, не изложишь даже наиболее важные события жизни за сорок лет. Поэтому «из копилки памяти» приходится отбирать что-то, как мне кажется, существенное, определившее и мою работу в Институте, и деятельность самого Института экономики мировой социалистической системы, как его сокращенно именовали ИЭМСС.

В 1969 г. (за год до своего десятилетия) Институт переживал период коренных изменений: новый директор, новая структура, переезд в другое здание и, наконец, главное – значительное пополнение новыми научными сотрудниками.

Первое знакомство

Среди новых сотрудников оказался и я. Почти десять лет я работал в Фундаментальной библиотеке по общественным наукам (с перерывом на длительную командировку в Прагу).

Затем девять лет – в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Очень интересная работа, прекрасное окружение умных, интеллигентных людей, дружественные отношения со многими из них – все это, казалось, не могло заставить меня «от добра искать добра». Но обстоятельства заставили меня подумать о переходе в другой институт.

Дело в том, что летом 1968 г. вышла, подготавливаемая мною много лет монография, посвященная политике западных держав в отношении стран Восточной Европы. Отклики на нее были очень доброжелательные и в Москве, и в ряде восточноевропейских столиц. Чуть позже в авторитетном американском журнале «Орбис» вышла большая статья, автор которой детально охарактеризовал мое исследование и очень лестно отозвался о книге, назвав ее первой объективной работой в советской историографии по этой теме.

Значительно расширив свою монографию разделами по историографии и внешней политике восточноевропейских стран, я собирался представить ее в качестве докторской диссертации для защиты в ИМЭМО. Но здесь сработал негласный «закон очередности». В отделе международных отношений, где я работал, были коллеги старше меня по возрасту и претендовавшие на «очередь» ранее меня, хотя конкретных работ, как это позже выяснилось, у них не было.

Имея практически готовую диссертацию, ждать несколько лет я не хотел, да и не мог даже по материальным соображениям.

Вот здесь и «сработала» судьба. Сам я не предпринимал никаких поисков. Но вдруг поступили два предложения: первое – от директора Института славяноведения и балканистики Дмитрия Федоровича Маркова стать его заместителем; второе – от нового директора ИЭМСС Олега Тимофеевича Богомолова возглавить один из секторов Института. Оба директора знали

меня по моей восточноевропейской специализации (дипломную работу на истфаке МГУ я защитил по истории Румынии в 1952г., а через четыре года там же защитил кандидатскую диссертацию по истории Венгрии).

По престижным и материальным соображениям я стал было склоняться принять предложение Д.Ф. Маркова. Но, имея уже солидный запас знаний и опыта исследований современных проблем стран Восточной Европы, мне более интересен был ИЭМСС. Окончательное решение мне помог принять академик Алексей Матвеевич Румянцев, который был тогда вице-президентом Академии наук СССР. Относившийся ко мне очень доброжелательно и в Праге в качестве шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма» (я там тогда был заведующим Отделом критики и библиографии), и в Москве на протяжении многих лет Алексей Матвеевич мне сказал: «Игорь Иванович, Инслав хороший институт, но уж слишком многопрофильный – там и лингвисты, и литературоведы, и историки и искусствоведы. Вам трудно будет войти во все дела. А у Богомолова Вы продолжите то направление, которым Вы занимаетесь в ИМЭМО у Иноземцева».

После разговора с А.М. Румянцевым я позвонил О.Т. Богомолову, не очень рассчитывая на то, что его предложение остается в силе. Ведь прошло почти полгода после нашего с ним разговора на Ярославской улице, где тогда в одном здании находились ИМЭМО и ИЭМСС.

Олег Тимофеевич согласился продолжить разговор. Так я впервые поздней осенью 1969 г. оказался в доме на Новочеремушкинской, 46, куда перебрался ИЭМСС. Во время летнего разговора я предположительно отдавал предпочтение работе в венгерском секторе. Но за это время ситуация изменилась. На венгерский сектор уже был подобран другой кандидат.

Оставалось румынское предложение. С точки зрения знания страны и языка для меня не было какой-либо разницы. Просто к Венгрии я питал какое-то более теплое (если это можно применить к стране) чувство. А может быть сказывалось мое партизанское прошлое, когда я более двух с половиной лет находился на оккупированной румынами территории и был связным подпольно-партизанской организации. Но все это было в далеком прошлом. А сейчас, в разговоре с Олегом Тимофеевичем меня интересовала научная сторона деятельности сектора, который мне предстояло возглавить.

Все формальности моего перевода из ИМЭМО в ИЭМСС были проведены очень быстро. Директор ИМЭМО Николай Николаевич Иноземцев, с которым мы находились в приятельских отношениях еще по совместной работе на кафедре истории международных отношений МГИМО в конце 50-х годов, а затем в Праге, с пониманием отнесся к моему переходу, хотя и, спустя много лет, укорял меня в «дезертирстве».

В один из декабрьских дней, примерно за две недели до нового 1970 г., Олег Тимофеевич привел меня в большую комнату на четвертом этаже, где располагался тогда сектор Румынии и Албании. Все сотрудники сектора были на местах и, очевидно, знали о приходе нового заведующего. Конечно, встретили меня настороженно. Особенно запомнился несколько суровый взгляд, как выяснилось позже, Ангары Саморуковой. В секторе было 6 или 7 сотрудников, включая и одного «албанца» – Р. Грижаса. Все остальные были «чистые» экономисты с уже устоявшимся профилем специализации. Позже к ним прибавились «политики» Р. Шароватова и М. Мунтян. Как экономисты А. Саморукова, Н. Фейт, Е. Июдина, конечно, превосходили меня по знанию отдельных отраслей румынского хозяйства. Но я больше знал о политической жизни страны, ее внешней политике. А главное

– я был знаком с крупными румынскими учеными и политиками, такими, как писатель и философ Михай Раля, писатель И. Попеску-Пуцурь, экономист Н.Н. Константинеску, директор академической библиотеки, математик и историк румынской внешней политики, а позже советник президента Н. Чаушеску и, наконец, министр иностранных дел Румынии Мирчя Малица. Был я знаком и со многими румынскими историками и философами. Все это довольно скоро оказало благотворное влияние на отношения ко мне моих коллег по сектору. Ну и, конечно, довольно приличное знание румынского языка. Так что, насколько я помню, особых сложностей у меня не было «во вхождении во власть». Да я и не пытался как-то проявлять эту власть.

Единственно, что меня немного угнетало, это постоянные записки в «директивные органы». Конечно, они требовали каких-то научных изысканий, анализа данных. Но хотелось чего-то более серьезного в научном отношении, более академического в хорошем, подлинно научном смысле. И я со временем этого добился. Но об этом позже.

Мое знакомство с основным составом института произошло довольно быстро и как-то само по себе. В ИМЭМО я привык к высокому интеллектуальному потенциалу моих коллег, полету яркой мысли в сочетании с блестящим юмором. Поэтому боялся, что в новом для меня коллективе я буду лишен всего этого. Но я ошибся. Яркие личности были и здесь.

Уже на одном из первых заседаний Ученого Совета мне запомнились выступления П.М. Аламбиева, Ю.С. Ширяева, В.Ф. Терехова, А.П. Бутенко, И.В. Дудинского и др. Здесь же я встретил давнего знакомого по кабинету стран народной демократии ФБОН Рубена Евстигнеева. Еще раньше, в студенческие годы я был знаком с Анатолием Бутенко. Мы оба жили в общежитии МГУ на Стромынке.

На заседаниях Отдела восточноевропейских стран я вскоре перезнакомился со всеми страновиками. Некоторых из них я знал еще по Университету и даже по истфаку, как, например, Вальо Шабунину.

Вокруг были приятные люди. Поэтому и дом № 46 по Новочеремушкинской стал довольно скоро близким, а потом и родным.

Наука и практика

И все же полного удовлетворения я от своей работы не ощущал. На одном из заседаний дирекции я попытался обосновать мысль о проведении комплексных страновых исследований. О комплексном страноведении говорил и О.Т. Богомолов. Речь шла об объединении экономического и политического анализа в изучении отдельных стран.

Для этого, как мне казалось, нужно было не только хорошо знать все стороны жизни страны, но и расширить общение с представителями, прежде всего учеными, этой страны. Вот тогда-то, уже через несколько месяцев после моего прихода в ИЭМСС, я предложил пригласить в Москву, в наш институт, группу румынских ученых и провести первый советско-румынский коллоквиум по проблемам двусторонних отношений.

В Президиуме Академии наук, а главное – в Отделе социалистических стран ЦК КПСС эту идею поддержали. Встреча состоялась у нас, на Новочеремушкинской, ранним летом 1970 г.

Вопреки опасениям некоторых членов дирекции коллоквиум прошел успешно, было много интересных докладов с обеих сторон и даже дискуссия. Но ожидаемого мною «комплексного подхода», увы, не получилось. Все свелось к обсуждению прежде всего экономических проблем. Но это и понятно. В разгаре было обсуждение

вопросов подготовки и утверждения Комплексной программы социалистической экономической интеграции, то есть усовершенствования деятельности Совета Экономической Взаимопомощи. Румынское руководство резко выступило против этой программы, не принимая даже само определение «интеграция».

Наш первый советско-румынский коллоквиум, прошедший, кстати, в весьма корректной, даже дружеской обстановке, помог не только выяснить позиции сторон, но и, как мне кажется, повлиять на некоторых наших собеседников, посеять у них сомнения в правильности их упорного сопротивления. Хотя, конечно, все решалось в Бухаресте самим румынским лидером – Н. Чаушеску.

И тем не менее дальнейшее развитие событий показало, что наши усилия не были напрасны. Ровно через год, в начале лета 1971 г., в Бухаресте прошел второй советско-румынский коллоквиум.

Олег Тимофеевич и я прилетели в Бухарест дней за десять до коллоквиума, так как были приглашены на международную конференцию по европейской безопасности. В конференции принимали участие и ученые из ИМЭМО В.И. Дашичев и В.М. Кулиш, с которыми я был знаком.

После завершения конференции оставалось еще два или три дня до нашего коллоквиума. Наши румынские коллеги порекомендовали Олегу Тимофеевичу и мне отдохнуть у моря, пригласив еще кого-нибудь «третьего». Я предложил пригласить В.И. Дашичева. Он согласился. Так начался процесс «приобщения» Вячеслава Ивановича к нашему институту. Через полтора года В.И. Дашичев тоже пришел на Новочеремушкинскую... и навсегда.

Вернувшись с черноморского побережья в Бухарест, мы встретили основной состав нашей делегации, куда входили В.

Шаститко, А. Бутенко, А. Быков и др. К нам присоединилась и Ангара Саморукова, только недавно вступившая в должность первого секретаря нашего посольства в Румынии – официального представителя нашего Института.

Второй советско-румынский коллоквиум прошел успешно, довольно интересно. Блистали знаниями проблем СЭВ и остроумием В. Шаститко и А. Быков. А. Бутенко «подводил теоретическую базу». Правда, румыны уж слишком «запротоколировали» ход дискуссии. Хотя члены румынской делегации владели русским языком, но все выступления переводились. Мой давний румынский знакомый Николае Белли переводил с русского на румынский, а я (не без греха) – с румынского на русский.

Результатами коллоквиума были довольны обе стороны. Это особенно выражал руководитель румынской делегации И. Бадрус, занимавший тогда пост заведующего международным отделом ЦК Румынской рабочей партии. Через некоторое время он стал румынским послом в СССР.

Я далек от мысли считать, что «мой» румынский сектор, а тем более я, организуя эти два коллоквиума, оказали какое-то воздействие на позицию румынского руководства по социалистической интеграции. Но, как бы то ни было, а в сентябре того же года в Москве Программа интеграции была принята всеми членами СЭВ, включая и Румынию. Думаю, что участие румынской делегации во втором коллоквиуме во главе с видным партийным представителем было своеобразной заключительной «разведывательной акцией» перед принятием окончательного решения об участии Румынии в Программе социалистической экономической интеграции.

Ну, а для нашего института опыт двух советско-румынских коллоквиумов, мне кажется, оказался важным для развития научных связей с учеными других социалистических стран.

Последовали аналогичные встречи с болгарами, венграми, поляками и другими нашими зарубежными коллегами из стран Восточной Европы. Не менее важным было и то, что по результатам этих коллоквиумов часто (по нашим рекомендациям) принимались серьезные решения для развития практических направлений взаимоотношений как в рамках СЭВ, так и на двусторонней основе.

Не знаю, чем руководствовался Олег Тимофеевич, когда вскоре предложил мне стать его заместителем. То ли получившая успешное распространение моя инициатива по проведению двусторонних коллоквиумов, то ли, не хвалясь скажу, результативная работа всего румынского сектора, то ли моя защита докторской диссертации в апреле 1971 г. Но, вероятнее всего, это желание директора обновить и укрепить состав своих заместителей.

В конце 1971 г. заместителем директора вместо Ильи Владимировича Дудинского стал Юрий Филиппович Кормнов, опытный экономист, кстати работавший одно время в Румынии. А весной 1973 г., с интервалом в два месяца, заместителями директора стали Юрий Семенович Ширяев и автор этих строк.

Не помню всей процедуры «введения в должность» и чувств, которые я тогда испытывал. Знаю только, что новые направления работы показались мне интересными и соответствовали моей давней идее комплексных исследований. В моем ведении оказались два страноведческих отдела – Восточной Европы и Азии (плюс Куба), в которых проводились и экономические, и политические исследования. Я ведал также отделом идеологических и политических проблем, в котором был и сектор внешней политики.

Кроме того, Олег Тимофеевич возложил на меня руководство зарубежными связями и нашими институтскими представи-

телями в советских посольствах и торгпредствах в социалистических странах.

Объем полномочий был огромным, но сама работа для меня была интересной. В значительной степени она обеспечивалась тем, что во главе отделов находились опытные специалисты, да и просто приятные для меня люди, мои коллеги, а некоторые ставшие и друзьями. Восточноевропейский отдел возглавляли сначала Валентин Терехов, а затем Ян Шмераль. Азию – Марина Тригубенко. Отдел политический – Толя Бутенко. Называю их всех по именам, так, как я обращался к ним тогда, в то далекое время.

Я старался не вмешиваться «по мелочам» в их работу, но, как мне подсказывал мой жизненный опыт, тактично и корректно следил за главными направлениями исследований.

Одним из важных результатов того времени я считаю многотомное издание страновых работ, вышедших в большой серии под названием «Экономика и политика зарубежных стран социализма». Первой, конечно, вышла в 1974 г. книга по Румынии. Пожалуй, это было первое в нашей стране многотомное издание, соответствовавшее замыслу комплексного исследования стран Восточной Европы.

Наряду с многочисленными аналитическими докладами и записками стали выходить и монографические работы, получившие лестные отзывы у нас в стране и за рубежом. Многие из них переводились на языки социалистических стран.

Думаю, что успешная работа института определялась и умелым руководством его директора, и четкими действиями всех его замов, между которыми сложились доверительные дружеские отношения. К сожалению, весной 1977 г. свой пост в дирекции оставил Юрий Ширяев, возглавив Институт СЭВ. Достойной заменой ему стал Владимир Михайлович

Шаститко, перешел на работу в СЭВ и Юрий Филиппович Кормнов.

С Володей Шаститко у меня сложились очень теплые дружеские отношения. Не только потому, что мы оба были ветеранами-фронтовиками, но и по какому-то общему отношению к жизни и к тому времени, в котором мы пребывали. И по отношению к нашим гораздо более младшим товарищам.

«Здравствуй, племя молодое...»

Необходимость серьезного омоложения института хорошо ощущал наш директор. Возглавляя в МГУ кафедру экономической географии зарубежных социалистических стран на географическом факультете, Олег Тимофеевич привел в Институт группу своих учеников, ставших вскоре опытными экономистами-страноведами.

Хотя в моем румынском секторе работали довольно молодые специалисты, я все же попытался подобрать «впрок», «на вырост» совсем молодых, только окончивших вуз. Первым появился Николай Довженко – уникальный полиглот. Затем в аспирантуру была принята Ирина Селиванова, только закончившая истфак МГУ по румынской специализации. Затем появились Андрей Горленко и Василий Виноградов.

Став заместителем директора, я не только ориентировал заведующих страновыми и другими секторами на привлечение молодых, начинающих специализацию сотрудников, но и определяя возможность их длительной (на 2-3 года) командировки в страну их специализации, то есть в посольство или торгпредство СССР.

Месяц за месяцем, в течение первой половины 70-х годов почти в каждом страновом секторе и в отделе политических

проблем появлялись по два-три, а то и более молодых юношей и девушек, пришедших в основном из МГУ, МГИМО или других вузов.

Руководители отделов и секторов все чаще хвалили своих «питомцев»: Володю Фролова, Олега Лушникова, Диму Маркова, Колю Бухарина, Володю Портякова, Наташу Куликову, Светлану Глинкину, Леню Басса. Заведующая сектором политэкономии Светлана Ивановна Нижняя не переставала восторженно отзываться о выступлениях молодого стажера Саши Некипелова. Анатолий Бутенко хвалил своих «новеньких» – Лилию Шевцову и Сашу Ципко. Шаститко не мог нарадоваться приведенным им в институт толковым специалистом по мировым финансам и СЭВу и к тому же остроловом Русланом Гринбергом.

Так что наша «кадровая политика», в том числе и моя, оправдывала себя.

Многие из пришедших в Институт через некоторое время защитили кандидатские диссертации, а затем участвовали в подготовке страновых монографий или издавали свои книги: Некипелов А.Д. Методологические проблемы анализа мирового социалистического хозяйства; Ципко А.С. Некоторые философские аспекты теории социализма; Глинкина С.П. Кооперативы в экономике социалистических стран.

Институтское «молодое племя» обещало стать не только хорошим пополнением, но и в будущем – основой института. Так оно и получилось, хотя время внесло и существенные коррективы.

Из тех молодых ребят (по другому я их назвать не могу), которые проработали в институте несколько лет, дирекция отбирала наших представителей в посольства и торгпредства. В основном это делал сам директор или я высказывал ему свои рекомендации, как отвечающий за это направление в институте.

Из этого «молодого племени» вскоре хорошо себя зарекомендовали Олег Лушников и Володя Фролов – в Чехословакии; Дима Марков, Алеша Поляков – в Венгрии; Леня Цедилин – в ГДР; Саша Некипелов – в Румынии, где он проявил себя не только как хороший дипломат, но и прославился в Бухаресте своими победами на шахматных турнирах.

Некоторые наши питомцы после работы в качестве представителей Института стали крупными дипломатами: Олег Лушников – советник-посланник в Праге; Вася Михеев – на высоких дипломатических постах в ряде стран; бывший наш представитель в посольстве в Пекине Андрей Денисов – ныне первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации.

Хорошо известна длительная дипломатическая служба за рубежом и наших более старших сотрудников: Ангара Саморуковой – в Румынии, Марины Усиевич и Леонида Ягодовского – в Венгрии, Петра Кондрашова – на Кубе и др.

С удовлетворением можно отметить, что за все годы существования нашего институтского представительства за рубежом (всего это более ста человек) не было ни одного отрицательного отзыва о работе наших представителей в посольствах и торгпредствах.

Это, конечно, отрадно. Но не это главное. Самый большой результат их работы заключался, во-первых, в том, что они получали возможность существенного повышения своей квалификации. Во-вторых, и это, пожалуй, главное – Институт получал (а также МИД и МВТ) глубокие аналитические материалы об экономической и политической жизни страны их пребывания.

В течение длительного времени, каждый год в конце марта или начале апреля у меня наступал тяжелый и ответственный период. Я готовился к очередному совещанию наших зарубежных

ных представителей. На основе полученных за год материалов нужно было подготовить обобщающий и оценивающий работу каждого представителя доклад.

Уже после первого проведенного совещания интерес к этим встречам возрастал буквально год от года. Приходили ответственные работники ЦК КПСС, МИД, МВТ и других «закрытых» ведомств.

Все это объяснялось тем, что после выступления О.Т. Богомолова, а затем моего вступительного обобщающего доклада начиналось главное – сообщения о ситуации в странах, глубокий и откровенный анализ, в том числе и негативных явлений как в жизни страны пребывания, так и наших просчетов в политике по отношению к отдельным странам.

Ничего подобного нельзя было нигде ни услышать, ни прочесть. И хотя эти заседания носили полузакрытый характер, некоторые представители из Отдела науки ЦК выражали свое недовольство степенью откровенности на проводимых совещаниях. Все «шишки» в основном сыпались на меня как на организатора и куратора этого направления. Но я, конечно, не мог, да и не хотел «закрывать рот» моим подопечным. Ведь тогда, в 70-е – начале 80-х годов они, по существу, предупреждали, что может произойти и что потом произошло в «мировой социалистической системе».

Зарубежные связи

ИЭМСС не мог бы существовать и нормально работать без непосредственного общения со странами, которые были предметом его исследования. И такие возможности были. Большинство сотрудников выезжали в командировки (подчас и на длительное время) в соцстраны, имели возможность работать в ведомствен-

ных учреждениях, а главное – общаться с зарубежными коллегами из родственных профильных институтов.

Успешно проводились и выезды групп специалистов во главе с директором или одним из его замов. Как правило, это были целенаправленные выезды для встреч с учеными и практическими работниками экономических и других ведомств. Предоставлялась возможность и поездки по стране, знакомства с промышленными предприятиями или сельскохозяйственным производством.

В Институте считали очень важным ознакомление с опытом хозяйствования в странах СЭВ. Особенный интерес вызывала разворачивавшаяся в Венгрии экономическая реформа. Не только наши венгроведы, но экономисты и политики других отделов Института интересовались ходом венгерской реформы. Но «наверху» она вызывала опасения и даже раздражение.

Мы в дирекции решили направить группу наших специалистов (не только венгроведов) для детального ознакомления с положением в Венгрии, прежде всего с ходом реформ. Так как это было по моему «ведомству», то я возглавил эту группу. И вдруг, буквально за 2-3 дня до отъезда из Отдела науки ЦК мне позвонили и настоятельно рекомендовали включить в мою группу .... Директора Института экономики, члена-корреспондента Евгения Ивановича Капустина. Мне, да и всем другим, стало ясно, что наши кураторы из Отдела науки, зная о позитивном отношении всей группы ИЭМСС к венгерской реформе, решили включить «для контроля» известного своими антирыночными взглядами директора Института экономики. С формальной точки зрения мое положение как руководителя группы, стало весьма сложным. Я – заместитель директора, доктор наук должен был взять к себе «в подчинение» директора другого института, да и выше меня по научному званию.

Но все обошлось благополучно. Во-первых, я был давно, еще по университетским временам, хорошо знаком с Евгением Ивановичем. А, во-вторых, в ходе нашей работы (к нам в Будапеште присоединилась Марина Усиевич – представитель института в нашем посольстве) венгерские коллеги были предельно откровенны с нами, поэтому все предварительные результаты реформы, и позитивные, и негативные, стали настолько убедительными, что, по-моему, отчасти поколебали даже догматические взгляды нашего антирыночника.

Не знаю, как Е.И. Капустин представил результаты нашей работы в Отделе науки, но наш доклад по результатам поездки был воспринят с интересом и даже с одобрением.

Запомнилась и другая поездка – в Румынию. Став заместителем директора, я, продолжая руководить работой сектора Румынии, конечно, не мог не содействовать знакомству со страной моих коллег по сектору. Вместе с А. Саморуковой, Н. Фейт, Р. Шароватовой и Е. Июдиной мы сначала несколько дней провели в Бухаресте, встречаясь с руководством и сотрудниками института экономики и Института мировой экономики, а затем совершили интересную поездку в Крайову, Тимишоару и Яссы.

В ходе таких поездок завязывались хорошие деловые, а иногда и дружеские отношения с учеными восточноевропейских стран. Для меня, например, и с профессиональной точки зрения, и просто по-человечески были интересны и приятны встречи в Варшаве с Адамом Ротфельдом (будущим министром иностранных дел Польши), ректором Вроцлавского университета Марианом Ожеховским (также будущим министром иностранных дел), профессорами Веславом Искрой и Мачеем Перчинским; в Бухаресте – с академиками Костином Мурджеску и Тудорелом Постолаке, профессорами Мирчей Малицой (тоже будущим министром иностранных дел!) и

Николае Белли; в Праге – с Николаем Орднунгом, а до 1968 г. – с Ярославом Шедивы (тоже будущим министром иностранных дел Чехии (!), с ним я встречался в Праге в феврале 1998 г. уже в его министерском ранге); ну и, конечно, в Будапеште – с директором Института международных отношений Дьюлой Дьюваи, ректором экономического университета, академиком Иваном Берендом, профессором Ференцем Мучи и другими. Многие из них бывали в нашем Институте и высоко ценили его научную деятельность.

Связи с венгерскими учеными особенно запомнились в связи с моим многолетним участием в советско-венгерской комиссии обществоведов, которую с советской стороны возглавлял вице-президент Академии наук, академик Петр Николаевич Федосеев, а с венгерской – вице-президент Венгерской Академии наук, академик (мой очень давний, с 1951 г., знакомый) Пах Жигмонд Пал. В комиссию, как правило, входили все директора гуманитарных институтов. Не знаю, почему Олег Тимофеевич отказался от участия в этой комиссии, а направил вместо себя меня. Я ему за это очень благодарен, так как это были очень интересные встречи и в научном плане, и по возможности общения с очень интересными людьми; многократные встречи проводились во многих местах Венгрии, а у нас в стране они проходили не только в Москве, но и в Ереване, Баку, Тбилиси, в Средней Азии.

В работе комиссии иногда принимали участие мои коллеги – Марина Усиевич и Леня Ягодовский. Очень теплые, дружеские отношения у меня сложились с интересным человеком, соседом по ИЭМСС, молодым академиком Александром Ивановичем Анчишкиным, с которым мы часто бродили по ночному Будапешту, старинным улочкам Печа или сидя у берега Балатона.

Сдружились мы и с заместителем директора ИНИОН Марленом Гапочкой. Но особой симпатией у меня, да и всех членов комиссии (прежде всего у академика Паха), пользовалась обаятельная Инна Федоровна Зенкевич – помощник П.Н. Федосеева, которая была душой и главным организатором всей деятельности советско-венгерской комиссии обществоведов. Кстати, благодаря ее усилиям многие издания материалов комиссии, доклады и рефераты широко распространялись и с интересом воспринимались в обеих странах.

Друзья и коллеги

Когда я вспоминаю годы прошедшие, особенно 70-е – первую половину 80-х, мне особенно явственно представляется та подлинно товарищеская и даже дружеская обстановка, царившая в Институте. И это не ностальгия по прошлому. Так оно и было в действительности.

И ее в значительной степени определяли мои коллеги, ставшие друзьями – Юра Ширяев, Володя Шаститко, Ян Шмераль, Толя Бутенко, Слава Дашичев и многие другие. Глядя на нас – старших, возможно и «молодое племя» вторило нам. Да, так оно и было. И проявлялось в самых различных ситуациях: и в нелепых выездах солидных докторов наук вместе с младшими научными сотрудниками на овощную базу, и в походах и «стояниях» на холодном ветру или в жару у столба №..., мимо которого проносился кортеж то ли Чаушеску, то ли еще какого-нибудь зарубежного лидера. Все понимали глупость и неэффективность наших «капустных расчисток». Но злобы не было. Как приятно и весело было смотреть на очаровательную Аллу Федотову, рубившую ножом очередной капустный лист.

А вот «капустники» на сцене нашего зала на 5-м этаже, в которых часто «заводилой» был Володя Шаститко, воспринимались всегда с восторгом. Правда, в них уже тогда был довольно острый, но явный иронический подтекст, по поводу СЭВа, и мировой «SOSсистемы».

В этом же зале (мало кто сейчас помнит) вскоре после моего прихода в дирекцию удалось организовать просмотры художественных фильмов, которые мы получали из посольств восточноевропейских стран. Не помню, был ли там «Человек из мрамора» Вайды, но и в чешских, и в венгерских фильмах (которые на московские экраны, конечно, не попадали) уже были идеи и сюжеты весьма оппозиционного к «реальному социализму» смысла. Переводил текст кто-нибудь из страновиков.

А какое веселое настроение было в переполненном нашем зале, когда прямо со сцены шел поразительно умный разговор (именно разговор, а не только очередная концертная сценка) Андрея Миронова или Александра Ширвиндта.

Мой одесский земляк – ученый секретарь нашего Института Петя Кондрашов как-то пригласил к нам своего давнего одесского друга Михаила Жванецкого. После общения с ним (именно общения, а не эстрадного выступления) весь Институт чуть ли не месяц повторял одесские и другие «хохмы» Жванецкого.

Были в этом зале и приятные камерные музыкальные вечера. Почему их нет в XXI веке?

Когда я вспоминаю эти, на первый взгляд, незначительные и не имеющие никакого отношения к нашей науке события, то ощущаю какую-то особую близость друг другу всех (или во всяком случае большинства) моих коллег и друзей. Не было той разобщенности, которая, увы, наступила позже и, по-моему, ощущается и сейчас, спустя много лет. Но это особая, грустная тема.

Что многих из нас объединяло, так это заинтересованность в работе друг друга. Меня, историка-международника, помню стали интересовать работы Юры Ширяева, Петра Мартыновича Алампиева, Кости Микульского, Рубена Евстигнеева и других экономистов.

Сейчас, когда я иногда снимаю с книжной полки книги моих коллег (многие с дарственными надписями), то при их новом просмотре не перестаю удивляться их актуальности. Да, сегодня многие их идеи и взгляды не потеряли своего научного значения. А может я заблуждаюсь?

Конечно, тогда эти книги не могли выйти в свет без цитат из очередных речей Брежнева или партийного восточноевропейского лидера. Но, если их вычеркнуть из текста, то вся книга – это серьезный анализ социально-экономической ситуации или какой-либо важной экономической проблемы.

И сегодня это не просто история «мировой соцсистемы», а пример глубокого анализа, метода исследования. Да и огромный фактический материал.

Вот, например, книги П.М. Алампиева, вышедшие в 60-е годы: «Экономическое районирование СССР»; «Вопросы размещения производства и экономического районирования», «Проблемы международного социалистического разделения труда», ряд работ об экономике Казахстана и др.

В 1971 г. вышла книга Ю.С. Ширяева «Международное социалистическое разделение труда (Вопросы теории)». Затем одна за другой выходят в 1980, 1981, 1984 гг. его монографии «Международные производственные системы», «Социалистическая экономическая интеграция и международные экономические связи», «Мировое хозяйство: новые технологические и социально-экономические факторы развития».

В 1967 г. выходит интересная монография К.И. Микульского «Национальные ресурсы и международное сотрудничество». Затем следует целая серия его книг. Р.Н. Евстигнеев еще в 1962 г. выпустил работу «Принципы материальной заинтересованности в промышленности Чехословакии», а в 1968 г. – «Экономические реформы в европейских странах социализма», а в 1972 г. – «Новые тенденции в управлении экономикой (Из опыта европейских стран СЭВ)».

Одновременно под редакцией Ю.С. Ширяева, В.М. Шаститко, Н.П. Шмелева и др. выходят сборники работ по экономическим, финансовым, внешнеторговым проблемам стран социализма.

Помню, что все эти работы и многие другие с большим интересом воспринимались в Институте и были предметом серьезных обсуждений без каких-либо пустых «презентаций», на которых участники, подчас, не знают названия «презентуемой» книги, а ждут с нетерпением начала фуршета. Но это так, кстати.

Пропал ли объект исследования?

Надвигавшаяся катастрофа, если не для всей «социалистической системы», то для ряда стран, нами в ИЭМСС ощущалась более, чем где-либо. Наши тревожные, но аргументированные записки воспринимались «наверху» с каким-то раздражением. Не забуду, как после одной из таких записок о положении в Польше один из высокопоставленных партийных чиновников Отдела ЦК буквально орал на меня по телефону: «Что вы там драматизируете ситуацию в Варшаве? Что за паникерство?» А через две или три недели генерал В. Ярузельский ввел в стране военное положение. Кстати, оравшего на меня чиновника скоро

отправили ... в какой-то государственный комитет (?!). Но на весьма приличную должность и зарплату.

Тревожные 80-е годы, неоправдавшиеся надежды на горбачевскую перестройку, кризис во всех социалистических странах и, конечно, длительная стратегия Запада привели к распаду «социалистического содружества» и его главных органов – Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. А затем рухнул и Советский Союз.

Некоторые сотрудники из других академических институтов с иронией, а то и с явным недоброжелательством стали публично заявлять, что у Института экономики мировой социалистической системы пропал объект исследования. Это говорили даже и сотрудники нашего Института, пребывая в растерянности и страхе за свое будущее.

Надо отдать должное Олегу Тимофеевичу Богомолу и его заместителю Александру Дмитриевичу Некипелову (не буду же я его по-прежнему называть Сашей!), которые все сделали для сохранения Института. Изменилось его название – он стал именоваться Институтом международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ), изменилась и структура института. Все эти изменения были поддержаны Отделением экономики и особенно академиком-секретарем Дмитрием Семеновичем Львовым, которого в нашем Институте особенно ценили за светлый ум и откровенную смелую критику сложившихся в стране порядков.

Но предмет наших исследований не пропал. Напротив. Как казалось мне, проходившие на постсоциалистическом пространстве преобразования, их глубокое изучение имели не только научное, но и большое практическое значение для нашей пребывавшей в глубоком кризисе России. Реформы, экономические и политические, в Восточной Европы, перспективы отношений

России с ее бывшими партнерами, новая геополитическая ситуация в Европе и мире – все это требовало подлинно научного, объективного осмысления.

И еще одна проблема, которая волновала меня как историка и которую мы с Анатолием Бутенко («отставные руководители», но весьма довольные своим статусом главного научного сотрудника) по много часов обсуждали: почему так внезапно все произошло? Ведь процесс разрушения «реального социализма» мы ощущали уже давно. Но когда он начался? Где его корни?

На одном из заседаний Ученого Совета, а точнее – в ноябре 1995 г., я предложил подготовить большое комплексное исследование, посвященное становлению, развитию и падению социалистического строя в Восточной Европе. У председателя Совета О.Т. Богомолова мое предложение не вызвало какого-то положительного отношения. Напротив. Когда через некоторое время я изложил ему более детальный и конкретный план будущей работы, Олег Тимофеевич сказал, что все это – никому сейчас неинтересная история.

Возможно, директор тогда был поглощен своей политической деятельностью, а затем работой в качестве депутата и заместителя заведующего международным комитетом Государственной Думы. Но в результате моя инициатива не была поддержана. А я уже строил планы издания большой «Истории мировой социалистической системы».

Мой многолетний опыт изучения Восточной Европы подсказывал мне, что в этой истории были не одни «мрачные страницы», как это стали утверждать, увы, некоторые мои коллеги. Долгое время «борясь» с антикоммунизмом, они вдруг превратились в самых активных и злобных противников «реального социализма», который они еще недавно восторженно восхваляли.

Поэтому мне хотелось не только разобраться в причинах падения, но и объективно, без ложной апологетики и без бездумного очернительства осветить все этапы четырех десятилетий существования «социалистического содружества».

Мои взгляды разделяли заместитель директора А.Д. Некипелов, ставший потом директором Института, и новый заместитель директора Светлана Павловна Глинкина (да, та самая Светлана, которая когда-то отказалась от моего предложения поехать на дипломатическую работу от Института в Будапешт, где, по моему шутливому утверждению, она могла стать новой Коллонтай).

Ну, а дальше все произошло так, как мне представлялось. Редакционная коллегия во главе с А.Д. Некипеловым развернула активную работу, и на свет появились один за другим четыре тома фундаментального исследования, объединенного общим названием – «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века».

Это был результат серьезной и кропотливой работы большого авторского коллектива – не только страновиков, но и проблемников, практически из большинства отделов Института. Сама подготовка труда проходила в диспутах, подчас спорах и сомнениях. Да и с точки зрения подготовки текста, его редактирования – это была первая большая многотомная работа всего Института. Вряд ли ее можно было реализовать без научно-вспомогательного обеспечения со стороны прежде всего Л.Е. Перевезенцевой, а также Н.Г. Бобковой, Т.Г. Фейт и К.Г. Челлини.

Но мы это все преодолели. Отзывы на наш труд были самые благожелательные.

Затем под редакцией молодого доктора экономических наук, профессора С.П. Глинкиной и при моем участии вышел

двухтомник «Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века».

К этому следует добавить, что еще в 1992 г. моя коллега по сектору Румынии Надежда Владимировна Фейт и я возглавили коллектив страновиков, выпустивших сборник «Россия и Восточная Европа». Так было положено начало исследовательскому проекту, который существует до сих пор и в рамках которого подготовлена большая серия сборников. В каждом из них анализируются экономические и политические взаимоотношения России и стран Центрально-Восточной Европы.

Я назвал только лишь одно из четырех нынешних направлений научной деятельности нашего Института (ныне Филиала Института экономики РАН). Но этого достаточно, чтобы понять – объект наших многолетних исследований не пропал.

Память хранит

Мне до сих пор помнится когда-то давно прочитанная у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» грустная фраза: «Это очень печально – когда забывают друзей».

Конечно, так уж устроена человеческая память, что обо всем невозможно помнить. Но тех, с кем ты провел значительную часть своей жизни нельзя забывать. Как и тех, кто вошел в твою жизнь пусть не надолго, но в особые, суровые дни или, наоборот, в очень светлые, радостные.

Может быть поэтому я написал и издал небольшую книжку под названием «Моя военная юность», где вспомнил о своих друзьях партизанского подполья, а затем и фронтовых друзьях. В журнале «Новая и новейшая история» я опубликовал два больших очерка о моем истфаковском курсе в МГУ в 1947-1952 гг. И вот теперь – совсем уж краткий очерк о моем Институте. Хотя

об этом можно было бы написать очень много, большую книгу, а не отрывочные воспоминания.

Но дело не в количестве страниц, а в том, что моя память хранит (пока еще хранит!) многое из жизни нашего Института, а главное – имена и образы тех, рядом с которыми я был более сорока лет.

Я умышленно не называл кто ушел, а кто здесь, рядом или в другом «ведомстве». Для меня одинаково дорога память и об ушедших, и о всех ныне здравствующих. Я всем им обязан, кому за дружбу, кому за доброжелательное общение, а кому и за порицание моих деяний будь-то в Институте или за его пределами.

Как составитель и редактор этого сборника я умышленно поместил свой очерк в конце книги. Чтобы закрывая ее последнюю страницу, мой давний или нынешний молодой коллега по Институту помнил: «Это очень печально – когда забывают друзья».

Этот очерк – признание благодарности и любви моим друзьям - коллегам, с кем я работаю уже 40 лет, в среде которых и, в значительной степени, благодаря которым я могу продолжать жить и работать. Я благодарен им за все то доброе, что воспринял от них. Может, и я им что-то дал?

А за окном моей институтской комнаты на втором этаже зимняя заснеженная Новочеремушкинская. Начинается 2010 год...

«Это было недавно, это было давно...»

Редактор – Э.Я.Шейнин

Корректор – И.М.Зарецкая

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 13. 05. 2010 г. Заказ № 30
Тираж 300 экз. Формат 60х84/16 Объем 10,5 уч-из. л.
Отпечатано в ИЭ РАН